

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2023

ТОМ 8 NO 1

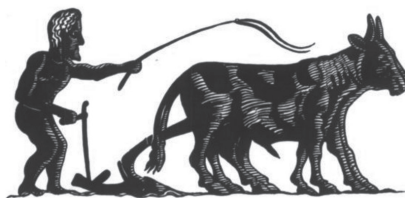
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина Левитан И.И. «Весна в деревне»

Содержание

Теория

- Савинова Т.А.* «Все мыслимое может являться предметом науки». Предисловие к публикации работ А.В. Чаянова 6
- Чаянов А.В.* Доклады: «Методика популярных чтений»; «Характеристика и общие требования наглядности» 11
- Корандей Ф.С.* Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции 23

История

- Слезин А.А.* Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов 45
- Шарапов С.В.* Региональная власть и колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны: мобилизация, попечение, коррупция (по материалам Новосибирской области) 67

Современность

- Смирнова А.А., Смирнов И.П., Ткаченко А.А.* Географический подход к классификации локальных сельских территорий (на примере Торжокского района Тверской области) 85
- Имангулов Л.Р., Куксин Я.К.* Новые функции приморской сельской местности Юга России: пример Темрюкского района Краснодарского края 104

Интервью с исследователем

- Мерль Ш.* «Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели». 131

Рецензии

- Куракин А.А.* Потребительская кооперация на селе: причины неудач 164

Научная жизнь

- Sudhir Kumar Suthar, Akanksha, Monika, Bhawana Chaudhary.* Globalization and Future of the Rural-Agrarian in 21st Century India: Issues, Challenges and Opportunities 171
- Давлетов Д.Р., Семовских У.С.* Сельско-городское развитие через проекты сохранения историко-культурного наследия Индии и России 179

Russian peasant studies

Vol. 8. 2023. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Savinova T.A.</i> “Everything conceivable can be an issue of science”	6
Preface to the publication of Chayanov’s works	6
<i>Chayanov A.V.</i> Reports “Popular readings’ method”; “Characteristics and general requirements for visualization”	11
<i>Korandei F.S.</i> Rural wastelands: Places of belonging and “ghosts” cartography of the rural depopulation landscape.	23

HISTORY

<i>Slezin A.A.</i> The conflict of generations in the spiritual sphere of rural society in the second half of the 1920s	45
<i>Sharapov S.V.</i> Regional authorities and collective-farm peasantry during the Great Patriotic War: Mobilization, care, corruption (based on the data from the Novosibirsk Region)	67

THE PRESENT TIME

<i>Smirnova A.A., Smirnov I.P., Tkachenko A.A.</i> Geographical approach to the classification of local rural areas (on the example of the Torzhok district in the Tver Region)	85
<i>Imangulov L.R., Kuksin Ya.K.</i> New functions of coastal rural areas in southern Russia: On the example of the Temryuk district in the Krasnodar Region	104

INTERVIEW

<i>Merl S.</i> “I consistently contribute to the assessment of the Soviet economic model”	131
---	-----

REVIEWS

<i>Kurakin A.A.</i> Consumer cooperation in the countryside: Reasons for failure	164
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Sudhir Kumar Suthar, Akanksha, Monika, Bhawana Chaudhary.</i> Globalization and Future of the Rural-Agrarian in 21st Century India: Issues, Challenges and Opportunities	171
<i>Davletov D.R., Semovskikh U.S.</i> Rural-urban development through the projects for preserving the historical-cultural heritage of India and Russia	179

«Все мыслимое может являться предметом науки».

Предисловие к публикации работ А. В. Чайнова

Т. А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела Российского государственного архива экономики (РГАЭ). 119435 Москва, ул. Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены два доклада А. В. Чайнова, отражающие его представления о методологии работы по распространению агрономических знаний в крестьянской среде: «Методика популярных чтений» и «Характеристика и общие требования наглядности». Доклады сделаны на заседаниях Кружка общественной агрономии Московского сельскохозяйственного института в 1914–1915 годах и являются основой одной из глав монографии «Основные идеи и методы работы общественной агрономии».

Ключевые слова: А. В. Чайнов, Московский сельскохозяйственный институт, общественная агрономия, наглядные пособия, плакат

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-6-10

Публикуются две работы А. В. Чайнова дореволюционного периода, представляющие собой его доклады на мероприятиях Кружка общественной агрономии при Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ): «Методика популярных чтений» (23 октября 1914 года), «Характеристика и общие требования наглядности» (12 марта 1915 года), а также протокол прений по первому докладу. Впервые эти тексты были опубликованы в малотиражном сборнике, который сегодня является библиографической редкостью¹.

Кружок общественной агрономии (КОА) сложился в МСХИ вокруг специального учебного курса «Общественной агрономии», который с 1906 года в форме семинарских занятий вел профессор А. Ф. Фортунатов. В основе этого предмета лежала давняя идея профессора о необходимости создания в России системы участковых агрономов, работа которых финансируется не из государственного бюджета, а за счет земств, и нацелена на помощь прежде все-

1. Материалы по внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний. Вып. 1: Доклады А. В. Чайнова, Д. М. Шорыгина, А. А. Зубрилина, В. А. Кильчевского и А. А. Евдокимова, прочитанные на общих собраниях КОА в 1914–1915 гг. / Под общей редакцией проф. А. Г. Дояренко и А. В. Чайнова, с предисл. А. Г. Дояренко. М., 1917. С. 1–5, 71–77.

го крестьянскому, а не помещичьему хозяйству. Задачами земских, то есть неправительственных, общественных агрономов виделось изучение местных условий сельского хозяйства и положения крестьянского хозяйства, пропаганда среди местного населения передовых методов агрономии, а также идей кооперативного хозяйства и практическое содействие крестьянской кооперации. Преподавание в институте спецкурса «Общественной агрономии» ориентировалось на тех студентов, которые предполагали связать свою карьеру с поприщем земской участковой агрономии и кооперации.

Появление такого учебного курса, как и студенческого кружка, и бурное развитие самой земской агрономии стало возможно благодаря демократизации общественной жизни, происходившей на фоне Первой русской революции. В частности, реакцией правительства на многолетнее участие студентов в протестном движении стало принятие 11 июня 1907 года правил «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений» (Рязанцева, 2015: 74), на основе которых Совет МСХИ за шесть лет утвердил уставы 40 студенческих организаций, из них 20 просуществовали до 1917 года², в том числе и Кружок общественной агрономии, созданный в 1908 году. Наступила «пора кружков любителей естествознания, общественной агрономии, дополнявших и без того прекрасную школу», о которой с таким восторгом вспоминал Н. И. Вавилов.

Студент А. В. Чайанов, поступивший в МСХИ в 1906 году, был активным членом КЮА и не раз выступал на его собраниях с докладами: «Два типа исторического развития систем полевого хозяйства», «Общественные мероприятия по сельскому хозяйству в Италии», «Организационный план хозяйства и кооперация», «История сельского хозяйства в Бельгии» (Чаянов, 2000: 137). По окончании института в 1911 году он был оставлен для написания диссертации, а с 1913 года начал преподавать, разделив со своим учителем Фортунатовым предметы цикла (кафедры) «сельскохозяйственной агрономии», в том числе начал вести семинар по «Общественной агрономии и сельскохозяйственной кооперации».

Идеи «общественной агрономии» стали достоянием отнюдь не только узкой группы агрономов-экономистов, они овладели широкими массами российской сельскохозяйственной интеллигенции конца XIX — начала XX века, и Фортунатов был не столько их родоначальником, сколько одним из первых и наиболее ярких их выразителей. Стремление идти «в народ» жило среди профессуры и студенчества.

В 1902 году все университетские города России сотрясали мощные студенческие забастовки, в связи с чем занятия в МСХИ были прерваны. Тогда у группы младших преподавателей возник замысел

2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 590.

организовать чтения или беседы по своей специальности в рабочих районах Москвы и в окрестных деревнях. Под руководством профессора политэкономии Н. А. Карышева была организована лекторская комиссия из ассистентов института, разработавшая несколько циклов популярных лекций-бесед и проводившая их в деревнях. В течение зимних месяцев в различных пунктах состоялось свыше 80 чтений. Одним из активных участников этого движения был А. Г. Дояренко, проведший тогда и позднее более 40 чтений-бесед. Став в 1913 году профессором кафедры общего земледелия МСХИ, Дояренко наладил тесные связи с кружками Общественной агрономии и Опытного дела. Уставом кружков не позволялось приглашать на их заседания посторонних лиц, и выход был найден в семинарах на кафедре общего земледелия, состав которых не регламентировался. Многолюдные собрания студентов были на докладах приглашенных агрономов М. Е. Шатерникова и А. А. Зубрилина, профессора М. Н. Вонзблейна, кооператоров В. А. Кильчевского и А. А. Евдокимова, президента Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримова, экономистов П. П. Маслова и С. Л. Маслова³.

Относительно просветительских выступлений перед крестьянами Дояренко позднее отмечал, что за первым внешним их успехом «пришлось пройти сложную эволюцию отношений к разного рода беседам от увлечения ими до отрицания их значения, пока не было определено их место в общей культурно-просветительской работе, место чрезвычайно скромное, но все же не лишенное некоторого значения при благоприятствующих тому условиях» (Дояренко, 1917: IX). Важнейшими проблемами агрономических чтений Дояренко считал необходимость детального знания местных условий, а также выяснения особенностей деревенской аудитории, которые должны составить, по его мнению, предмет особой науки.

Именно эти проблемы ставил в центр своего внимания Чаянов в публикуемых здесь докладах. Чаянов предлагал земскому агроному использовать арсенал знаний современной педагогической науки и нарождавшейся науки о рекламе.

Структура первого доклада «Методика популярных чтений», несмотря на неопытность автора, уже характерна для Чаянова: общее положение крестьянского хозяйства, общие задачи агронома-педагога, а затем конкретные вопросы знания аудитории и приемов преподавания. Молодость лектора выдает лишь его утверждение, что «наличность сознательности не обязательна, т. к. она вообще не свойственна крестьянскому способу мышления, облекающему свой опыт в форму примет и поговорок». Как показали прения по докладу, далеко не все слушатели были согласны с этим утверждением.

Подобную схему мы встречаем и во втором докладе «Характеристика и общие требования наглядности». Здесь интересны рассужде-

3. РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 592.

ния автора о плакате вообще, а затем дана схема систематизации плакатов по группам и применению их в качестве наглядных пособий. Этот жанр был не чужд и самому Александру Васильевичу. В 1916 году они вместе с художником Алексеем Рыбниковым создали плакат для Центрального товарищества льноводов «О том, как Кондрат с Пантелеем свой лен продавали», который как раз и относился к группе плакатов, охарактеризованных в докладе. Он представлял собой популярную брошюру об обработке, хранении и транспортировке льна, развернутую в один лист. Удивляет предвидение Чаяновым тех основных качеств плаката, которым он должен был соответствовать, являясь главным наглядным пособием и рекламным средством на протяжении всего советского периода отечественной истории.

Впоследствии идеи, изложенные в докладах в КООА, Чаянов развил в шестой главе своей крупной работы «Основные идеи и методы работы общественной агрономии», написанной по материалам его учебного курса. От мысли, что для крестьянской аудитории «наличность сознательности не обязательна», он отказался. Эта книга относится к тем немногим его произведениям, которые еще при жизни автора выдержали три издания (1918, 1922, 1924) и были переведены на немецкий язык (1924), а затем дважды переиздавалась в избранных сочинениях (1967, 1989) (Библиография, 2020: 33, 38, 40, 41). Похоже, что и сам автор дорожил ею, ведь именно третье издание монографии было подарено коллеге и другу, возвратившемуся из эмиграции, с дарственной надписью: «Дорогому Николаю Павловичу Макарову с просьбой не пенять на меня за издат[ельское] предисловие, ибо я о нем узнал, только получив уже саму книгу. А. Чаянов»⁴. В издательском предисловии говорилось, что автор хотя и не придерживается марксистской идеологии, но книга его является чуть ли не «единственным пособием по тому или иному практическому вопросу и отвечает насущной потребности момента», поэтому, взвесив все за и против, приходится ее опубликовать.

Библиография

- Библиография школы Чаянова (2020): направления исследования. Методическое пособие / Сост. В. О. Афанасенков, И. А. Кузнецов, А. М. Никулин, Т. А. Савинова. М.: Издательский дом «Дело».
- Дояренко А. Г. (1917). Предисловие. Характерные черты внешкольной работы агронома // Материалы по внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний. Вып. 1 / Под общ. ред. проф. А. Г. Дояренко и А. В. Чаянова. С. VII–XV.
- Рязанцева Н. Б. (2015). Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи // Петербургский исторический журнал. № 4. С. 65–82.
- Чаянов В. А. (2000). А. В. Чаянов — человек, ученый, гражданин / Под общ. ред. члена-корреспондента РАН Г. И. Шмелева. М., 2000.

4. РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 4.

Preface to the publication of Chayanov’s works

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department, Russian State Archive of Economy (RGAE). Bolshaya Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435. E-mail: savinova30@yandex.ru

Abstract. The author presents two A. V. Chayanov’s reports on the methodology for disseminating agronomic knowledge among the peasantry — “Popular readings’ method” and “Characteristics and general requirements for visualization”. Chayanov’s presentations were made at the meetings of the Circle of Social Agronomy of the Moscow Agricultural Institute in 1914–1915 and became the basis of the chapter in his book *Main Ideas and Methods of Social Agronomy*.

Key words: A. V. Chayanov, Moscow Agricultural Institute, social agronomy, visual aids, poster

Доклады: «Методика популярных чтений»; «Характеристика и общие требования наглядности»

А. В. Чайнов

Публикатор: *Татьяна Александровна Савинова*, кандидат экономических наук, начальник отдела Российского государственного архива экономики (РГАЭ). 119435 Москва, ул. Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova3o@yandex.ru.

Аннотация. В публикации представлены два доклада А. В. Чайнова дореволюционного периода, представляющие собой его доклады на мероприятиях Кружка общественной агрономии при Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ): «Методика популярных чтений» (23 октября 1914 года), «Характеристика и общие требования наглядности» (12 марта 1915 года), а также протокол прений по первому докладу. Впервые эти тексты были опубликованы в малотиражном сборнике, который сегодня является библиографической редкостью. Тексты отражают представления ученого о методологии работы по распространению агрономических знаний в крестьянской среде и являются основой одной из глав монографии «Основные идеи и методы работы общественной агрономии».

Ключевые слова: А. В. Чайнов, Московский сельскохозяйственный институт, общественная агрономия, наглядные пособия, плакаты

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-11-22

23 октября 1914 года

Россия переживает глубоко интересную эпоху. Крестьянское хозяйство, целые сотни лет упорно державшееся прадедовских заветов земледелия, сдвинулось с мертвой точки трехполья и начало с удивительной быстротой перестраивать уклад сельской жизни. Нам, современникам, этот процесс кажется медленным, нам досадно, что введение травосеяния, кооперативное движение, улучшения в области животноводства не происходят, как кажется, с достаточной быстротой. Но если мы станем на историческую точку зрения и будем измерять агрономическую реформу мерилом скорости исторического процесса, то два десятилетия, в которые трехполье и сохе был нанесен решительный удар, покажутся чрезвычайно коротким сроком. Однако на примере два десятилетия тому назад чрезвычайно бедного Волоколамского уезда мы можем видеть успехи сельского хозяйства и в более короткие периоды. Бюджет одного едока в этом уезде равняется теперь 101 рублю с копейками. В то же время эта средняя сумма для всей России равняется 75 р., а в юж-

ных губерниях спускается до 55–60 р. Возрождение же этого уезда происходило на наших глазах под влиянием агрономического персонала, явившегося как бы ферментом. Мы знаем, что агрономический персонал этот не творит новых хозяйственных форм. По словам проф. А. Ф. Фортунатова, работа его подобна работе акушера, он как бы находится при родах нового строя, он ускоряет этот процесс. Процесс этот, несомненно, совершался бы и самостоятельно, но на несколько поколений позже. Агроном заставляет протекать его бурно. Он делает этот процесс сознательным, рационализирует стихийные формы хозяйственных исканий. Обязанность его — во всеоружии знания войти в толщу жизни и помочь возрождению деревни. Его задача — использовать все открывающиеся для этого возможности.

Но деятельность агрономическая неразрывно связана с деятельностью педагогической. Агроном является участником в общей педагогической работе, и педагогическая мысль должна быть в то же время мыслью агрономической, ибо агрокультура и культура взаимно связаны между собой. В некультурной среде невозможно провести нужные мероприятия, и, с другой стороны, культурная деятельность невозможна там, где нет достаточного материального благосостояния. Получается, так сказать, заколдованный круг, из которого и дает выход агроном, являющийся одновременно носителем просвещения и культуры и кузнецом экономического базиса этой культуры — материального благосостояния.

Является вопрос, что же должна дать нам, агрономам, педагогика как наука. Надо сознаться, что педагогика до сего времени мало интересовала агрономов, и им приходилось в своей работе руководствоваться собственными навыками и не раз открывать истины, о которых говорил еще Песталоцци. Ввиду тождества просветительской работы агронома с работой педагогической нам кажется необходимым, чтобы общественная агрономия в своей работе оперлась на многовековой опыт педагогической науки. Из этого, конечно, не следует, что изучивший педагогические учебники агроном сразу делается превосходным лектором и пропагандистом. Как говорил И. А. Стебут, никакая наука, никакая школьная педагогика не может сделать общественного агронома, но она может помочь сделаться им. Она может помочь сделаться хорошим популярным лектором, если человек имеет к тому данные и приложит усилие. Так же как работа Леонардо да Винчи об основах искусства не может создать художника, но может многое облегчить ему в уяснении вопросов теории и техники искусства.

Однако педагогическая теория и агрономическая практика еще настолько мало соприкасались друг с другом, что в настоящее время совершенно невозможно дать какого-либо законченного курса «Общественно-агрономической педагогики».

Целью данной серии бесед является обрисовка общих проблем, постановка общих вопросов, перед которыми становится каждый

лектор-популяризатор, выяснение того, что должен знать последний, чтобы иметь дело со своей аудиторией.

Во-первых, лектор должен знать свою аудиторию, но учение о крестьянской аудитории не создано, не известен характер памяти, образов, представлений крестьянской аудитории. Эти образы, часто странные представления космического характера являются базой крестьянского мирозерцания, и с этой базой надо считаться. Является вопрос, надо ли сразу вступать в борьбу с этим мирозерцанием, одним из выражений, образом которого является, например, представление о колеснице Ильи Пророка как причине грома, или нужно применять метод игнорации, не вступать в полемику, отправляться от очевидности, внедряя этим ряд новых образов и строя параллельно старой новую систему мирозерцания, а раз эта новая система миропонимания будет создана в умах крестьян, то в возникающем неизбежном конфликте шансы будут на ее стороне. Если же вступать сразу в борьбу с этим мирозерцанием, то крестьянский мозг просто отбросит новые теории, не найдя к ним никакого возможного мостика для перехода. Затем является второй вопрос, каким путем должен слагаться подбор образов и понятий, долженствующих в конечном итоге победить представления крестьянской аудитории. Так, например, лектор заявляет, что есть хороший прием обработки почвы, прием раннего пара, который дает большие урожаи. Затем следует развитие этого положения и конечное объяснение причин этого урожая. Это метод целевого построения, где задача ставится заранее. От заявления известного приема лектор переходит к постепенному обобщению и конечному объяснению. Второй метод советует говорить сначала в данном примере о почвоведении вообще, о способах обработки почвы и после ряда общих положений переходить к практическому совету в конце лекции, как выводу из этих общих положений. Какой же путь педагогического воздействия более удобен. Что касается аудитории высшей, там второй путь является лучшим, это путь сознательного воздействия. Для крестьянской же аудитории наиболее подходящий первый путь, т. к. крестьянский мозг мыслит конкретно. При дедуктивном способе изложения внимание слушателя ослабевает, пропадает база, и эффект практического вывода не производит уже должного действия. Если же сначала даются конкретные последствия общих положений, слушатели заинтересовываются, и, когда вниманию уже дан некоторый толчок, можно рассчитывать на его длительность.

При выборе одного из вышеизложенных методов встает общий принципиальный вопрос: должно ли внедрение новых понятий в крестьянский мозг быть обязательно сознательным или же может быть и чисто механическим.

Необходимо разрешить этот этический вопрос, есть ли моральное право внедрять сведения без сознания причин, можно ли признать этот метод распространения сельскохозяйственных знаний?

А. В. Чалянов
Доклады: «Методика популярных чтений»; «Характеристика и общие требования наглядности»

Мы полагаем, что наличность сознательности не обязательна, так как:

1. она вообще не свойственна крестьянскому способу мышления, облекающему свой опыт в форму примет и поговорок;
2. последовательное проведение этого принципа до чрезвычайности замедлит агрономическую работу;
3. осознание рекомендуемого мероприятия легче сделать тогда, когда оно уже успешно вкоренилось в жизнь.

Поэтому мы рекомендуем использовать в агрономической работе лучший массовый аргумент — простое повторение. Результат такого повторения бывает очень значительным. Это — педагогический прием лучший, чем доказательство. Нельзя отказываться от такого сильного средства, как несознательное внедрение, — средством которого является прямое повторение. Одним из видов такого средства являются плакаты, которые слушатель видит и на опытной станции, и в квартире агронома, и в кооперативе, плакаты, которые как бы преследуют его своим повторением. Другим примером являются лекции агитационного характера. Тут я могу вспомнить итальянского агронома на базаре в одном городке. Сидя на возу с капустой и держа два кочна, он настойчиво повторял короткую речь, которая почти сводилась к одной фразе: «Этот с удобрением, этот без удобрения». В этом способе воздействия очень важен поражающий момент, которым широко пользуются сельскохозяйственные выставки в Италии. Необходимо отсутствие будничного характера, нужна помпа. Московское общество распространения сельскохозяйственных знаний в народе, устраивая передвижную выставку в Дмитровском уезде, за два, за три дня посылало вперед верхового, который стремительно переезжал из деревни в деревню и расклеивал многовещательные афиши. Этим достигалось колоссальное возбуждение, двери ломались от слушателей. Затем повторение имеет место в самой лекции, которая слагается по методу концентрического изложения. Сначала излагается проблема и выводы безо всяких деталей. После этого общего очерка следует повторение того же самого, но с большей степенью объема, с большей полнотой. Этим замыкается второй концентрический круг. Следует третий круг, излагающий прежние положения, но с исчерпывающей полнотой. Здесь используется прием повторения с приемом систематическим. В первом круге выясняется вся система, во втором круге дается более подробное развитие и здесь имеют место многие детали. В третьем центре еще больший объем повторения. Наконец, бывает и четвертый концентр, который заключается в раздаче по рукам выводов лекции, ее основных положений, метод практикующийся в Бельгии. Помимо повторения могучим орудием лектора является *наглядность*. Мы всегда говорили, что популярное чтение прежде всего должно быть наглядным. Ведь самые отвлеченные наши идеи в конечном итоге получают из самого конкретного восприятия. Поэтому именно удобнее начинать с конкретных представлений.

Существует три метода наглядности. Первый метод заключается в проделывании того, что говорится, и в демонстрации того, о чем говорится, — метод естественной наглядности. Второй метод схематизации, когда дается не предмет, а его подобие. Эта схема выигрывает перед естественной наглядностью, она не дает разбрасываться по несущественным деталям. Третьим методом наглядности является метод наглядности образом. Он заключается в пользовании образами, заведомо находящимися в представлении слушателей. Эта система наглядности, состоящая из трех методов — естественного, искусственно-предметного и искусственно-образного, может быть в различной степени применяема в различных аудиториях. В аудитории крестьянской наиболее пригодна естественная наглядность. Переход к следующему методу требует от слушателей уже некоторого интеллектуального развития, и выбор средств в конце концов угадывается чутьем лектора. Последний же метод более редко может быть употреблен в крестьянской аудитории.

Далее возникает вопрос, что же должно вкладываться в качестве содержания в формы концентрического изложения. Несомненно, это дело субъективное. Вундт говорил, что когда мы говорим о жизни на диспутах, в беседах, мы все разделяемся на механистов, виталистов, каждый имеет определенное философское мировоззрение. Но при работе в лабораториях это мировоззрение как бы сменяется упрощенными, чисто рабочими представлениями. Далее, Пуанкаре считает, что некоторые науки, например, современная электромагнитная физика, достигли теперь такой сложности, что годятся для преподавания только специалистам. В средней же школе мы должны остаться при старой механической идее объяснения физических явлений. И именно в крестьянской аудитории надо избегать ошибок в этой области. На многих трехнедельных сельскохозяйственных курсах проходят весь курс Московского сельскохозяйственного института. Это глубоко ошибочная точка зрения. Надо излагать рабочее представление о трактуемых вещах интеллигентного человека. Целый ряд выводов, необходимых для научной системы, не нужны слушателям. Задача лекторов заключается не в разрешении научных вопросов.

Из выше сказанного мы можем поставить 4 тезиса:

Лекция должна быть построена по рабочему представлению лектора.

Она должна быть украшена наглядными пособиями.

Метод изложения ее должен быть нагляден, и степень наглядности согласована с аудиторией.

Должно быть использовано повторение с системой трех центров и раздачей тезисов.

Прения по докладу А. В. Чайнова «Методика популярных чтений»

23 октября 1914 года

Основное возражение, сделанное докладчику в прениях, сводилось к сомнению в пригодности таких средств воздействия на аудиторию, которые, оставляя в стороне понимание рекомендуемых мероприятий, рассчитаны исключительно на сильное впечатление, эффект, действительные лишь в первую минуту и требующие затем сознательного отношения со стороны аудитории. Без такого отношения пропаганда агрономических улучшений с помощью указанных докладчиком методов будет недействительна и желательных результатов не даст.

При этом А. И. Бадьиным было указано, что злоупотребление методом повторения может вылиться в рекламу, способ агрономической пропаганды, конечно, нежелательный. Метод распространения сельскохозяйственных знаний надо рассматривать в перспективе всей агрономической работы, а на аудиторию смотреть как на собрание мыслящих людей. Студенты часто не идут в участковые агрономы из боязни не понять аудитории и не быть понятой ею. Науки же об аудитории нет.

И. В. Якушкин считает положения докладчика слишком отвлеченными и изложенными применительно к аудитории Западной Европы. Знакомство с аудиторией должно быть и есть у тех, кто работает в агрономическом участке. Для пропаганды улучшений нужно знать местные условия, и основным методом ее является метод беседования. Тогда как академическая аудитория часто остается пассивной и немой, народную аудиторию пробудить гораздо легче — надо лишь тут же отвечать на возникающие вопросы и не парализовать попыток беседы. Иначе цельность изложения купится дорогой ценой безмолвия аудитории.

А. Г. Дояренко считает возможным принять путь, предложенный докладчиком, только приняв его посылки: что аудитория не знакома лектору, что ведется не беседа, но лекция и что задачей последней является пропаганда известных приемов. Но все эти посылки должны быть отвергнуты, и схема докладчика изменена. Аудитория должна быть знакома агроному, который должен вести беседу, а не лекцию, не пропаганду. Рецепт в этой области совершенно неприменима, т. к. нет в агрономии ни одного приема, который мог бы применяться без осознания, без понимания его хозяином. Ис-

ходный пункт метода вопросной беседы есть выяснение недостатков местного хозяйства. Наука об аудитории должна быть, и нельзя отказываться от познания этой аудитории.

А. В. Чаянов, отвечая на сделанные возражения, указывает, что вопрос об общей системе бесед, чтений и пр. — вопрос, так сказать, стратегии, не разбирался в докладе, в котором говорилось лишь о тактике, о проведении их в жизнь. Указанных приемов, при которых, конечно, мера вещей и личное чутье агронома играют большую роль, нельзя игнорировать при начале работы, в дальнейшей стадии которой следует перейти к методу систематического доказательства. Содержание доклада составило то, что относится к данному вопросу из области педагогики и психологии. Беседа есть, несомненно, лучший способ общения с аудиторией. Но приходится брать среднего агронома, которому она не по силам. Учение об элементах аудитории вполне возможно. По словам А. Ф. Фортунатова, все мыслимое может быть достоянием науки.

А. В. Чаянов

Доклады: «Методика популярных чтений»; «Характеристика и общие требования наглядности»

Характеристика и общие требования наглядности

**(Доклад на выставке по внешкольному
сельскохозяйственному образованию, устроенной Кружком
общественной агрономии)**

Конспективная запись

А. В. Чайнов

12 марта 1915 года

Во введении к экспертизе плакатов я хотел сделать несколько замечаний о плакатах вообще. Пока еще нет ответа на вопросы, как составлять плакаты, как их рекомендовать. В этой области ничего не сделано и «наука о плакате» находится еще *in statu nascenti*. Еще так недавно был спорным самый вопрос о том, может ли плакат являться предметом научного изучения. Однако мы не раз слышали от А. Ф. Фортунатова, что все мыслимое может являться предметом науки.

Науку о том, как составлять плакаты и как ими пользоваться, можно назвать наукой о социальной технике, о методах воздействия на массы людей.

Всякая наука есть не более, как организованный опыт человечества, и этого опыта воздействия на массы не было вообще. Поэтому не могло создаться и *организованного опыта*, т. е. науки о методах массового воздействия на население.

Мне известна только одна книжка *Psychologie commercial* из известного цикла *Encyclopedie scientifique*, где есть глава, посвященная рекламе — теории воздействия на воображение. Таким образом, в то время как общественные деятели не имеют соответственной дисциплины, коммерсанты ее уже имеют. Это произошло потому, что «реклама» старше «плаката»!

Теперь в ожидании науки о плакате приходится лишь слышать замечания по поводу теории плаката, замечания, носящие характер личных впечатлений, часто облеченных в форму анекдотов.

В дальнейшем я попытаюсь дать посильную сводку этого ограниченного опыта.

Если обозреть всю нашу выставку, то не будет одних методов оценки, т. к. плакаты, на ней представленные, отвечают разным задачам. А оценка должна руководиться тем, удовлетворяют ли плакаты поставленным им задачам. Но первое прикосновение систематизации нашего материала с точки зрения задач делит его на три группы.

Во-первых, мы имеем таблицы для пользования во время чтения — лекционное пособие, их задача — дополнение и помощь живому слову.

Цель второго рода плакатов — выступать самостоятельно, без лектора. Они действуют на воображение наглядным ярким изображением и снабжены кратким пояснительным текстом. Это группа агитационного плаката, не нуждающегося в сопровождении живого слова.

Наконец, третья группа плакатов, действующих не изобразительным методом, а логическим рассуждением. В сущности — это маленькая популярная брошюра, развернутая на один лист.

Таким образом, существует три сорта плакатов:

1) Лекционные таблицы, помогающие живому слову. 2) Плакаты без слов, где фокус внимания в изобразительности. Этот второй вид постепенно переходит к брошюре, к краткой листовке, развернутой настенной таблице (3).

Очевидно, что требования, предъявляемые к плакатам этих трех групп, должны быть различны.

Цель выставки — характеристика 2-го типа плакатов. Поэтому остановлюсь главным образом на них.

Главное требование к первого рода плакатам — таблицам при лекциях заключается в том, что они должны представлять собой наглядное пособие.

З. П. Мороз в своей статье «Метод наглядности в применении к агрономической работе»¹ различает наглядность трех степеней: 1) естественная наглядность — объект чтения должен быть показан в естественном виде; 2) искусственная наглядность, подразделяющаяся на реальное изображение без схематизации (фотография) и схематическую искусственную наглядность с упрощением объекта и передачей сущности; 3) наглядность образов, при которой лектор строит свое изложение на таких образах, которые заранее должны находиться в памяти его слушателей.

Всякий переход от естественной к систематической наглядности должен идти параллельно со степенью развития аудитории. Обычно нам приходится иметь дело с умами, привыкшими мыслить конкретно. Таким образом, первый вопрос, встающий при выборе пособия, — определение степени схематизации, которую можно применить в данной аудитории. Нужно определить степень наглядности пропорционально степени развития аудитории. Это — самый главный закон в пользовании лекционными пособиями. И, следовательно, вопрос не в сущности, а в выборе пособий. Абсолютно негодных пособий нет. Вопрос лишь в выборе и применении их. Все пособия могут быть изображены в форме таблицы, диапозитива и рисунка на доске. Является вопрос, когда какие формы можно

1. Агрономический журнал» 1913 года — примеч. А.В. Чаянова. [Мороз З.П. Принцип наглядности по отношению к агрономической деятельности // Агрономический журнал. 1914. № 4-5.]

употреблять. Наиболее живое пособие — диапозитивы. Они важны тогда, когда бывает необходима яркость впечатлений, но если требуется глубокое проникновение, то диапозитивы неудовлетворительны, тут нужно переходить к плакату. Плакат висит все время, до лекции, во время ее и после, диапозитив же мелькает, и мысль слушателя часто не успевает разобраться в виденном. Более длительное воздействие оказывается возможным, когда пособие дается в форме плаката, а не диапозитива. Последние нельзя показать одновременно, сравнить, что можно сделать по отношению к плакатам.

Метод рисования на доске схематичен и может быть применен в достаточно развитой аудитории. Но рисование является хорошим методом при схематическом изображении ввиду постепенности появления образов. На контуре набрасываются все новые детали. Действие проявляется в словах и графически, что лучше, чем появление сразу законченного рисунка. Более детальные указания относительно этого давать не приходится за недостатком времени.

Относительно плакатов первого рода надо сказать, что это не схема, а попытка дать естественную наглядность, постановку определенного опыта. Эти плакаты рассчитаны на самую неразвитую аудиторию. Но, например, существуют плакаты с рисунком опыта. Если стремиться к естественной наглядности, то почему не показать опыта в натуре. Такие рисунки можно давать только для таких опытов, когда прибор почему-либо нельзя показать.

Переходим к стенным плакатам, предназначенным к действию без сопровождения живого слова.

Плакат этот не сопровождается лекцией. Следовательно, он должен сам о себе позаботиться. Он должен привлечь внимание (1), он должен сообщить нечто новое для зрителя (2), это новое должно быть представлено выпукло и наглядно (3), полезность этого новшества должна быть очевидна и доказательна (4), и, наконец, плакат должен призывать зрителя к подражанию, т. е. к действию согласно своему содержанию (5).

Теперь посмотрим, как все эти вопросы разрешаются. Относительно второй задачи — *сообщения факта* нужна правильность факта не вообще, но местная правильность. Плакат об удобрении не должен иллюстрировать действие удобрения на европейские земли, правильность нужна местная.

Опасно читать [лекцию] на юге с пермским плакатом, ибо правильность пермская не всегда может быть правильностью, например, южных губерний.

Отсюда вытекает требование районизации издания плакатов. Следующий важный вопрос — это мера содержательности плаката. Сохраненное в памяти должно быть ярко, отчетливо. Но это возможно тогда, когда содержание плаката *не перегружено* содержанием, что редко встречается в русских плакатах. Например, в одном плакате, который выставлен на нашей выставке, говорится о соотношении

посева и пара, о сортировании, севообороте, усовершенствованных орудиях, количестве скота на выгоны в России и Германии, дается сравнение урожайности в различных странах, иллюстрируется ряд технических приемов. Получается ребус, требующий разгадки, и зритель, осмотревши плакат, спрашивает себя, не найдет ли он чего-нибудь еще? Такой плакат производит впечатление, что была написана толстая книга об обработке почвы, о посеве с иллюстрациями, и затем все клише были отпечатаны на одном листе.

Цельного впечатления от факта нет. Внимание разбивается за отсутствием центрального места на всем плакате.

Остается еще вопрос о доказательности плаката. О мере очевидности. Вот, например, плакат, показывающий урожай без удобрения и по томас-шлаку, — сразу видно, что количество мешков в первом случае меньше. Но вот два равных стога, количество мешков приблизительно то же. Этот плакат рисует результаты удобрения навозом и минерального удобрения — очевидности нет.

Затем нужно требовать, чтобы основная идея плаката не была задавлена подробностями. Вот, например, плакат — хорошая картинка с мельницей, облаками, лесом, дорогой, хатой и пр., а оказывается, что главное в ней не эти аксессуары, а строение почвы. Затем на другом плакате нарисованы изба, плетень, корова и две кучи мешков, между которыми не видно особенной разницы. Крестьяне, останавливаясь перед этим плакатом, говорили: «Наверное, хуторяне — не иначе».

Далее вопрос о наглядности. В агрономической практике приходится говорить не о факте, а о действии, например, об обработке почвы и пр., но представить действие трудно, и методы этого — дело далекого будущего.

В вопросе о композиции плакатов надо различать два момента: момент привлечения внимания и момент воздействия по существу. В рекламе эти два момента совпадают, и часто внимание привлекается чрезмерным преувеличением факта. Это вряд ли допустимо для агрономического плаката, и поэтому нам приходится расчленять задачу привлечения внимания и задачу сообщения по существу. Например, кооперативный плакат «Помни и не забывай» содержит девять серьезных правил, но украшен зазвонистыми рисунками, например, плохенькой лошадью и локобилем, гиперболично иллюстрирующими мысль, как скверно без кооперации и как хорошо при ней. Это допустимо, т. к. это не по существу, и никто серьезно на них не смотрит — они являются только лубочными украшениями. Таковым же является и украшение плаката рамкой — это побочное привлечение внимания, эстетический прием, от которого содержание не страдает. В этом различие рекламы и плаката.

Но кроме того, композиция плаката должна удовлетворять условию, чтобы «все дороги вели в Рим», чтобы на первый план выдвигалась самая сущность. Например, надпись, выражающая

основную мысль плаката, должна быть поставлена в фокусе внимания. В фокусе должна быть поставлена единая мысль, роль всего остального — привлекать внимание.

Помимо всего этого, плакат должен быть хорошо издан. При сравнении окрашенных и не окрашенных плакатов, последние пропадают. Наглядность воздействия лежит в красках. Издание должно быть по возможности красочным.

Еще один вопрос о художественности плаката — орнаментовка его должна преследовать художественные цели.

Наконец, плакат должен быть лаконичным, избегать длинных строк. Указанная выше французская книга говорит, что в рекламе и плакате автор не может сам сомневаться.

Излишние доказательства здесь не уместны. Не должно быть ряда аргументов, и нужно экономить доводы. Один сильный довод сильнее, чем он сам с двумя слабыми.

Reports “Popular readings’ method”; “Characteristics and general requirements for visualization”

Chayanov A. V.

Publication: *Tatyana A. Savinova*, PhD (Economics), Head of the Department, Russian State Archive of Economy (RGAE). Bolshaya Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435. E-mail: savinova30@yandex.ru

Abstract. The author presents two A. V. Chayanov’s reports on the methodology for disseminating agronomic knowledge among the peasantry — “Popular readings’ method” and “Characteristics and general requirements for visualization”. Chayanov’s presentations were made at the meetings of the Circle of Social Agronomy of the Moscow Agricultural Institute in 1914–1915 and became the basis of the chapter in his book *Main Ideas and Methods of Social Agronomy*.

Key words: A. V. Chayanov, Moscow Agricultural Institute, social agronomy, visual aids, poster

Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции¹

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: f.s.korandey@utmn.ru

Аннотация. Интерпретация данных мобильных интервью, производившихся в сельском Приисетье летом 2022 года, позволяет выявить в ландшафте сельской депопуляции «места сопричастности» (термин И-Фу Туана), малозаметные для внешнего наблюдателя, но обладающие повышенным значением для местных жителей. Работа следует постфеноменологической оптике социальных наук, понимающей культурный повседневный ландшафт как единый процесс взаимной трансформации, порождающей как телесно-воплощенный опыт человека, так и формы социальности. Второй теоретический источник работы — тексты культурной географии, посвященные связям повседневного ландшафта и человеческой памяти, в частности «географии призрачного», исследующие зыбкость границы между присутствующим и отсутствующим в материальности повседневных ландшафтов, и в нарративах, им посвященных. Метод работы — мобильные интервью с местными жителями, производившиеся на открытой местности. Цель статьи — показать возможности, которые открывает попутное документирование и последующее картографирование архивов мобильных интервью. Кейсы, рассмотренные в основной части статьи, посвящены структурообразующей роли «мест сопричастности» в формировании стандартных нарративов репрезентации места. Как показывают мобильные интервью, именно раскрытие для нового слушателя этих мест, важных для повседневной жизни людей в данном ландшафте, но малозаметных для посторонних, формирует основу обычных путевых нарративов. Таким образом, места, часто выпавшие из активного повседневного использования, но обладающие большим эмоциональным и опытным значением для местных сообществ, имеют статус «призраков» — фрагментов ушедшего прошлого, тем не менее деятельно участвующих в современной жизни депопулирующего сельского поселения.

Ключевые слова: «места сопричастности», мобильные интервью, место, сельская депопуляция, повседневный культурный ландшафт, география «призраков», культурная география, социальная антропология

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-23-44

1. Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-05-00592 А.

Благодарности. Я выражаю глубокую признательность начальнику отдела по работе с территориями Исетского муниципального района Оксане Фоминой и всем нашим информантам за помощь в организации и проведении полевой работы, глубоко признателен анонимным рецензентам журнала за советы и рекомендации.

На углу центральной улицы — место, где «ничего не ведется». Накануне Первой мировой, сказал Н., там начали строить церковь, но не успели закончить, в тридцатых — обычный фольклорный нарратив! — кирпичи разобранной церкви увезли, чтобы возвести первые цеха молокозавода, потом было что-то еще, но все не стало. И т. д. Весь этот угол — совершенно не примечательный для постороннего взгляда пустырь, позади которого возвышаются старые тополя. Дома я обнаружил, что даже его не сфотографировал (из полевого дневника автора, Омутинский район, 14.06.2022 г.).

Процессы сжатия освоенных территорий и концентрации населения в крупных городских центрах России, движимые не только статистически наблюдаемыми процессами, но и целенаправленной административной политикой, формируют характерные повседневные ландшафты агломерационной периферии (Аверкиева и др., 2021; Нефедова, 2021; Фадеева и др., 2021: 16-32). Отток населения, реструктуризация сельскохозяйственной экономики и *post factum* реагирующие на эти вызовы административные реформы, призванные нормализовать трансформирующуюся социальную реальность, отражаются на внешнем виде поселений, повседневных практиках и дискурсах тех, кто в них проживает. Как изучать этот культурный ландшафт? В последние годы, принимая участие в экспедициях проекта, посвященного периферии агломераций Среднего Урала и Зауралья (Корандей и др., 2021), я занимался апробацией программы такого исследования. Фундаментальной задачей проекта, осуществлявшегося в том числе на депопулирующих аграрных территориях, было описание повседневного культурного ландшафта как в терминах его «чтения» с точки зрения «внешнего» эксперта, так и в терминах его «проживания» с точки зрения местных жителей. Проблема соединения этих перспектив, имеющая этические и эпистемологические последствия, решалась нами при помощи качественных подходов социальной антропологии и общественной географии, таких как описание жизни в ландшафте с точки зрения процессов восприятия и средового обучения, воплощающихся в телесных практиках (Ingold, 2000: 27, 191), и понимание географического места как насыщенной опытом, эмоциями и смыслом встречи человека с миром (Relph, 1976; Tuan, 1979; Geertz, 1996; Cresswell, 2019; Каганский, 2020). Представленная ниже статья должна быть отнесена к работам, посвященным разработке полевого инструментария качественного исследования культурного ландшафта «на земле», выступающего необходимым дополнением к синтетическим количественным, строящимся на анализе статистики и картографии (Баскин и др., 2022; Шелудков, Старикова, 2021). Помимо этой прикладной цели, мы с коллегами также имели в виду социальную насущность обновления практик репрезентации национального сельского ландшафта, дополняя академический анализ элементами «креативной хорографии», использующей

инструменты интерпретации и репрезентации, а также телесно-воплощенный опыт и эмоции вовлеченного в процесс проживания места исследователя. Наш очерк одной из полевых находок, сделанных в ходе проекта, — один из результатов такой «двойной» оптики, направленной на развитие наблюдательности исследователя повседневных культурных ландшафтов, стремящегося задействовать как академические, так и эссеистические способы репрезентации, изобразить увиденное в его живости и непосредственности.

В техническое задание проекта входили качественная методология, полилокальность и мобильность экспедиций, в этих условиях оказались полезными методы мобильного интервью. За последние три года автор принял участие в нескольких десятках прогулок, проводившихся людьми, желавшими показать исследователям места своего проживания. Повторяющиеся сценарии, формирующие характерный для любого полевого исследователя опыт — ступив на какую-то землю, через некоторое время вы уже идете по ней в компании местного жителя, обращающего ваше внимание на вещи, которые этого достойны, — позволяют сделать некоторые обобщения.

В статье, основу которой составили материалы полевого сезона 2022 года, собранные в ходе экспедиций, проводившихся к югу от Тюмени (главным образом в Приисетье, но также и в некоторых других местах староосвоенной сельской местности на широте Приисетья), я хотел бы обратиться к обычным сценариям презентации местными жителями своих поселений. И, в частности, показать, каким образом несложный набор современных технических средств документации совместной прогулки способен расширить картину пустующего ландшафта за счет значимых *невидимого* и *отсутствующего*, позволить нанести на карту «*призраки*», в изобилии населяющие нарративы наших информантов.

Теоретические рамки работы

В своем подходе к культурным повседневным ландшафтам я, во-первых, следую постфеноменологической оптике общественных наук. Центральная для этой работы идея восходит к работам американского географа И-Фу Туана. Утверждая, что место это не только функция физического расположения в пространстве, но феномен человеческого опыта и эмоций, он подразделял места на те, особый смысл которых считывается легко любым человеком («*общественные символы*», public symbols), и те, чей смысл обыкновенно скрыт от посторонних, но открыт инсайдерам, связанным с местом отношениями глубокого знакомства и привязанности (используя перевод И. И. Митина, «*места сопричастности*», fields of care) (Tuan, 1979: 412-419; Митин, 2022: 107-108). Понимание специфики инсайдерского взгляда и формирование собственных отношений знаком-

Рис. 1. Экспедиции проекта «Провоцирующие ландшафты», 2020–2022 гг. В красной рамке — места экспедиций лета 2022 г., которым посвящена настоящая работа.

ства с местом — насущный интерес любого полевика. Иными словами, некоторым местам нужно учиться. В этой связи для меня были также важны практические следствия работ Т. Ингольда и его коллег, соединивших феноменологические идеи гуманистической географии И-Фу Туана с открытиями экологической психологии, исследующей процессы средового обучения. Земная поверхность и человеческая деятельность понимаются в рамках этой теории как единый процесс коммуникации, порождающей как телесно-воплощенный опыт индивидуумов, так и формы социальности (Ingold, 2011: 47). Совместное передвижение, ходьба и прогулки (walking) как феномен сонстройки ландшафта и культуры — ключевая проблема ингольдовской теории. Комментируя классический текст антрополога Клиффорда Гирца, повествующий о том, как происходило вхождение автора в поле исследований петушинных боев на Бали (Гирц, 2017: 5-14), Т. Ингольд и Дж.Л. Верганст отметили, что благодаря совместному со своими будущими информантами бегству от полицейского рейда этот антрополог пережил одновременно и акт телесного воплощения в ландшафте (до этого жители деревни упорно не хотели замечать его присутствия), и акт соучастия, став членом запрещенного властями, но фундаментального для деревенских азартного сообщества (Ingold, Vergunst, 2006: 67-68). Для нашей темы важен, в частности, момент взаимной обусловленности физического движения в ландшафте и нарратива, которым оно сопровождается. Если это так, и прогулка, по край-

ней мере, в определенных контекстах, может быть отождествлена с нарративом, то как соотносятся слова и шаги? Чему соответствуют элементы повествования — собственно движению или остановкам на пути? Какое отношение к этому имеет материальность ландшафта и телесно-аффективное состояние гуляющих? (Ingold, Vergunst, 2008: 5-10).

Второй теоретический источник этой работы — тексты культурной географии, посвященные связям повседневного ландшафта и человеческой памяти, в частности такому аспекту этого взаимодействия, как «*география призрачного*» (spectral geographies). Эта традиция культурной географии, по крайней мере с 2002 года (Holloway, Kneale, 2008: 297) разрабатывающая проблематику значимых «*невидимого*» и «*отсутствующего*» в повседневном ландшафте (Upton, 1997; Edensor, 2008; Wylie, 2009; Frers, 2013; Hill, 2013), исследует призрачное не столько в его антропологическом «сверхъестественном» смысле, как вторжение иного мира в дела живых, сколько с точки зрения деятельного присутствия в современных ландшафтах элементов прошлого, часто вполне земных и обыденных, однако в силу свойственного для них анахронизма порождающих при проникновении в привычный порядок вещей характерные аффекты — тоску по утрате или тревогу, связанную с быстротечностью жизни. Близкая таким популярным темам социальных наук, как исследования «*мест памяти*», чувства места, коллективной ностальгии, «*география призрачного*» занимается именно тем феноменом, который интересует нас в данном случае, — зыбкостью границы между присутствующим и отсутствующим как в материальности повседневных ландшафтов, так и в нарративах, им посвященных (Holloway, Kneale, 2008). В нашем случае важен сам статус такого «*призрачного*», выражающегося в характерных «исторических» отсылках повседневного нарратива. Является ли оно признаком характерных пространств, таких как мемориалы, «темные» туристические аттракционы, индустриальные «заброски», депопулирующие деревни, или эти «*призраки*» вездесущи?

Наконец, третья область нашего исследовательского вдохновения — методы мобильного интервью и связанная с ними рефлексия (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019; Evans, Jones, 2011; Kusenbach, 2003; Macpherson, 2006; McDonald, 2005). Прогулки с местными, осуществлявшиеся в ходе наших экспедиций, обычно могли быть охарактеризованы как биографическое сопровождающее интервью на открытой местности (go-along; см.: Kusenbach, 2003). Хотя очень часто артикулируемой целью этих прогулок был показ-места-для-других (здесь мы используем терминологию замечательной работы (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019)), на практике всегда ощущался оттенок субъективного места-для-себя и нормальной для ситуации знакомства самопрезентации на фоне места. Тяготеющие к формальной «объективности» повествования экскурсии были в нашей практике редкостью. Мы, как правило, не искали по-

мощи специалистов — за небольшими исключениями, все наши информанты не были профессионалами репрезентации места, но принимали на себя эту функцию в силу личного знакомства, обычного «снежного кома» знакомств, возникающих в поле, ответственной должности, вроде имама или главы сельского поселения, или даже, last but not least, в результате случайной встречи на улице.

Протокол и техническое оснащение этого постоянного элемента исследовательской программы складывались непросто — на каком-то этапе для нас стала очевидна эвристическая ценность документирования процесса не только при помощи привычных аудиозаписи, фотографирования и полевого дневника, но и посредством GPS-трекинга, позволяющего впоследствии связать с картой не только процесс физического перемещения гуляющих, но и сопровождавший его нарратив. «Повседневное может происходить еще до того, как разум успеет его осмыслить» (Stewart, 2007: 63; здесь и далее переводы цитат наши. — *Ф. К.*). Существенно позже самого поля, уже не в ландшафте как таковом, но на этапе разбора экспедиционных архивов, я по-настоящему осознал проблему, которой посвящена эта статья: лавинная доля нарратива, сопровождавшего наши прогулки, была не об актуальном состоянии ландшафта, но о его прошлом. Начав искать в экспедиционном фотоархиве места, на которых, судя по диктофонной записи и GPS-трекеру, мы иногда проводили больше всего времени, я часто не находил их, или находил на периферии кадра — в поле нам и в голову не приходило фотографировать эти заросшие углы сельских улиц, иногда лишенные даже руин.

«Призраки» повседневного ландшафта и акселерация наблюдательности

Теория, отождествляющая движение в ландшафте с практическим познанием (путешествие — это форма мышления, так же как мышление — форма путешествия, см.: Ingold, Vergunst, 2008: 3-4), — есть способ преодоления отрыва репрезентации (то есть образа места) от предмета референции (места как такового), характерного для постмодернистских и конструктивистских исследований путевых нарративов, сводящих их до стереотипов, порожденных коллективными дискурсами, классовыми и групповыми представлениями (Westphal, 2007). Когда вы находитесь в поле, вопрос о релевантности озвучиваемых вашими собеседниками репрезентаций места, коллективным дискурсам, нормам и объективным выражениям, едва ли актуален — на первый план выходят статус информанта, особенности исполнения предписанной ему роли в конкретном пространстве, возможность наблюдать конкретные действия, предпринимаемые им в этой ситуации. Осуществляемая при помощи диктофона и GPS-трекера акселера-

Рис. 2. «Призрак» старого деревенского центра на периферии кадра, д. Лобанова, 3 июля 2022 г.

ция наблюдательности одного из участников прогулки позволяет, не отвлекаясь от коммуникации как таковой, в фоновом режиме фиксировать ускользающие от непосредственного взгляда практические действия, создающие процессуальность совместной прогулки. Важную роль в этой процессуальности играют объекты (феноменолог сказал бы — вещи), встречающиеся на пути. Последующая работа с материалами прогулки, нанесение их на рабочую карту, свидетельствуют, что проводник, особенно на этапе первичной презентации места, работает как эхолот, непрерывно сканирующий ландшафт вокруг себя, идентифицирующий возникающие впереди по ходу движения достойные внимания объекты, и вплетающий их в свой нарратив.

Приведенные ниже примеры иллюстрируют типичные сценарии таких событий: 1) пешую прогулку экскурсионного типа, 2) сопровождающую прогулку без специально артикулированной цели репрезентации, 3) безостановочное автомобильное путешествие из места в место, сопровождаемое потоком коммуникативных реакций информанта на выплывающие навстречу объекты. Проделанный при помощи прилагаемых схем анализ этих событий, как кажется, представляет собой наглядное подтверждение того, насколько важную роль играют в этих путешествиях «исторические» отсылки к существовавшим когда-то вокруг реалиям, отражающие укорененность информантов в конкретном ландшафте, их опытную и эмоциональную вовлеченность в продолжительные процессы, скрытые от случайного наблюдателя. «Призраки» исчезнувших или изменившихся мест, так же как и случайные характерные прохожие, представляют собой динамичную систему вовлеченной ориентации в пространстве, без описания которой понимание специфики местной жизни, вероятно, не будет полным.

Рис. 3. Маршруты прогулок в Ситниково и Лобанову, 13 июня и 3 июля 2022 г.

Пример 1. Ситниково, Омутинский район Тюменской области, 13 июня 2022 г.

Пешеходное интервью с двумя местными уроженцами среднего возраста (около 40 лет) продолжительностью 1 час 20 минут и длиной 2,6 километра. Информанты пытались показать постороннему самые важные точки села: маршрут начинался в ключевом месте центра, близ проходной местного градообразующего предприятия — Ситниковского молокозавода (рис. 3а-1) и Дома культуры (рис. 3а-2), и касался нескольких стандартных достопримечательностей, в частности сельсовета (рис. 3а-3), мемориала павшим односельчанам (рис. 3а-5) и школы (рис. 3а-6), и возвращал гостя, слабо ориентирующегося в местной топографии, к началу пути.

Пешеходная прогулка представляет собой чередование переходов от места к месту и остановок в местах, которые осмысляются как особо значимые. В этих местах гостю показывают то, что, по мнению проводника, он обязательно должен увидеть. Наиболее важные места, вероятно, требуют больше внимания, чем обычные. Совместное использование GPS-трекера и диктофона позволило мне впоследствии восстановить хронологическую иерархию таких остановок и нанести на карту те места, в которых мы оставались дольше всего (размер красной точки означает длительность остановки по отношению к продолжительности всей прогулки). Как выяснилось, дольше всего в ходе этой прогулки мы говорили о местах, на которых сейчас нет никаких построек. Выделенный на схеме красный исторический центр села, с одной стороны которого открывается вид на занятую заросшими огородами излучину реки Солоновки (т.н. *Калугу*, рис. 3а-4), а с другой — расположен сельский военный мемориал (рис. 3а-5), представляет собой пустую площадь, в центре которой стоит заброшенный железный киоск, позади вздымаются старые тополя, служившие в тот вечер местом вороньих свадеб. Речь в основном шла о зданиях, когда-то стоявших на этом месте:

Инф. 1: «Ателье, парикмахерская, сапожник, короче, вот тут все... Это центр села, самый старый считается. Вот, где вот кусты — это старый сельсовет... Здание до сих пор стоит, дом жилой... Здесь был дом священника, последнего, Василия, стоял перед революцией. На этом месте, вот где сейчас стоит магазин вот этот, тут, значит, стояла церковь Ситникова... Интернат тут стоял, заросший тополями. Вот тут афиша была обычно. Коля, художник, который рисовал афиши, тут жил... Здание церкви сгорело в пятидесятых годах, а на этом месте, на этом же фундаменте, поставили опять здание, оно интернатом стало. Интернат сгорел, построили на этом месте рынок. Рынок сгорел. Поставили на этом месте в перестройку вот магазин, «железяка» обзывали в народе, торговли никакой нет. Вот так все и стоит... На этом месте ниче не ведется».

Ностальгический нарратив, уделявший большее внимание не актуальным, но исчезнувшим постройкам, когда-то стоявшим на деревенских улицах, был постоянной чертой экскурсии. Отчасти это объяснялось краеведческими интересами одного из моих чичероне, но лишь отчасти. Его односельчанка, гулявшая с нами, отдавая должное знаниям нашего провожатого, охотно поддерживала эту тональность, как, например, в разговоре о давно исчезнувшей пельменной (рис. 3а-7):

Инф. 2: А вот там вот была пельменная... Все рабочие в обед ходили в пельменную обедать... Ох, как там красиво было, дурилом они накладывали... порции сразу тебе.

Инф. 1: При заводе была и своя столовая, а все желающие могли и сюда... Стойка такая большая была, бочка с пивом с краном стояла, конусы с соком были, буфет такой...

Соб.: А сейчас такого места вообще нет?

Инф. 2: Нету, нету.

Инф. 1: Там есть возле завода столовая, но такого... Вот где эти плиты лежат, вот тут была, значит...

Инф. 2: Пельменная...

Инф. 1: Большое такое здание было, с крыльцом с таким, с выходом с открытым, с такой с верандой...

Другой точкой, которой мы уделили время, фактически большее, чем посвященное современной гордости села и экономической основе его существования — молокозаводу компании «Золотые луга»,

были почти незаметные в ландшафте развалины старой сельской бани (рис. 3а-8). Информант 2 вспомнила, что когда-то она пользовалась среди односельчан высоким спросом, но затем случилась авария, и ее отец, исполнявший тогда обязанности председателя колхоза, был вынужден «выбивать» у вышестоящего начальства новую. Информант 1 поведал, что в 1998 году чудом избежал смерти во время этой аварии — взрыва парового котла, разрушившего здание. Ситниково — большое село, преуспевающий центр агропрома, «перспективная по развитию территория» (Инф. 1), страдает от депопуляции куда меньше, чем многие другие, — здесь есть производство, участковая больница, работающая школа и даже планы строительства новой. Тем не менее это и ландшафт ностальгии — выражения сильных эмоциональных связей жителей села со своей родиной. Свидетельство той же эмоциональной связи — краеведческий подвиг одного из информантов, который, поработав в архивах, добавил к памятникам односельчанам, погибшим во время кулацкого восстания 1921 года и Великой Отечественной, стелу, перечисляющую имена ситниковцев, участвовавших в Первой мировой войне (рис. 3а-4).

**Пример 2. Лобанова, Исетский район Тюменской области,
3 июля 2022 года**

Пятнадцатиминутная прогулка по деревне Лобанова 3 июля 2022 года соответствовала определению сопровождающего (go-along) интервью (Kusenbach, 2003). Мы следовали за нашей собеседницей путем, который она проделывает едва ли не ежедневно. Специальной цели показать деревню, таким образом, не ставилось, и остановки были крайне редки, однако, не будучи экскурсией как таковой, маршрут, в силу собравшей нас вместе коммуникативной ситуации, использовался для того, чтобы рассказать приезжим о деревне. Лобанова — небольшое сельскохозяйственное поселение, серьезнейшим образом пострадавшее от аграрной депопуляции, наша собеседница была местной уроженкой, живущей в этом ландшафте более полувека, с самого детства. «Естественным» образом путь с правого на левый берег р. Ирюм происходил среди призраков былого, возникавших при каждом соприкосновении с ландшафтом.

Попавшаяся навстречу девочка (рис. 3б-1) увела разговор в сторону внуков и детского питания, что, в свою очередь, заставило вспомнить о корове, содержание которой оказалось невозможным в ситуации, когда из сельского быта ушли стада и пастбища (рис. 3б-2); малозаметные для постороннего взгляда бетонные развалины (рис. 3б-3), среди которых, опутанные электропастухом, паслись овцы, оказались историческим центром деревни:

Инф. з: Ой, тут и кузница у нас была, и МТМ было, и склад был, и гараж тракторный, ниче нету щас... Вот тут клуб был, это клуба остатки. Вот его в семидесятом году построили, вся молодость у нас тут прошла...

Соб.: То есть это был центр, можно сказать?

Инф. з: Это был сам центр.

Нарративной кульминацией прогулки стал магазин (рис. 3b-4). Стоящее на берегу Ирюма беленое здание XIX века оказалось поводом остановиться на несколько минут, обратиться к прошлому этого дома, тесно переплетенному с биографией информантки, к его неясному будущему, к теме деградации речного ландшафта, связанной с упадком местного хозяйства:

Инф. з: «Вот теперь магазин закроют, они его выставляют на продажу. Ну сколько они завернут? Понятно, что не за сто тысяч, не за двести. А больше его, дороже, тут никто и не купит. Во-первых, он стоит на берегу, это здание, раньше берег был... щас она-то, река, подходит, обваливается, ну вот так вот, купи его, он потом рухнет».

Перейдя через мостик, мы прошли по берегу и поднимались вверх, на террасу Ирюма. Разговор снова питался ассоциациями, которые подсказывал ландшафт — осина, заготовленная соседом для бани, стала поводом вспомнить банный фольклор, а отсюда уже перейти к фольклору просто, и в конечном счете к классической сказке о Мальчике-с-пальчик (рис. 3b-5), которую наша собеседница когда-то читала своим внукам в доме, расположенном неподалеку. Расставаясь с нами, информантка посчитала нужным «замкнуть» кольцо путешествия, указав нам наиболее содержательный в смысле впечатлений путь обратно, к началу маршрута: *«А вот сейчас я вам рекомендую по той улице пройти. Вот сейчас вот сюда свернете, вот этот дом посмотрите старинный стоит... и по песочку, и туда, на мостик выйдете прямо».*

Пример 3. Красново — Кирсанова, Исетский район, Тюменская область, 16 июля 2022 года

В ходе восемнадцатиминутного автомобильного путешествия из Красново в Кирсанову наш проводник, молодой человек лет тридцати, представлял нам территорию, используя в качестве отправных точек встречавшиеся на пути места. На карте указаны объекты, ставшие отправными точками наиболее развернутых

Рис. 4. Маршрут автомобильного путешествия из Красново в Кирсанову и обратно, 16 июля 2022 г.

фрагментов монолога нашего собеседника. Покидая столицу сельского поселения, информант три минуты рассказывал о состоянии сельского поселения в целом (население, площадь земель, градообразующее предприятие) (рис. 4а-1), затем, когда мы въехали в соседнее село, минуту поговорил о нем (рис. 4а-2). После этого он переключился на протекавшую справа реку Бешкилку, посвятив пять минут рассказу о связанных с ней хозяйственных проблемах (рис. 4а-3). На восьмой минуте путешествия, когда мы приближались к строительной площадке агропромышленного предприятия, намеренного обосноваться в районе, последовал монолог, посвященный взаимодействию бизнеса с местным сообществом (рис. 4а-4). На четырнадцатой минуте, когда мы достигли места назначения и въехали в деревню Кирсанову, темы для разговора начали меняться с калейдоскопической скоростью — владения местных фермеров (рис. 4а-5), брошенные дома, представляющие собой юридическую проблему (рис. 4а-6), когда-то стоявшие в деревне строения (рис. 4а-7), ржавеющая техника, которую местные жители берегут на случай, если времена изменятся (рис. 4а-8). Несмотря на то что информант в целом придерживался делового тона и комментировал актуальное состояние ландшафта, эмоционально-окрашенная «историческая» аргументация была лейтмотивом его повествования — поясняя, что происходит в ландшафте здесь и сейчас, он то и дело отсылал к его прошлому, иногда делая видимым фактически уже невидимое.

Инф. 4: «Молзавод проехали, раньше при колхозе был молзавод, там масло делали...» (2:30; здесь и далее тайминг аудиозаписи. — Ф. К.) «Школа-интернат, кирсановские раньше вот в этой учились школе-интернате...» (3:15).

«Она (река Бешкилька. — Ф. К.) идет с Кирсанова, там с болот собирается, там накопитель такой, в Кирсанову, потом идет дальше по каналам мелиорации... В советское время-то хорошо делали эти каналы мелиорации...» (7:49).

«Тут тоже все дома стояли... Сейчас уже [ничего нет]... А вот сама река откуда начинается... Начинается, вдоль берега шлюз, раньше вот здесь труба была, отсюда уходила в старое русло, но обмельчала в прошлом году, в засуху, обмельчала и сразу же травой заросло» (14:35).

«Это лесхоза была сторожка. Разобрали. Также лесхоз-то весь... Раньше лесников-то было восемнадцать человек. Леса-то большие, у нас ведь лесфонд-то очень большой. К Ялutorовску относились, к Заводоуковску, и наши, Исетского района леса... Здесь местных-то лесников нет уже...» (15:45).

Когда, посетив главную местную достопримечательность — часовню над могилой лидера ирюмских двоедан² Мирона Галанина (рис. 4b-1), — мы возвращались обратно, разговор приобрел иную форму. Ехать назад пришлось тем же самым маршрутом, мы уже все видели, поэтому наш собеседник больше не считал нужным представлять нам встречавшиеся на пути детали ландшафта, но с нашей подачи распространялся на более широкие темы, рассказывая о депопуляции (рис. 4b-2), вызванной технологической реструктуризацией агропрома, собственной профессиональной биографии (рис. 4b-3), проблемах образования на селе (рис. 4b-4) и т.п. Связь нарратива с ландшафтом тем не менее не исчезла — однако, если на пути туда попадавшие по дороге места порождали (провоцировали) следовавшие за тем темы, то на пути обратно, наоборот, темы предшествовали местам, использовавшимся в качестве подворачивавшихся под руку аргументов той или иной мысли. Например, когда наш собеседник коснулся темы ремонта, навстречу как нельзя кстати явился недавно отремонтированный мост (рис. 4b-5), в связи с чем был рассказан анекдот на соответствующую тему:

Инф. 4: «Вот... мост сделали, деревянный... Почему деревянный, спрашиваю, вон же есть ферма, бетон оттуда можно взять,

2. Старообрядцы.

плиты взять, просто накидать и сделать, зато бетонный... [А мне отвечают, что] документы переделывать с деревянного на бетонный — дороже, чем этот мост построить заново. Ну, понятно...»

Тем не менее и в этом случае продолжала использоваться упомянутая выше «историческая» аргументация. Попавшийся навстречу прохожий становился поводом поговорить о деревенском пьянстве (рис. 4b-6). Развивая тему домашнего скота как феномена, практически исчезнувшего из новой аграрной экономики, информант указывал на проплывавшие мимо окна сельских домов: *«Раньше вот на все эти дома было по две коровы, два быка, барана... два стада гоняли. Сейчас во многих домах ни у кого нету коровы...»* (рис. 4b-7). Говоря о повышении цен на недвижимость, восклицал, используя показавшийся навстречу дом: *«В 2007 году вот такие дома заброшенные можно было купить за материнский капитал молодой семье... А сейчас цены! Вот этот вот — за восемьсот тысяч продали!»* (рис. 4b-8). Прозрачный ландшафт прошлого, о котором нужно было поведать новым людям, оставался важной частью сообщения и на пути обратно.

Заключение

Зачем изучать такие вещи, как «призраки» сельского ландшафта? Вышеописанный эпизод полевой практики, близкий тому, что в работах шанинского крестьяноведения называется «социально-пространственной картиной села» (Виноградский и др., 2002), — часть поиска, осуществляемого в рамках программы исследований повседневного культурного ландшафта, которая во многом обязана открытиям постфеноменологической традиции исследований места в современных географии и антропологии (Lorimer, 2019: 332-333). Для этой традиции характерно внимание к деталям, ускользающим при применении обычных подходов, например, к аффектам, создающим фон жизни в повседневном ландшафте, и связанная с этим тенденция к обновлению языка географического описания, в частности интерес к другим регистрам познания, помимо интеллектуального, к телесно-воплощенному опыту и эмоциям, отказ от жестких интерпретационных рамок, повествовательный импрессионизм и эссеистичность (Stewart, 2007; Wylie, 2009; DeSilvey, 2012). Все эти техники, в общем, направленные на приостановку привычного восприятия, остранение, включение в исследовательское зрение того, что обычно остается на периферии конвенциональных подходов, крайне важны в поле, особенно в пространствах трансформаций, которым трудно дать однозначную оценку.

«Призраки» сельского ландшафта — характерная деталь и символическое воплощение именно такой трансформации. Сокращение и поляризация системы расселения, которую сложно описать в категориях однозначного социального зла или однозначного блага (Аверкиева и др., 2021: 28-29), — это процесс, обнаруживающий связанность двух обычно противопоставляемых полюсов обитаемого ландшафта — депопулирующего аграрного и растущего городского. «Сознательно замечать оставленное и исследовать такие места, значит добавлять важный второй план к нашим перенасыщенным и перенасыщенным населенным пространствам. Познание оставленного — это познание населенного» (Armstrong, 2020: 520). Внимание к этой стороне ландшафта тем более важно, что он последовательно оказывается в тени современных репрезентаций страны. Так, в основании ориентированной на развитие крупнейших агломераций стратегии пространственного развития РФ 2019 года лежит принимаемый по умолчанию тезис об общемировой тенденции к концентрации населения в крупных и крупнейших городах. «Крупные и крупнейшие городские агломерации» (так!) появляются в этом документе не менее 56 раз, в то время как «сельские территории и населенные пункты» — 13, а «малые и средние города» — всего лишь 5 раз.

За очарованностью крупными и крупнейшими «перспективными экономическими центрами» скрывается определенная идеология, характерная не только для России. Отмечая, что сведение всего процесса урбанизации к проблеме развития крупных и крупнейших экономических центров является принимаемой по умолчанию отправной точкой системы представлений, рожденной не непредвзятым анализом, но гегемоническим социально-политическим дискурсом нелиберального капитализма, Н. Бреннер призывает обратить внимание на две важные вещи. Во-первых, то, что является в этой картине мира не-городами (non-cities), т. е. природа, сельская местность, хинтерланд и другие, как он выражается, «deskriptivные» категории терминологии пространственного развития, в современных условиях не выступает оппозицией городу, но становится стратегически важной областью капиталистической урбанизации. Во-вторых, помимо агломераций, процесс урбанизации постоянно производит еще один тип земной поверхности, трансформируя не-городские пространства в зоны высокоинтенсивной крупномасштабной промышленной инфраструктуры — Бреннер называет его операционными ландшафтами (operational landscapes), находящимися за пределами агломераций, но систематически переоборудованными для нужд городской экономики (Brenner, 2016: 219-220). Как выясняется, в дискуссиях о судьбе и перспективах трансформации таких операционных ландшафтов даже аграрные ландшафты, на протяжении многих лет обрабатывавшиеся при помощи индустриальных методов сельского хозяйства, систематически оказываются в тени «настоящих» постиндустриаль-

ных ландшафтов, не получая должного внимания (Turner, Rice, 2021: 144-146). Не правильнее ли избегать жестких противопоставлений, описывать «город» и «деревню» и, например, урбанизацию как таковую, как территориальный градиент, процесс, происходящий повсюду и не завершающийся нигде? Когда мы не говорим о связях и взаимном обмене между провинцией и центрами — а именно это умолчание скрыто в языке вышеупомянутой стратегии — мы создаем контрасты, поляризацию, депопуляцию одних мест и гиперконцентрацию населения в других.

Ключевым, пожалуй, является проистекающий из такого восприятия аспект социальной «невидимости», или, точнее, «искаженной видимости» сельских ландшафтов и сообществ, на который обращает внимание А. Форбруг в работе о медленном насилии (Форбруг, 2020: 36-38). В этой статье, как и в книгах Р. Никсона и Э. Повинелли (Nixon, 2011; Povinelli, 2011), к которым она восходит в смысле теории, обсуждаются искажения, возникающие в связи со специфическими моделями репрезентации ландшафтов и сообществ, «иррациональных» с точки зрения неолиберальной экономики. «У нас нет социального рецепта (social recipe) того, что с нею делать, и мы даже не знаем, куда девать глаза, столкнувшись с нею лицом к лицу», — замечал один автор, говоря о бездомности (Stewart, 2007: 60). № Должен ли я оплакивать это место, хотя никогда в нем не жил», — писал другой (Armstrong, 2020: 519), ощущая знакомую любому полевому исследователю симпатию к открывающемуся перед ним староосвоенному ландшафту. Невозможность сразу выдать «под ключ» новый, более адекватный социальной реальности и, может быть, более справедливый, язык их описания не означает, что такие попытки не должны предприниматься (Povinelli, 2011: 191-192).

Кроме этических последствий такой постановки вопроса, всегда бывают и вполне практические исследовательские последствия. Хотя «призрачность» как проекция длительной человеческой вовлеченности в ландшафт повсеместна (Edensor, 2008), знание о заросших травой «призраках» конкретной сельской улицы способствует более глубокому пониманию всего местного контекста. Например, пышная растительность на местах исчезнувших зданий как таковая — тоже признак перемен, происходящих с деревенским ландшафтом. Наши информанты часто связывали ее с исчезновением из повседневности личного пастбищного скота, выпас которого задавал коллективные ритмы жизни и «автоматически» решал самую заметную проблему современного сельского благоустройства — не позволял улицам зарастать. Трава на улицах требует расходов на бензин, газонокосилку и ее оператора, приносит в быт прежде невиданных на собственном огороде клещей и обременяет каждого землепользователя (участок, заросший травой, — главный критерий неэффективного использования территории), вынужденного заниматься газонокосением несколь-

ко раз за лето. Отсутствие травы на улицах, с точки зрения сельских администраторов, — такой же признак благополучия села, как асфальт, уличное освещение и своевременная уборка снега. То, что раньше происходило как бы «естественно», теперь ложится на их плечи, им приходится «палкой или пряником» побуждать поселян к устранению травяного покрова.

Умение видеть «призраков» — один из неочевидных навыков, необходимых для исследователя культурного ландшафта. Сценарии мобильных интервью, отражающие реалии быта малых поселений, отдающих перспективное население крупным, как правило, повторяются — мы начинали наши путешествия с Дома культуры не только в Ситниково и Лобановой, но и в крайне непохожих на них Лайтамаке, Асбесте и Двуреченске, посетили в качестве дестинаций множество градообразующих предприятий, школ и мемориалов, а в конце обычно возвращались на место отправления. Однако потребовалось некоторое время, чтобы осознать, насколько важна для этих маршрутов их невидимая сторона — слабо выраженные в материальности ландшафта, но живые в памяти наших информантов места, люди и строения.

Библиография

- Аверкиева К. В. и др. (2021). Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72-108.
- Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Пряникова Е. В. (2019). Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 4-21.
- Виноградский В., Ковалёв Е., Шанин Т. (2002). Вопросник «Социально-пространственная картина села» // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН. С. 430-436.
- Гирц К. (2017). Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев / Пер. Е. М. Лазарева. М.: Ad Marginem Press.
- Каганский В. Л. (2020). Очерк феноменологии культурного ландшафта // Одушевленный ландшафт. СПб.: Алетейя. С. 26-51.
- Корандей Ф. С., Абрамов И. В., Костомаров В. М., Черепанов М. С., Шелудков А. В. (2021). Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 247-257.
- Митин И. И. (2022). Место и безместье в ментальной картографии: На пути к гуманистическим ГИС? // Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 8–9 декабря 2022 г.). М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 107-113.
- Нефедова Т. Г. (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126-154.

- Фадеева О., Быстров Е., Збанацкий О., Шелудков А. (2021). Родные земли: очерки трансформации земельных отношений в России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». Common Place.
- Форбруг А. (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 31-52.
- Шелудков А., Старикова А. (2021). Между городом и деревней: как горожане меняют сельскую местность и как это увидеть из космоса. Лекция в библиотеке им. Ф. М. Достоевского, Москва, 1.12. <https://www.youtube.com/watch?v=E3AqytkHEw>
- Anderson J. (2004). Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge // Area. Vol. 36(3). P. 254-261.
- Armstrong J. (2020). In the presence of absence: Meditations on the cultural significance of abandoned places // The Routledge Handbook of Place / Ed. by T. Edensor, A. Kalandides, U. Kothari. Abingdon, New York: Routledge. P. 518-527.
- Brenner N. (2016). Critique of Urbanization: Selected Essays. Berlin: Bauverlag Gütersloh; Bazel: Birkhäuser.
- Cresswell T. (2019). Maxwell Street. Writing and thinking place. Chicago: University of Chicago Press.
- DeSilvey C. (2012). Copper Places: Affective Circuitries // Geography and Memory: Explorations in Identity, Place and Becoming / Ed. by O. Jones and J. Garde-Hansen. London: Palgrave Macmillan. P. 45-57.
- Edensor T. (2008). Mundane hauntings: commuting through the phantasmagoric working-class spaces of Manchester, England // Cultural Geographies. Vol.15 (5). P. 313-333.
- Evans J., Jones P. (2011). The walking interview: Methodology, mobility and place // Applied Geography. Vol. 31. P. 849-858.
- Frers L. (2013). The matter of absence // Cultural Geographies. Vol. 20(4). P. 431-445.
- Geertz C. (1996). Afterword // Senses of Place / Ed by. S. Feld, K. H. Basso. Santa Fe: School of American Research Press. P. 259-262.
- Hill L. (2013). Archaeologies and geographies of the post-industrial past: landscape, memory and the spectral // Cultural Geographies. Vol. 20(3). P. 379-396.
- Holloway J., Kneale J. (2008). Locating haunting: a ghost-hunter's guide // Cultural Geographies. Vol. 15(3). P. 297-312.
- Ingold T. (2011). Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description. London, New York: Routledge.
- Ingold T. (2000). The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge.
- Ingold T., Vergunst J. L. (2006). Fieldwork on Foot: Perceiving, Routing, Socializing // Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology / Ed. by S. Coleman, P. Collins. Oxford, New York: Berg. P. 67-86.
- Ingold T., Vergunst J. L. Introduction (2008) // Ways of walking: Ethnography and practice on foot / Ed. by T. Ingold, J. L. Vergunst. London: Ashgate. P. 1-19.
- Kusenbach M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // Ethnography. Vol. 4(3). P. 455-485.
- Lorimer H. (2019). Dear departed: writing the lifeworlds of place // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 44(2). P. 331-345.
- Macpherson H. (2006). Walking methods in landscape research: moving bodies, spaces of disclosure and rapport, Landscape Research. Vol. 41 (4). P. 425-432.
- McDonald S. (2005). Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organisational research // Qualitative Research. Vol. 5(4). P. 455-473.
- Nixon R. (2011) Slow Violence and the Environmentalism of the Poor, Cambridge: Harvard University Press.
- Povinelli E. A. (2011). Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism, Durham: Duke University Press.

- Relph E. (1976). *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.
- Stewart K. (2007). *Ordinary Affects*. Durham and London: Duke University Press.
- Tuan Y.-F. (1979). *Space and Place: Humanistic Perspective // Philosophy in Geography. Theory and Decision Library*. Vol. 20 / Ed. by S.Gale, G. Olsson. Dordrecht: Springer. P. 387–427.
- Tyner J. A., Rice S. (2021). *Agrarian ruins of the Khmer Rouge: the post-industrial landscapes of a rural economy // Geographies of Post-Industrial Place, Memory, and Heritage / Ed. by M. F. Rhodes II, W.R. Price, A. Walker*. London, New York: Routledge. P. 141–157.
- Upton D. (1997). *Seen, Unseen, and Scene // Understanding Ordinary Landscapes / Ed. by P. Groth, T. W. Bress*. New Haven, London: Yale University Press. P. 174–179.
- Westphal B. (2007). *La Géocritique. Réel, fiction, espace*. Paris: Minuit.
- Wylie J. (2009) *Landscape, absence and the geographies of love // Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 34 (3). P. 275–289.

Rural wastelands: Places of belonging and “ghosts” cartography of the rural depopulation landscape

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

Abstract. The interpretation of the walking interviews, which were conducted in the rural Iset Region in the summer of 2022, allowed the author to identify “places of belonging” (Yi-Fu Tuan’s term) in the rural depopulation landscape, which are hardly noticeable to any external observer but are extremely important for local residents. The author uses the post-phenomenological optics of social sciences, which defines the cultural everyday landscape as a single process of mutual transformation that generates both personal experience and forms of sociality. The second theoretical basis of the article is the cultural geography works on the connections between everyday landscape and human memory, in particular the “ghosts geography”, and the thin line between the present and the absent in both everyday landscapes and narratives about them. The author’s method is walking interviews with local residents in open areas. The article aims at showing the possibilities of the simultaneous transcription and subsequent mapping of the walking interviews’ archives. The cases considered in the main part of the article focus on the structuring role of “places of belonging” in the standard narrative. As walking interviews show, it is the presentation of local places to a newcomer as important for the daily life of local people but hardly noticeable to outsiders that forms the basis of the typical go-along narratives. Thus, places out of active everyday use but with great emotional and vital significance for local communities acquire the status of “ghosts” — fragments of the past involved in the today’s life of the depopulating rural settlement.

Key words: “places of belonging”, walking interviews, place, rural depopulation, everyday cultural landscape, “ghosts” geography, cultural geography, social anthropology

Acknowledgements

I am grateful to Oksana Fomina, the Head of the Iset District Department, and all my informants for their invaluable help in my field work, and to the anonymous reviewers for their comments and suggestions.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-05-00592 A.

References

- Anderson J. (2004) Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge. *Area*, vol. 36, no 3, pp. 254–261.
- Armstrong J. (2020) In the presence of absence: Meditations on the cultural significance of abandoned places. *Routledge Handbook of Place* (Ed. by T. Edensor, A. Kalandides, U. Kothari), Abingdon–New York: Routledge, pp. 518–527.
- Averkheva K. V. et al. (2021) *Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost* [Old-Developed Regions in the Space of Russia: History and Contemporaneity], Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Baskin L. M., Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadrokoptera. Selskie doma i derevenskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)], *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.
- Brenner N. (2016) *Critique of Urbanization: Selected Essays*, Berlin: Bauverlag Gütersloh; Bazel: Birkhäuser.
- Cresswell T. (2019) *Maxwell Street. Writing and Thinking Place*, Chicago: University of Chicago Press.
- DeSilvey C. (2012) Copper places: Affective circuitries, *Geography and Memory: Explorations in Identity, Place and Becoming* (Ed. by O. Jones, J. Garde-Hansen), London: Palgrave Macmillan, pp. 45–57.
- Edensor T. (2008) Mundane hauntings: Commuting through the phantasmagoric working-class spaces of Manchester, England. *Cultural Geographies*, vol. 15, no 5, pp. 313–333.
- Evans J., Jones Ph. (2011) The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*, vol. 31, pp. 849–858.
- Fadeeva O., Bystrov E., Zbanatsky O., Sheludkov A. (2021) *Rodnye zemli: ocherki transformatsii zemelnykh otnosheniy v Rossii* [Native Lands. Essays on the Transformation of Land Relations in Russia], Moscow: Khamovniki Fund for Social Research, Common Place.
- Frers L. (2013) The matter of absence. *Cultural Geographies*, vol. 20, no 4, pp. 431–445.
- Geertz C. (1996) Afterword, *Senses of Place* (Ed. by S. Feld, K. H. Basso), Santa Fe: School of American Research Press, pp. 259–262.
- Geertz C. (2017) *Glubokaya igra: Zametki o petushinyh boyah u baliytsev* [Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight], Moscow: Ad Marginem Press.
- Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, vol. 20, no 3, pp. 379–396.
- Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, vol. 15, no 3, pp. 297–312.
- Ingold T. (2011) *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*, London–New York: Routledge.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*, London: Routledge.
- Ingold T., Vergunst J. L. (2006) Fieldwork on foot: Perceiving, routing, socializing, *Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology* (Ed. by S. Coleman, P. Collins), Oxford–New York: Berg, pp. 67–86.

- Ingold T., Vergunst J. L. (2008) Introduction. *Ways of Walking: Ethnography and Practice on Foot* (Ed. by T. Ingold, J. L. Vergunst), London: Ashgate, pp. 1–19.
- Kagansky V. L. (2020) Ocherk fenomenologii kulturnogo landshafta [Essay on the phenomenology of the cultural landscape]. *Odushevleny landshaft* (Ed. by A. S. Belorusetz, S. V. Berezin), Saint Petersburg: Aleteya, pp. 26–51.
- Korandey F. S., Abramov I. V., Kostomarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. Provot-siryushchie landshafty: issledovaniya povsednevnyh kulturny landshaftov periferii aglomeratsiy [Provocative landscapes: A study of everyday cultural landscapes on the outskirts of agglomerations]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 3, no 54, pp. 247–257.
- Kusenbach M. (2003) Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, vol. 4, no 3, pp. 455–485.
- Lorimer H. (2019) Dear departed: Writing the life worlds of place. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 44, no 2, pp. 331–345.
- Macpherson H. (2016) Walking methods in landscape research: Moving bodies, spaces of disclosure and rapport. *Landscape Research*, vol. 41, no 4, pp. 425–432.
- McDonald S. (2005) Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organizational research. *Qualitative Research*, vol. 5, no 4, pp. 455–473.
- Mitin I. I. (2022) Mesto i bezmestie v mentalnoy kartografii: Na puti k gumanisticheskim GIS? [Place and placelessness in mental maps: Towards the humanistic GIS?]. *Voo-brazhaemye kartografii: Karta i geograficheskoe vobrazhenie v istorii i kulture* (Ed. by D. N. Zamyatin, I. G. Konovalova), Moscow: Institute of World History RAS, pp. 107–113.
- Nefedova T. G. (2021) Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy selskoy mestnosti v staroosvoennyh regionah Tsentra Rossii [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 126–154.
- Nixon R. (2011) *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*, Cambridge: Harvard University Press.
- Povinelli E. A. (2011) *Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism*, Durham: Duke University Press.
- Rolph E. (1976) *Place and Placelessness*, London: Pion Limited.
- Sheludkov A., Starikova A. (2021) Mezhdou gorodom i derevny: kak gorozhane menyayut sel-skuyu mestnost i kak eto uvidet iz kosmosa [Between the city and the village: How city dwellers change the countryside and how to see this from space]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E3AqytkHEw>.
- Stewart K. (2007) *Ordinary Affects*, Durham–London: Duke University Press.
- Tuan Y.-F. (1979) Space and place: Humanistic perspective. *Philosophy in Geography. Theory and Decision Library*, vol. 20 (Ed. by S. Gale, G. Olsson), Dordrecht: Springer, pp. 387–427.
- Tyner J. A., Rice S. (2021) Agrarian ruins of the Khmer Rouge: The post-industrial landscapes of a rural economy. *Geographies of Post-Industrial Place, Memory, and Heritage* (Ed. by M. F. Rhodes II, W. R. Price, A. Walker), London–New York: Routledge, pp. 141–157.
- Upton D. (1997) Seen, unseen, and scene. *Understanding Ordinary Landscapes* (Ed. by P. Growth, T. W. Bress), New Haven–London: Yale University Press, pp. 174–179.
- Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2019) Peshekhodnoe interviyu: struktura i zhanry [Go-along interview: Structure and types]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, vol. 4, pp. 4–21.
- Vinogradsky V., Kovalev E., Shanin T. (2002) Voprosnik “Sotsialno-prostranstvennaya karta sela” [Guide “Social-Spatial Picture of the Village”]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* (Ed. by T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov), Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 430–436.

- Vorbrugg A. (2020) Etnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstviy razrusheniya selskoy infrastruktury [Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 31–52.
- Westphal B. (2007) *La Géocritique. Réel, fiction, espace*, Paris: Minuit.
- Wylie J. (2009) Landscape, absence and the geographies of love. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 34, no 3, pp. 275–289.

Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов¹

А. А. Слезин

Анатолий Анатольевич Слезин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета. 392000 г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещение 2.
E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru

Аннотация. Автор выявляет антирелигиозные аспекты советской государственной политики «лицом к деревне». Изучены основные направления эволюции антирелигиозной деятельности коммунистической молодежи в середине 1920-х годов, изменения ценностных ориентиров различных поколений крестьянства в один из переломных этапов российской истории. Основная цель исследования — дать оценку реакции крестьян, родившихся на рубеже XIX–XX веков (поколения «революционного перелома»), на деятельность активных представителей юношества и выяснить причины обострения конфликта между поколениями в духовной сфере. С точки зрения автора, данный конфликт перерастал в российской деревне в межпоколенческий разлом. Автор рассматривает его как одну из составляющих раскола деревни на антагонистические группы, который использовался партийным руководством в целях ускорения социалистической модернизации. Анализ практик коммунистических организаций после поворота власти «лицом к деревне» показывает, что их антирелигиозная деятельность в крестьянской среде оставалась мощным фактором конфликта, несмотря на декларируемое смягчение политики. Мировоззренческие установки представителей разных крестьянских поколений все более расходились. Младшее поколение отвергало духовное наследие, которое поколение «революционного перелома» стремилось передать своим преемникам. В «новой вере» проявлялись черты голого отрицания прежних традиций, непримиримого богоборчества. Показано, что среди крестьян поколения «революционного перелома» преобладало отношение к антирелигиозным мероприятиям как к хулиганству, а в качестве ответа иногда использовались насильственные меры.

Ключевые слова: крестьяне, религия, комсомол, нэп, межпоколенческий разлом, курс «лицом к деревне», союз безбожников

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-45-66

В последнее время внимание историков привлекает антирелигиозная деятельность коммунистической молодежи 1920-х годов. Д. В. Давыдов, отводящий молодежи в данный период главную роль в борьбе с религией, называет эту борьбу одним из основных направлений модернизации культуры и быта. По его мнению,

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

«не имея возможности использовать в своей практике достижения науки и техники, присущие индустриальному обществу (развитая система промышленных предприятий, связи, коммуникации и пр.), правящие верхи вынуждены были направлять усилия на борьбу с внешними проявлениями традиционного быта» (Давыдов, 2012: 158). Ряд исследователей напрямую связывают ее с проблемой поколений в российской деревне. В частности, по мнению М. Ю. Садыровой, к началу 1920-х годов был исчерпан пассионарный ресурс бытового богохульства, особенно явно ранее проявившегося в годы Первой русской революции, и ставка в идеологическом противоборстве теперь делалась на поколение рожденных именно в тот период и после него, на изоляцию «стариков» (Садырова, 2012: 960–965). По мнению М. М. Громыко, крестьяне-родители все более теряли контроль над детьми (Громыко, 1986: 261). Справедливы утверждения о большей готовности крестьянской молодежи, по сравнению со старшими поколениями, к восприятию нового (Исаев, 2014: 164–171; Козлов, 1983: 154). Ю. Е. Гусева, проанализировав публицистику 1920-х годов, пришла к выводу, что в тогдашней советской печати пожилые герои, как правило, олицетворяли старый, патриархальный строй, а молодые, напротив, показаны носителями эгалитарных представлений (Гусева, 2020: 22–29).

В данной статье мы ставим цель выяснить, какова была реакция представителей крестьянского поколения «революционного перелома» (Левада, 2001: 7; Вязинкин, 2022: 163), родившихся в основном в 1890-е годы, на антирелигиозную деятельность активных представителей младших поколений, в первую очередь «детей революции» — тех, чье детство и юность пришлось на первое после-революционное пятнадцатилетие. Зачастую они были младшими братьями и детьми крестьян «среднего возраста» из поколения «революционного перелома». Поколения мы воспринимаем прежде всего как общности современников, сформировавшихся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых исторических событий, независимо от их хронологического возраста. В качестве основных источников использованы как архивные материалы, так и публикации 1920–1930-х годов.

Курс «Лицом к деревне»: антирелигиозные аспекты

Как известно, повороту к более активной пропагандистской работе коммунистических организаций способствовало провозглашение политики государства «лицом к деревне». Автором этого крылатого выражения считают Г. Е. Зиновьева, впервые употребившего его в «Правде» 30 июня 1924 года. Главными причинами данного поворота исследователи обоснованно называют глубокие проявления враждебности по отношению к власти со стороны

крестьянства и понимание самой властью неустойчивости своих позиций в деревне (Венер, 1993: 87–88; Ильиных, 2021: 275–282; Кондрашин, 2022: 80–92; Шишкин, 1997). И. В. Сталин в 1925 году прямо говорил: «На основе новых условий, при нэпе, новый Тамбов или новый Кронштадт — вовсе не исключены» (Сталин, 1952: 21).

Со своей стороны заметим, что повороту «лицом к деревне» во многом способствовало и недовольство крестьян антирелигиозными действиями властей, и особенно действующей от имени власти коммунистической молодежи. Ведь в начале 1920-х годов борьба комсомола с религией осуществлялась в форме так называемого «штурма небес» с использованием в основном радикальных способов преодоления религиозного влияния на общество. Это приводило к резкому усилению напряженности как в отношениях власти и масс, так и между молодым и старшими поколениями крестьянства (Слезин, 2023: 22–42). У крестьян неумелые действия комсомольцев вызывали все более острое неприятие. Так, в Подольской губернии комсомолец пытался снять колокол и упал. Данный факт был воспринят крестьянами как настоящее чудо: «Упал — значит, Бог покарал»².

Неслучайно в советском руководстве нашлись люди, осознавшие неэффективность «штурма», и с весны 1923 года начали проявляться тенденции к корректировке отношений государства и Церкви. Современные исследователи говорят о периоде 1923-го — первой половины 1927 года как о «религиозном нэпе», вызванном необходимостью обеспечения стабильности в стране (Шкаровский, 2000: 3). Грегори Фриз называл «новую религиозную политику» «культурной частью новой экономической политики» (Freeze, 2017: 14). Знаменитый русский философ Г. П. Федотов оценивал поворот государственной религиозной политики иначе: «Кошунства по-прежнему являются признаком благонадежности, однако публичные бесчинства комсомольцев признаны вредными, и власть старается обуздать разошедшегося хулигана» (Федотов, 1988: 18).

На XII съезде РКП(б) выступавший в отсутствие В. И. Ленина с отчетным докладом ЦК Зиновьев потребовал от безбожников «быть легче на поворотах и не дразнить крестьянина»³. Подчеркнув огромную зависимость общественного развития от крестьянина, он заявил о чрезвычайной длительности его перевоспитания. Накануне Пасхи 1923 года ЦК партии рекомен-

2. Комсомол лицом к деревне: комсомол и крестьянская молодежь. (Стенографический отчет совещания секретарей деревенских ячеек при ЦК РЛКСМ 25–26 октября 1924 г.). М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 36.

3. Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1968. С. 44.

довал «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников»⁴. А Смоленский губком ВЛКСМ прямо заявил: «Необходимо нашу программу выработать, не пересаливая, ибо это может повлечь оскорбление религиозных чувств массы» (Дети, 2006: 31). Правда, и в прежних методах видели пользу: хотя бы на подсознательном уровне они уменьшали религиозные настроения молодежи. Однако теперь старались не отталкивать антирелигиозной работой и взрослых крестьян, поэтому была сделана ставка на ее систематический и пропагандистский характер.

С лета 1923 года основными формами пропаганды против религии в комсомоле называли коллективные читки и беседы, лекции, тематические вечера, печать. «Новые» праздники также призваны были способствовать углубленной пропаганде на основе естественных доказательств, «развивая борьбу не против священников, а против религии» (Там же). Однако, как правило, атеистические лекции привлекали незначительное количество сельских слушателей. Так, о «комсомольской пасхе» в одном из сел Ленинградской губернии осталось следующее свидетельство: «Сухое чтение при аудиторией в 35 человек, в числе которых вдобавок было немало пьяных, конечно, желательного результата не дало» (Стебницкий, 1926: 108).

Учитывая это, партийные органы все настойчивее нацеливали свои усилия на отвлечение деревни от религии путем организации новых культурных развлечений, более активного использования форм гражданского быта. Приветствовалось внесение в деревенскую работу использование на гулянках и посиделках советских песен, игр, частушек, организация простейших спортивных соревнований, прокатных пунктов «волшебных фонарей».

Особое внимание акцентировалось на необходимости изжития неверных представлений о роли комсомольца-крестьянина у себя в семье. Комсомольцам предписывалось быть примерными работниками, вводящими передовые способы ведения сельского хозяйства⁵. В октябре 1924 года совещание секретарей деревенских ячеек при ЦК РЛКСМ ориентировало на компромиссы в семье, на настойчивое переубеждение родственников. Отстаивалась и точка зрения, согласно которой антирелигиозные взгляды крестьянам можно привить только целенаправленной работой, направленной на улучшение землепользования, пропаганду агрономических знаний. IV съезд РЛКСМ указывал деревенским ячейкам на необходимость связывать изучение естественных наук с практической работой по агрономической пропаганде в целях «закрепления без-

4. Об антирелигиозной кампании во время Пасхи: Циркуляр ЦК РКП(б) // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 204.

5. Справочник партийного работника. Вып. 4. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 265.

верия»⁶. Многие руководители комсомола осознали: крестьянин только тогда поверит комсомольцам, когда на практике хозяйствования увидит, как можно выйти из нужды; оказывать глубокое влияние на беспартийных комсомольцы могут только в том случае, если знают и умеют больше них.

Комсомольцы и их партийные наставники постепенно осознали, что значительно больше успеха, чем массовые оскорбительные акции, в деле антирелигиозной пропаганды может дать образцовая работа их самих по улучшению крестьянской жизни. Логика здесь была такова: если крестьяне будут уважать «безбожников» за их дела, за помощь крестьянству, тогда и сами постепенно откажутся от слепой веры в потусторонние силы, приметы и т.п. «Лучшим путем для борьбы с религиозностью, рождаемой бессилием крестьянина перед природой и кулаком, будут мероприятия по материальной помощи крестьянину», — писал Е. Ярославский⁷.

Кстати, даже частушки отразили уверенность комсомольцев в том, что гибель религии связана в первую очередь с борьбой с неграмотностью, ростом популярности книг, газет, печатного слова: «Эх ты, поп — “святой отец”, / Будь ты “мертвый аль живец”, / Но тебя газета, поп, / Все равно уложит в гроб»⁸.

Официально партийный курс «лицом к деревне» утвердил проходивший 25–27 октября 1924 года пленум ЦК РКП(б). Знаменитое «дымовское дело» (Капустян, 1990: 186–188) стало обоснованием курса на «оживление советов». Вскоре центральные комитеты РКП(б) и ВЛКСМ признали существенные недостатки в антирелигиозной работе комсомола и объявили об изменении политики и в этой сфере.

Эволюция антирелигиозной деятельности коммунистической молодежи

На практике полного отказа от шумных антирелигиозных мероприятий во время главных религиозных праздников не произошло. Более того, решили отказаться от их узкой комсомольской направленности (об этом свидетельствуют и новые названия: «антирождество» и «антипасха»). Правда, рекомендовалось проводить данные мероприятия под присмотром старших товарищей из парторганизации. Уличные представления и карнавалы, а так-

6. Резолюции и постановления VI Всесоюзного съезда РЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1924. С. 172.

7. *Ярославский Е.* Антирелигиозная пропаганда в неурожайных местностях // Правда. 1924. 2 августа.

8. Книгу и газету — рабочей и крестьянской молодежи. Вечер и день книги. Хабаровск: Издание ДБ ЦК РЛКСМ, 1924. С. 77.

же диспуты в деревнях в это время были строго запрещены (Баланцев, 2008: 132).

Вообще не стоит преувеличивать радикальность поворота власти в отношении крестьян, в том числе и в духовной сфере. Религия и церковь по-прежнему представлялись однозначным злом. В качестве решающих аргументов молодые борцы с религией подчас использовали откровенно хулиганские выходки, провоцировали конфликты с прихожанами. В нэповской реальности «борьба со старым» сочеталась не только с активизацией просветительской работы и насаждением новых советских традиций, но и более широким распространением девиантного поведения. Признавалось, что антирелигиозная пропаганда комсомольцев, бедноты и советских элементов деревни по-прежнему приобретает формы хулиганских выходок (Советская деревня, 2000: 415, 426). В Воронежской губернии комсомольцы гасили свечи у прихожан во время пасхальной службы, а нередко избивали тех, кто обзывал их хулиганами⁹. Героями ошущали себя юнцы, выхватывающие в с. Бессоновка Пензенской губернии зажженные свечи у старушек, выходящих из церкви (Белохвостиков, 2004: 11). Принародные сжигания икон и разгром деревенских часовен неоднократно фиксировались в Тамбовской губернии¹⁰. В Северо-Кавказском крае «весельчаки» забрались в ночное время в храм и порубили иконы, а затем напились и уснули¹¹. В чувашской деревне Чешламы Богородской волости комсомольцы боролись с язычеством, отправляя свои естественные потребности у священного дерева. Успешной свою деятельность осквернители называли на основании того, что после испражнения у них ничего не заболело (Линевский, 1926: 162). Бурный протест верующих крестьян Волоколамского уезда вызывало бросание пионерами и комсомольцами грязью в иконы¹². О подобных примерах нецивилизованного проявления атеизма пишут многие современные исследователи (Давыдов, 2014: 158–163; Жулаева, 1999: 181; Лебедева, 2009: 15; и др.). На этом фоне хоровое исполнение антирелигиозных песен под окнами храма во время богослужения¹³ или хождение по церкви в шапках¹⁴ кажется невинной забавой, хотя на самом

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 392. Л. 14.

10. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 432. Л. 18. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 814. Л. 172.

11. Дриль В. «Весельчаки» // Молодой ленинец. 1926. 24 марта.

12. О работе комсомола в деревне. Волоколамск: издание газеты «Красный пахарь», 1925. С. 36.

13. Бюллетень IV Всесоюзной конференции РКСМ 19–23 июля 1923 г. № 4. М., 1925. С. 71.

14. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 392. Л. 14.

деле тоже сильно раздражало верующих крестьян. Отношения между комсомолом и верующими зачастую напоминали настоящее продолжение Гражданской войны.

По свидетельству В. А. Мурина, антирелигиозным хулиганством грешили не только комсомольцы, но вся мужская часть деревенской молодежи (Мурин, 1926: 37). Привычным явлением, по его мнению, стали «обычай принимать и провожать иконы», когда парни собираются толпой и с пением похабных частушек и песен идут на встречу церковным процессиям. Результатом столкновения, как правило, была взаимная ругань, а нередко — драки.

Народное творчество высмеивало тех, кто провозглашал громкие лозунги, но на самом деле отнюдь не служил образцом: «Коммунист, коммунист, / Рубаха зеленая, / Не у тебя ли, коммунист, / Изба разваленая» (Варламов, 1925: 27).

О разгульном поведении сельских комсомольцев ярко свидетельствует и статистика исключений из комсомола в середине 1920-х годов: 38,5% — за нарушение дисциплины, 83,1% — за пьянство и хулиганство¹⁵. Причем больше половины исключенных — это крестьяне и батраки. Комсомольцы Федоровской ячейки Белореченской волости во время Масленицы шатались по деревне, горланили песни и ругались, на всех свадьбах появлялись в пьяном виде и дебоширили. В Малочанском районе комсомольцы дошли до того, что писали заявления крестьянам о продаже им самогона. Николаевский окружной комитет ВЛКСМ называл сельских комсомольцев заправилами групповых драк. Показателен и вывод: «Связь с беспартийной молодежью в Битеевской ячейке проходит больше всего в драках и в пьянстве»¹⁶. В селе Жигалово Иркутского округа и вовсе дошло до того, что комсомольцы организовали что-то наподобие «Союза мстителей» под девизом «Долой табак, да здравствует водка!». В данном союзе носили значки с изображением черепа, проводили «чистку» наподобие комсомольской (Советская деревня, 2000: 425). В Вятский губернский комитет комсомола также поступало много сообщений об «антирелигиозном хулиганстве членов ВЛКСМ»¹⁷.

Способных внятно пропагандировать атеизм и агрономию среди сельской молодежи почти не было. Неслучайно во многих комсомольских ячейках после того, как комсомол публично отмежевался от «методов ругательств» и провозгласил ведущими «методы доказательств», вообще забыли про антирелигиозную работу. Когда вышестоящие органы напоминали им о ее необходимости, вставал вопрос о том, как можно заинтересовать ею крестьян (хотя бы молодых), поэтому в комсомоле по-прежнему предпочитали использовать «карнавальную» методику, дополняя ее читкой вслух при-

15. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 495. Л. 99-104.

16. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 495. Л. 99-104.

17. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 495. Л. 105.

сланных из центра текстов лекций, содержание которых непонятно было и самим новоиспеченным «лекторам».

Пытаясь дискредитировать религиозные праздники, пропагандисты отмечали у них языческие корни и низменную хозяйственную основу. Крестьяне, многие из которых ментально были весьма экономными, оказались податливыми на призывы сэкономить на содержании попов и проведении праздников. В Устьваге Архангельской губернии крестьяне, например, согласились с утверждением, что на Ильин день и Успение каждый двор тратит не меньше 30 рублей, и вынесли постановление на эти средства построить мост через реку и купить в общее пользование быка-производителя. Крестьяне деревни Хомяково Вологодской губернии вместо празднования престольного праздника собрали средства на покупку молотилки¹⁸.

А. М. Большаков отмечал, что с 1924 года крестьяне многих сел стали «рушить» праздники отцов и дедов, по крайней мере, заговорили о сокращении их численности. На его вопрос о причинах оставления «хоть двух» крестьяне отвечали: «Надо же с родными, с друзьями-приятелями встретиться, попить-погулять...» (Большаков, 1925: 195).

Серьезное внимание уделялось формированию неприглядного имиджа праздников «из прошлого». В юношеской печати они ассоциировались с пьянством, драками, разгулом¹⁹. Следование отцовским традициям приравнивалось к возвращению в первобытный мир²⁰. Резко осуждались «примиренцы»: атеисты, заявлявшие, что праздники не мешают коммунистическому строительству.

На самом деле вряд ли можно говорить о деревенском празднике как о сплошном торжестве привычек, игнорируя его социально-психологические и социокультурные функции. В крестьянском менталитете преваляло сознание того, что праздник — не менее богоугодное дело, чем работа.

Редко где комсомольцы могли похвастаться «отворотом» от праздничных традиций. Подчас и сами они, протестуя против религиозных праздников, фактически продолжали отмечать их по-старому. Так, в селе Юдино Лужского уезда в Духов день вооружившиеся берданками и обрезам пьяные комсомольцы напали на парней из соседней деревни. В погоне за отступающими пьяный секретарь комсомольской ячейки бежал впереди группы хулиганствующих (Русское и советское, 2002: 99).

18. Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. М.: Безбожник, 1929. С. 27с.

19. И. Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 1.

20. Комсомольское рождество // Безбожник. 1923. 1 января.

Бесспорно, некоторые осознавали, что их разгульное поведение способствует в обществе антикомсомольским и даже антисоветским настроениям. Многим молодым людям все-таки было неприятно, когда их называли «хриstopродавцами», высмеивали в частушках, причем не только односельчане, но и ближайшие родственники.

Более стандартным представляется поведение той сельской молодежи, которая иногда и демонстрировала приверженность новому, но, по сути, атеистическими взглядами не отличалась. Так, Я. А. Яковлев отмечал, что вернувшиеся из армии молодые люди первое время прилюдно заявляли, что Бога нет, но из-за необходимости венчаться их безбожные настроения быстро улетучивались (Яковлев, 1924: 131).

Сталин в октябре 1924 года обратил внимание активистов на то, «что мужик смотрит на бога по-хозяйски», размышляет, «не лучше ли будет ублагоотворить и коммуниста, и бога, чтобы надежнее было для хозяйства». По его словам, «в вопросах антирелигиозной пропаганды требуется осторожное отношение даже к предрассудкам крестьянина» (Сталин, 1947: 310). Обоснованность данных утверждений подтверждают многочисленные примеры наиболее ярких проявлений религиозности тогдашнего российского крестьянства. Например, когда в Вятской губернии произошло распространение озимого червя, крестьяне обратились не к агрономам, а к священникам, отслужившим по их просьбам молебны прямо на полях²¹. Поэтому стоит признать правильным (при всей его наивности) утверждение в пропагандистском сборнике ЦК комсомола: «Начинать нужно с дождя и скота и показать, что агрономические предприятия помогут больше и надежнее, чем эти святые»²².

Комсомольцев предостерегали от насмешек против религии, против попов и обрядов, призывали в первую очередь разбираться в общественных отношениях и явлениях природы. Лучшими видами антирелигиозной пропаганды провозгласили материалистическое разъяснение происхождения града, дождя, грозы или засухи, появления вредителей, свойств почвы и удобрений. Подчеркивалось, что «антирелигиозные выводы должны сами напрашиваться у слушателей, а не навязываться им»²³. Особое внимание обращалось на осторожность при подготовке антирелигиозных спектаклей: ведь большинство используемых сценариев носили оскорби-

21. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 98. Оп. 1. Д. 216. Л. 221.

22. Комсомол в деревне: Сборник по основным вопросам работы РЛКСМ в деревне / Под ред. Политпросвета ЦК РЛКСМ. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 79–80.

23. Антирелигиозная пропаганда: (Материалы по организации и методике пропаганды безбожия). Тула, 1925. С. 18.

тельный характер, не столько привлекали, сколько отталкивали крестьян.

Боясь дискредитации комсомольской, а вкупе с ней и всей антирелигиозной работы, ЦК ВЛКСМ регулярно выражал беспокойство о кадровом составе пропагандистов. От выездов к крестьянам мало-подготовленных докладчиков рекомендовалось отказаться. Провозглашалось, что при отсутствии подготовленных сил лучше вообще не проводить массовые лекции, агитсуды и тем более — диспуты. Для деревни самыми пригодными считались громкие чтения с использованием материалов антирелигиозной печати²⁴. Большое значение придавали и распространению среди крестьян антирелигиозной литературы, справедливо полагая, что вера в разумность печатного слова на селе еще не затухла.

В августе 1924 года в редакции «Безбожника» состоялось собрание внештатных корреспондентов из разных регионов. Было объявлено об образовании Общества друзей газеты. В апреле 1925 года в Москве прошел I съезд корреспондентов газеты «Безбожник» и членов Общества ее друзей. Центральный совет Общества 5 июня 1925 года в целях повышения его статуса переименовал организацию в Союз безбожников. Для организации ячейки союза в деревне было достаточно трех человек от 14 лет и старше. Ячейки создавались при избах-читальнях, в школах, совхозах. Инициативу по созданию ячейки могли проявить как отдельные граждане, так и первичные организации других общественных объединений, в том числе ВЛКСМ. Комсомольцев, считавшихся и в руководстве Союза безбожников лучшими кадрами для пропаганды безбожия²⁵, незамедлительно ознакомили с уставом организации (Лебина, 1996: 154). Однако в реальности сельские комсомольцы далеко не всегда проявляли большую инициативность по организации работы Союза безбожников. Иногда его работа в сельской глубинке в первые годы после образования почти отсутствовала.

Противодействие крестьян молодым «безбожникам»

Несмотря на активность «безбожников» на селе, весь жизненный путь крестьянина по-прежнему в основном был связан с религиозными обрядами. Исследование расходов на религиозные нужды в бюджетах крестьянских хозяйств семи регионов РСФСР приводило к выводу, «что более половины крестьянских семей и в середине 1920-х гг. отличались бытовой религиозностью» (Козлов, 1983: 140–141).

24. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 348. Л. 20.

25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

Крестьяне не понимали, почему они должны содержать аппарат советских организаций. Типично обращение крестьянина из Вологодской губернии: «ВИК раздул смету расходов; посадил на шею мужика таких работников, как избач, агроном, секретарь ВЛКСМ, библиотекарь, ликвидатор неграмотности и др., которые нужны власти для опутывания мужика» (Совершенно секретно, 2001в: 718).

Крестьянам было по душе общение «на равных». Насмешки молодежи они считали насмешками над собой, именно в этом кроется происхождение нового прозвища комсомольцев — «надругатели»²⁶. Начальник VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучков в сводке от 4 июля 1924 года указывал, что в разных губерниях происходили выступления крестьян, в том числе с применением насилия, в которых публика «в сильном негодовании клеймит РКСМ как бандитскую и хулиганскую организацию» (Архивы Кремля, 1997: 446). Информсводка Тверского губкома комсомола за I квартал 1926 года зафиксировала, что в ответ на антицерковные выходки комсомольцев произошло несколько случаев избиения их крестьянами (Русское и советское, 2002: 110).

«Пьяницы и лодыри» — так все чаще называли комсомольцев крестьяне. Причем осуждалось не только хулиганство в прямом смысле: отношение священников и крестьян к антирелигиозным мероприятиям как к хулиганству, судя по донесениям с мест, тоже проявлялось очень широко (Большаков, 1925: 176, 196). Крестьяне деревни Лакомцево Щавеличенской волости Псковской губернии называли комсомольцев жуликами и хулиганями, старались сорвать комсомольские собрания, успешно агитировали за выход из ВЛКСМ, запугивая молодежь слухами, что скоро комсомольцев будут вешать (Совершенно секретно, 2001в: 996). В Боровской волости Калужской губернии священник Виноградов говорил крестьянам, что «их дети развращаются, участвуя в антирелигиозных постановках». В Мартовской волости Актюбинской губернии священник отговаривал беспартийную молодежь идти на спектакль, поставленный ячейкой РЛКСМ. Посетивших спектакль он переписал и, вызвав их родителей, указал им на развращенность их детей (Совершенно секретно, 2001а, 351–354). В селе Макарьевском Нижегородской губернии крестьяне говорили: «Кто пойдет к комсомольцам на собрание — будет записан антихристом» (Голос народа, 1997: 175).

Попытки коммунистической молодежи как-то «договориться» с крестьянами чаще всего оказывались безрезультатными. Так, в январе 1925 года в селе Богословском Иванковской волости Каширского уезда пытались провести собрание крестьян нескольких

26. Комсомол в деревне: Сборник по основным вопросам работы РЛКСМ в деревне / Под ред. Политпросвета ЦК РЛКСМ. М.; Л.: 1925. С. 79.

сел совместно с учащимися Богословского сельскохозяйственного техникума. Учащиеся поставили вопрос о приобретении сельскохозяйственных машин, для чего предлагали снять и продать церковные колокола. Крестьяне не просто воспротивились данному предложению, но и удалили учащихся с собрания, а крестьянину, поддержавшему их, угрожали убийством (Советская деревня, 2000: 285–286).

Более того, во многих селах крестьяне переходили от угроз к действиям против комсомольцев. В селе Рождествено Лукояновского уезда Нижегородской губернии даже детей подучили встречать комсомольцев обидной песенкой: «Пароход идет, вода кольцами, будем рыбу кормить комсомольцами» (Голос народа, 1997: 175). В селе Толкачи Тверского уезда под лозунгом «Против комсомола» была организована специальная группа крестьянской молодежи. В деревне Лохово Ленинградской губернии хулиганская банда, вооруженная винтовками, периодически избивала комсомольцев (Совершенно секретно, 2001б: 344–345). В сентябре 1926 года в селе Кривухи Псковской губернии, в деревне Матровой Саратовской губернии, в селе Корсаново Бурят-Монгольской республики толпы крестьян нападали на комсомольцев во время проведения ими массовых мероприятий. В селе Каюшево Ульяновской губернии крестьяне, расходясь из церкви, толпой в 50 человек напали на избу-читальню. Демонстративно были порваны заменившие иконы портреты советских вождей, а комсомольцы избиты (Советская деревня, 2000: 449). Навязывание крестьянам комсомольцев в качестве депутатов тоже подчас оборачивалось запугиваниями и даже выстрелами²⁷. Нежелание голосовать за комсомольцев крестьяне обычно объясняли отсутствием у юношей и девушек жизненного опыта: «Комсомолец еще и своего хозяйства не имел — как же он будет учить крестьян вести лучше свое хозяйство?»²⁸

Создание каких-то специальных молодежных объединений с целью противопоставить их антирелигиозной деятельности в крестьянской среде было редкостью. В 1926 году, например, в Ставропольском округе сектантская молодежь образовала «общество борьбы с неверующими» (Голоса из провинции, 2009: 347). Но нельзя назвать редким специальное подпаивание хулиганствующих парней с целью их натравливания на комсомольцев. В ряде губерний были отмечены случаи создания специальных антикомсомольских кружков деревенской молодежи. Сама принадлежность к ВЛКСМ иногда была основной причиной нападения на комсомольцев. Так, в деревне Нижеслободской Иркутской губернии комсомольца избивали, приговаривая: «Я вам, комсомоль-

27. Чаплин Н. Об улучшении работы Советов и задачах комсомола в деревне // Юный коммунист. 1925. № 2–3. С. 16.

28. Там же.

цам, покажу вашу идею». В селе Ивановском Амурского округа комсомольцу подбросили анонимную записку с изображением могильного креста: «Если хочешь жить на свете, то брось свое комсомольство и не смущай других» (Советская деревня, 2000: 450, 599). Зафиксированы также многочисленные случаи, когда убийства самими деревенскими преступниками объяснялись членством жертв в комсомоле.

Пропаганда связала несколько убийств на селе с религиозными убеждениями убийц. Е. Ярославский говорил, что на примере этих убийств крестьяне научатся распознавать новую правду: «Но пусть не думают убийцы, что им удастся запугать молодую деревню, отпекающуюся от тьмы, невежества и религии»²⁹.

Несмотря на то что устав Союза безбожников призывал не оскорблять чувства искренне верующих крестьян, вести антирелигиозную пропаганду преимущественно в форме разъяснения естественнонаучных вопросов и разоблачения на конкретных фактах классового содержания религии³⁰, крестьянство практически проигнорировало призывы к участию в деятельности союза.

Совсем медленно Союз безбожников «прокладывал дорогу» в сельской местности тех регионов, где преобладали неправославные верующие. Так, в 1927 году в католических деревнях всей Белорусской ССР была зарегистрирована лишь одна ячейка союза в Ланцуцком сельсовете Минского округа. Польское бюро ЦК Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии говорило о крайне слабом влиянии Союза безбожников на польскую деревню. Констатировалось ослабление религиозности только среди молодежи (Лебедев, 2008: 37, 38).

Традиционные праздники без религиозных обрядов не отмечали даже многие активисты движения безбожников. Некоторые крестьяне и к антирелигиозным карнавалам относились как к празднованию, но альтернативному церковному. Во всяком случае, печать нередко сообщала о том, что крестьяне, увидев коммунистическую карнавальную колонну, начинали креститься. Иногда в воспоминаниях этому давалось другое объяснение: крестьяне крестились, прося у Бога прощения за то, что видят греховное. Остались упоминания и об успешных антирелигиозных пропагандистах, по субботам под звон церковных колоколов зажигающих дома лампадки (Григоров, 1925: 34). В Синенькой волости Саратовской губернии крестьяне праздновали День революции, но в память павших революционеров тоже сочли возможным отслужить панихиду в церкви. Причем на панихиду шли с пением похоронного гимна и революционных песен (Крестьянское движение, 2003: 9). В Большестроной волости Каргопольского уезда Вологодской губернии под-

29. *Ярославский Е.* Погибший за правду // Безбожник. 1926. 28 марта.

30. Устав Союза безбожников СССР. М.: Госиздат, 1925. С. 3.

ростки по традиции ходили в январе колядовать. Но их колядки сводились к исполнению «Интернационала» и «Молодой гвардии»³¹. Раздавались призывы комсомольцев снимать головные уборы перед портретами вождей как перед иконами. Обследовавшие деревни Новгородской губернии ленинградские студенты-этнографы тоже удивлялись непредсказуемому переплетению «старого» и «нового». Например, на одной и той же стене крестьянской избы вместо икон висели портреты последних императора, императрицы и вождей революции. «Словно два геологических слоя, верхний и нижний», — восклицал автор данных наблюдений (Стебницкий, 1924: 107). В селе Полново близ озера Селигер вечером в избе-читальне студенты встретили старушку, долго перед этим молившуюся, а теперь с интересом смотрящую на светские развлечения и глубококомысленно вздыхающую: «Видно, по нынешнему времени и богу молиться вредно!» (Там же: 114). Доходило до того, что некоторые крестьяне никак не могли определиться, то вынося иконы из избы, то опять размещая их в красном углу. Молодые безбожники из числа неконформистов также вынуждены были «лавировать»: обманывали то родителей, то товарищей по организации. Ведь, как правило, родители противились их участию в антирелигиозном движении, а партийные наставники и товарищи настаивали на активнейшем участии.

Все это свидетельствовало о «разорванности» внутреннего мира людей. Исследователь пензенской деревни Н. А. Росницкий в 1926 году сделал вывод: «Религия в крестьянстве заметно падает... Нет религии, а есть обычай» (Росницкий, 1926: 117). При всей жестокости борьбы с религией параллельно формируемая коммунистическая квазирелигия включала в себя и некоторые элементы вековых традиций. Роль церкви пытались придать клубу или избе-читальне, церковные песнопения заменяли коммунистическими, иконы — портретами вождей, старые обряды — новыми, но во многом напоминающими старые. Особенно удивляет, что, борясь со старыми праздниками и аргументируя это в том числе необходимостью проводить полевые работы в эти дни, доморощенные идеологи запрещали работать крестьянам в дни советских праздников. Комсомольские руководители рекомендовали молодежи перед советскими праздниками проводить генеральную уборку, покупку и пошив обновок, накрывать праздничный стол наподобие пасхального.

Даже в молодежной среде строители «новой религии» и в конце периода нэпа встречали мощное противодействие. Например, газета «Красная Татария» 11 марта 1928 года рассказывала, как в селе Курени Буинского района произошел настоящий бой между местной беспартийной молодежью и комсомольцами, показательно ту-

31. Свой местный. Новое «славение» // Красный Север. 1925. 25 января.

шившими костры празднующих Масленицу крестьян. Дрались кулаками, палками, кто-то прибежал с кинжалом.

Заключение

Исследуемый период внес существенный вклад в изменение повседневной жизни крестьянства. Как писала Н. Н. Козлова, крестьяне «переставали быть крестьянами» (Козлова, 1996: 15). Причем молодые «преобразователи» меняли привычный сельский уклад не столько из-за целесообразности, сколько из-за желания освободиться от всего «старого». Одним из мощных факторов радикальных изменений в повседневной жизни российского села стала антирелигиозная деятельность коммунистической молодежи.

Анализируя ее последствия, стоит поставить под сомнение утверждения о том, что победа радикальной линии по отношению к Церкви связана прежде всего с созданием в 1925 году Союза безбожников. На самом деле до конца 1920-х годов в деятельности этой организации преобладала «умеренная линия». Более того, в деревне даже созданные ячейки союза в большинстве своем бездействовали. Комсомол, а не Союз безбожников, был в это время в авангарде антирелигиозной деятельности. Его антирелигиозная пропаганда в деревне была ориентирована не на тот крайне узкий слой людей, способных рассуждать о марксизме как научной теории и анализировать реальные факты, а на тех, кто был податлив к простым схемам, ждал легких объяснений и быстрых результатов. Этнографы 1920-х годов отмечали распространенность среди молодежи упрощенного объяснения таинственного и непонятного: «С неумолимой логикой вам будут доказывать, например, что «разве может быть икона святой, если она сделана, может быть, из того же самого дерева, из которого колодка для сапога или даже свиное корыто?». При этом подчеркивалось: «Но — как общее правило — от всего, что пахнет хоть сколько-нибудь “отвлеченным”, молодая деревня сторонится, как от чумы» (Стебницкий, 1926: 72–73). По мнению Мурзина, православная религиозность у крестьянской молодежи исчезла, но оставалась «религиозность в силу беспомощности узнать причину наблюдаемых ими различных явлений» (Мурзин, 1926: 33). Даже называя деревенскую молодежь безбожной, он предостерегал от опасности считать ее свободной от веры во всякую святость, мистику, чертовщину.

Как интенсивная антирелигиозная пропаганда, так и сама окружающая обстановка (катаклизмы революционных и постреволюционных лет, несправедливости и разочарования нэпа) способствовали тому, что молодежь в меньшей степени, чем старшие поколения, ориентировалась на традиционные верования.

Базисом «новой» веры «нового человека» становилось стремление к земным, повседневным радостям, а не ценности неведомого потустороннего мира. По оценке В. Г. Тан-Богораза, нововерие «не верит в помощь сверху, но верит непоколебимо в собственную мощь» (Тан, 1924: 19). С теми, кто не поддавался на упрощенные пропагандистские схемы, коммунистическая молодежь предпочитала говорить языком силы. Но массовые комсомольские антирелигиозные мероприятия, отмеченные в крестьянской памяти как хулиганские, Тан-Богораз считал естественным проявлением темперамента молодых, причем это проявление, по его мнению, вопреки складывающимся в деревне антигородским настроениям, «наваяно и подсказано деревней городу» (Там же). В то же время он подчеркивал, что даже самая строптивая, самоуверенная молодежь не утверждает, а пока лишь отрицает. Молодых нововерцев он весьма метко называл богоборцами и отрицателями.

Что касается крестьян поколения «революционного перелома», то в большинстве своем они воспринимали веру как элемент наследия, которое остается после него для других поколений, выступая как общее достояние всех людей (Чиркова, 2014: 76). Многие из навязываемого новой властью приживалось даже среди повзрослевших бунтарей из этого поколения с большим трудом или вообще отторгалось. Хотя многие из них и жаждали перемен к лучшему, они не ожидали столь радикального слома традиций, особенно в духовной сфере. Даже те, кто публично представлялся атеистом, чаще всего втайне соблюдали религиозные традиции. Большинство комсомольских акций они воспринимали как хулиганские и по крестьянской традиции считали, что старшие братья или отцы ради «вразумления» могут применить к «непослушникам» самые радикальные меры.

Библиография

- Архивы Кремля (1998). Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 книгах / Подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Кн. 2. Новосибирск; М.: НИЦ «Сибирский хронограф».
- Баланцев А. В. (2008). Антирелигиозная деятельность комсомола: 1918–1925 гг. Диссертация... канд. ист. наук (07.00.02). Тамбов: Тамбовский государственный технический университет.
- Белохвостиков Е. П. (2004). Церковь без крестов. Гонения на православие в Лунинском районе. Пенза.
- Большаков А. М. (1925). Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., знач. доп. Л.: Прибой.
- Варламов И. (1925). Основные задачи комсомола в деревне. М.; Л.: Молодая гвардия.
- Венер М. (1993). Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. № 5. С. 87–88.
- Вязинкин А. Ю. (2022). Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. № 7-2. С. 153–165.

- Голос народа (1997). Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН.
- Голоса из провинции (2009). Жители Ставрополя в 1917–1929 годах: Сборник документов. Ставрополь.
- Григоров Л. М. (1925). Очерки современной деревни. Кн. 2. М.: Гос. изд-во.
- Громыко М. М. (1986). Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука.
- Гусева Ю. Е. (2020). «Новая женщина» в прессе первой половины 20-х годов XX века в контексте межвозрастных гендерных отношений // Медиа. Информация. Коммуникация. № 34. С. 22–29.
- Давыдов Д. В. (2012). Антирелигиозные настроения в молодежной среде как отражение процессов модернизации деревни в 1920-е годы // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития / Отв. ред. А. С. Бушуев. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан. С. 158–163.
- Дети и молодежь Смоленщины (2006): 1920–1930-е гг.: документы и материалы / Сост. Т. И. Новосельцева, Н. Ф. Пикалова, Е. А. Потапова. Смоленск: Маджента.
- Жулаева А. С. (1999). Образ жизни крестьян Восточной Сибири 1920–1926 гг. К проблеме отношений традиций и новаций. Диссертация... канд. ист. наук. Красноярск.
- Ильиных В. А. (2021). «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск. С. 275–282.
- Исаев В. И. (2014). «Вон от земли»: формирование антикрестьянских стереотипов в сознании сельской молодежи Сибири в 1920-е гг. // ЭКО. № 10. С. 164–171.
- Капустян А. Т. (1990). «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. № 7. С. 186–188.
- Козлов В. А. (1983). Культурная революция и крестьянство (1921–1927 гг.). М.: Наука.
- Козлова Н. Н. (1996). Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.
- Кондрашин В. В. (2022). Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. № 4. С. 80–92.
- Крестьянское движение в Саратовской губернии (2003): 1917–1922 гг.: сборник документов и материалов / Автор-составитель А. Г. Рыбков. Саратов: Надежда.
- Лебедев А. Д. (2008). Деятельность Союза безбожников БССР в отношении католической церкви (1920-е гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. № 4. С. 33–41.
- Лебедева Л. В. (2009). Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009.
- Лебина Н. (1996). Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба // Вопросы истории. № 5–6. С. 154–157.
- Левада Ю. А. (2001). Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 7–14.
- Линевский А. (1926). Чувашский комсомол // Комсомол в деревне: Очерки / Под ред. проф. В. Г. Тан-Богораза. М.; Л.: Госиздат. С. 158–169.
- Мурин В. А. (1926). Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва.
- Росницкий Н. А. (1926). Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Русское и советское молодежное движение в документах (2002). 1905–1937 гг. / Сост. П. П. Александров-Деркаченко. М.: ОМП-Пресс.
- Садырова М. Ю. (2012). Антирелигиозная пропаганда в деревне в 1920-е гг.: теоретические установки и практическая реализация (по материалам Пензенской и Саратовской губерний) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. № 27. С. 960–965.

- Слезин А. А. (2023). Противостояние крестьян и комсомольцев в духовной сфере русской деревни начала 1920-х годов // Аграрная история. № 13. С. 22–42.
- «Совершенно секретно» (2001а): Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. Т. 2: 1924. М.
- «Совершенно секретно» (2001б): Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. Т. 4. Ч. 1: 1926. М.
- «Совершенно секретно» (2001в): Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. Т. 4. Ч. 2: 1926. М.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (2000). 1918–1939: Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН.
- Сталин И. В. (1947). Об очередных задачах партии в деревне: Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 302–312.
- Сталин И. В. (1952). О «Дымовке»: Речь на заседании оргбюро ЦК РКП(б) 26 января 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 19–24.
- Стебницкий С. Н. (1924). Изба-читальня // Старый и новый быт: Сборник / Под ред. проф. В. Г. Тан-Богораза. Л.: Гос. изд-во. С. 106–117.
- Стебницкий С. Н. (1926). Новгородская вольница // Комсомол в деревне: Очерки / Под ред. проф. В. Г. Тан-Богораза. М.; Л.: Госиздат. С. 60–82.
- Тан В. Г. (1924). Старый и новый быт // Старый и новый быт: Сборник / Под ред. проф. В. Г. Тан-Богораза. Л.: Гос. изд-во. С. 5–25.
- Федотов Г. П. (1988). Полное собрание статей в 6 томах. Париж: YMCA-PRESS. Т. 1. Лицо России (1918–1930).
- Циткилов П. (2018). Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 4. С. 203–230.
- Чиркова Н. В. (2014). Сохранение наследия как культура сохранения: к проблеме глобализации исторической памяти // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Самара. С. 76–80.
- Шишкин В. А. (1997). Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Шкаровский М. В. (2000). Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М.: Индрик. С. 5–50.
- Яковлев Я. А. (1924). Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М.: Красная новь.
- Freeze G. (2017). Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography // Russian history. Vol. 44, no. 1, pp. 1–24.

The conflict of generations in the spiritual sphere of rural society in the second half of the 1920s

Anatoly A. Slezin, DSc (History), Chief Researcher, Tambov State Technical University, Sovetskaya St., 106/5, Tambov, 392000. E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru

Abstract. The author identifies the anti-religious aspects of the Soviet “turning to the village” policy, focusing on the main directions in the evolution of anti-religious activities of the communist youth in the mid-1920s and on the changes in the value orientations of peasant generations in the critical period of the Russian history. The study aims at assessing the peasantry’s reaction to the “revolutionary turn” genera-

tion (born at the turn of the 19th — 20th centuries) activities and the reasons for the generational conflict, based on the analysis of the spiritual sphere of the Russian village. The author argues that this conflict turned into an intergenerational gap in the Russian village, which is an understudied aspect of the village split into antagonistic camps, used by the Party leadership to accelerate socialist modernization. The anti-religious activities of communist organizations after the “turning to the village” policy seemed to significantly soften forms and methods of the work with the peasantry, but a more thorough analysis shows that such activities remained a powerful factor of the conflict. For instance, value orientations of peasant generations were becoming more different. The spiritual legacy, which the “revolutionary turn” generation was to pass on to its successors, was rejected by the younger generation. The “new faith” completely denied the old traditions and irreconcilable theomachism. Peasants of the “revolutionary turn” generation expressed their attitude to anti-religious activities in the form of hooliganism, and radical measures were a response. The study of the national youth movement (including the negative one) and of the features of the intergenerational conflict in the Russian village are of particular relevance in the search for an educational model that meets the contemporary demands of the state and society.

Key words: peasants, religion, generations, revolutionary turn, youth, *Komsomol*, intergenerational gap, “turning to the village” policy, atheist alliance, NEP

References

- Arkhivy Kremlya (1998) *Politbyuro i tserkov, 1922–1925 gg.* [Politburo and the Church, 1922–1925]. In 2 books (Ed. by N. N. Pokrovsky, S. G. Petrov), Book 2, Novosibirsk–Moscow: Sibirsky khronograf.
- Balantsev A. V. (2008) *Antireligioznaya deyatelnost komsomola: 1918–1925 gg.* [Anti-Religious Activities of the *Komsomol*: 1918–1925] (PhD Thesis), Tambov: Tambovsky gosudarstvenny tekhnicheskyy universitet.
- Belokhvostikov E. P. (2004) *Tserkov bez krestov. Goneniya na Pravoslavie v Luninskom rayone* [Church without Crosses. Persecution of Orthodoxy in the Luninsky District], Penza.
- Bolshakov A. M. (1925) *Sovetskaya derevnya (1917–1925 gg.): ekonomika i byt* [Soviet Village (1917–1925): Economy and Everyday Life], Leningrad: Priboy.
- Tsitkilov P. (2018) Vliyanie religioznykh norm zhizni i obshchinnyykh traditsiy na sotsialny oblik sovetskoy semyi v 1920-e gody [The impact of religious norms and communal traditions on the social image of the Soviet family in the 1920s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no 4, pp. 203–230.
- Chirkova N. V. (2014) Sokhraneniye naslediya kak kultura sokhraneniya: k probleme globalizatsii istoricheskoy pamyati [Preservation of heritage as a culture of preservation: On the globalization of historical memory]. *Natsionalnoye kulturnoye nasledie Rossii: regionalny aspekt*, Samara, pp. 76–80.
- Davydov D. V. (2012) Antireligioznye nastroyeniya v molodezhnoy srede kak otrazheniye protsessov modernizatsii derevni v 1920-e gody [Anti-religious moods of the youth as a reflection of village modernization in the 1920s]. *Istorichesky opyt rossiyskikh modernizatsiy XIX — XXI vekov: spetsifika regionalnogo razvitiya* (Ed. by A. S. Bushuev), Kazan: Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 158–163.
- Deti i molodezh Smolenshchiny* (2006): 1920–1930-e gg.: dokumenty i materialy [Children and Youth of the Smolensk Region: 1920–1930s: Documents and Materials] (Ed. by T. I. Novoseltsev, N. F. Pikalov, E. A. Potapov), Smolensk: Madzhenta.
- Fedotov G. P. (1988) *Polnoe sobranie statey v 6 t.* [Complete Collection of Articles in 6 vols.], vol. 1: Litso Rossii (1918–1930), Parris: YMCA-PRESS.

- Freeze G. (2017) Confessions in the Soviet era: Analytical overview of historiography. *Russian History*, vol. 44, no 1, pp. 1–24.
- Golos naroda (1997): *Pisma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918–1932 gg.* [Letters and Responses of Ordinary Soviet People to the Events of 1918–1932] (Ed. by A. K. Sokolov), Moscow: ROSSPEN.
- Golosa iz provintsi (2009) *Zhiteli Stavropoliya v 1917–1929 godah* [Residents of the Stavropol Region in 1917–1929], Stavropol.
- Grigorov L. M. (1925) *Ocherki sovremennoy derevni* [Essays on the Contemporary Village], in 2 vols., Moscow: Gosizdat.
- Gromyko M. M. (1986) *Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v.* [Traditional Behavior Norms and Communication Forms of the Russian Peasants in 19th Century], Moscow: Nauka.
- Guseva Yu. E. (2020) “Novaya zhenshchina” v presse pervoy poloviny 20-h godov XX veka v kontekste mezhvozrastnykh gendernykh otnoshenij [“New woman” in the press in the first half of the 1920s in the context of the inter-age gender relations]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya*, no 34, pp. 22–29.
- Il'inykh V. A. (2021) “Litsom k derevne”. Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva v seredine 1920-h godov [“Turning to the village”. Agrarian policy of the Soviet state in the mid-1920s]. *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regionalnom izmerenii*, Novosibirsk, pp. 275–282.
- Isaev V. I. (2014) “Von ot zemli”: formirovaniye antikrestyanskih stereotipov v soznanii selskoy molodezhi Sibiri v 1920-e gg [“Get off the land”: The formation of the anti-peasant stereotypes of the rural youth in Siberia in the 1920s]. *EKO*, no 10, pp. 164–171.
- Kapustyan A. T. (1990) “Dymovskoe delo”: mnimoe i realnoe [“Dymovsk case”: Imaginary and real]. *Voprosy istorii*, no 7, pp. 186–188.
- Kozlov V. A. (1983) *Kulturnaya revolyutsiya i krest'yanstvo (1921–1927 gg.)* [Cultural Revolution and the Peasantry (1921–1927)], Moscow: Nauka.
- Kozlova N. N. (1996) *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi: Golosa iz khora* [Horizons of Everyday Life in the Soviet Era: Voices from the Choir], Moscow: IF RAN.
- Kondrashin V. V. (2022) Politika “Litsom k derevne”: byl li potentsial u nepa v agrarnom sektore ekonomiki strany? [Policy “Turning to the village”: Did the NEP have potential in the agricultural sector of the national economy?], *Istorichesky kurier*, no 4, pp. 80–92.
- Krestyanskoe dvizhenie v Saratovskoy gubernii (2003): 1917–1922 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Peasant Movement in the Saratov Province: 1917–1922: Collection of Documents and Materials] (Ed. by A. G. Rybkov), Saratov: Nadezhda.
- Lebedev A. D. (2008) Deyatel'nost Soyuza Bezbozhnikov BSSR v otnoshenii katolicheskoy tserkvi (1920-e gg.) [Activities of the Union of Atheists of the BSSR in relation to the Catholic Church (1920s)]. *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, no 4, pp. 33–41.
- Lebedeva L. V. (2009) *Povsednevnyaya zhizn penzenskoy derevni v 1920-e gody: traditsii i peremeny* [Daily Life of the Penza Village in the 1920s: Traditions and Changes], Moscow: ROSSPEN.
- Lebina N. (1996) Deyatel'nost “voinstvuyushchikh bezbozhnikov” i ih sudba [Activities of “militant atheists” and their fate], *Voprosy istorii*, no 5–6, pp. 154–157.
- Levada Yu. A. (2001) Pokoleniya XX veka: Vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th century: Research perspectives]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 5, pp. 7–14.
- Linevsky A. (1926) *Chuvashskiy komsomol [Chuvash Komsomol], Komsomol v derevne: Ocherki* (Ed. by V. G. Tan-Bogoraz), Moscow–Leningrad: Gosizdat, pp. 158–169.
- Murin V. A. (1926) *Byt i nryvy derevenskoy molodezhi* [Life and Customs of the Village Youth], Moscow: Novaya Moskva.

- Rosnitsky N. A. (1926) *Litso derevni: po materialam obsledovaniya 28 volostej i 32730 krestyanskih khozyaystv Penzenskoy gubernii* [Face of the Village: Data of the Survey in 28 Volosts and of 32730 Peasant Farms in the Penza Province], Moscow–Leningrad: Gosizdat.
- Russkoe i sovetskoe molodezhnoe dvizhenie v dokumentah 1905–1937 gg. (2002) [Russian and Soviet Youth Movement in Documents. 1905–1937]. Moscow: OMP-Press.
- Sadyrova M. Yu. (2012) Antireligioznaya propaganda v derevne v 1920-e gg.: teoreticheskie ustanovki i prakticheskaya realizatsiya (po materialam Penzenskoy i Saratovskoy gubernii) [Anti-religious propaganda in the village in the 1920s: Theoretical guidelines and practical implementation (based on the data from the Penza and Saratov Provinces)], *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, no 27, pp. 960–965.
- Shishkin V. A. (1997) *Vlast. Politika. Ekonomika. Poslerevolutsionnaya Rossiya* [Power. Policy. Economy. Post-Revolutionary Russia], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Shkarovsky M. V. (2000) Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX veka [Renovation movement in the Russian Orthodox Church in the 20th century]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo Pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, no 6: Tserkovnaya istoriya XX veka i obnovlencheskaya smuta, Moscow: Indrik, pp. 5–50.
- Slezin A. A. (2023) Protivostoyanie krestyan i komsomol'tsev v dukhovnoy sfere russkoy derevni nachala 1920-h godov [Confrontation between peasants and *Komsomol* members in the spiritual sphere of the Russian village in the early 1920s]. *Agrarnaya istoriya*, no 13, pp. 22–42.
- “Sovershenno sekretno” (2001): *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top Secret: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)], in 10 vols., vol. 2: 1924, Moscow: IRI RAN.
- “Sovershenno sekretno” (2001): *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top Secret: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)], in 10 vols., vol. 4: 1926, Moscow: IRI RAN.
- Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD (2000). 1918–1939. *Dokumenty i materialy* [Soviet Village in the Perception of the Cheka — OGPU — NKVD. 1918–1939. Documents and Materials], in 4 vols., vol. 2: 1923–1929, Moscow: ROSSPEN.
- Stalin I. V. (1947) *Sochineniya* [Works], vol. 6, Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Stalin I. V. (1952) *Sochineniya* [Works], vol. 7, Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Stebnitsky S. N. (1924). *Izba-chitalnya* [Village reading room]. *Stary i novy byt* (Ed. by V. G. Tan-Bogoraz), Leningrad: Gosizdat, pp. 106–117.
- Stebnitsky S. N. (1926) *Novgorodskaya volnitsa* [Novgorod freemen]. *Komsomol v derevne: Ocherki* (Ed. by V. G. Tan-Bogoraz), Moscow–Leningrad: Gosizdat, pp. 60–82.
- Tan V. G. (1924) *Stary i novy byt* [Old and new ways of life], *Stary i novy byt* (Ed. by V. G. Tan-Bogoraz), Leningrad: Gosizdat, pp. 5–25.
- Varlamov I. (1925) *Osnovnye zadachi komsomola v derevne* [Main Tasks of the *Komsomol* in the Village], Moscow–Leningrad: Molodaya gvardiya.
- Vener M. (1993) *Litsom k derevne: sovetskaya vlast i krestyansky vopros (1924–1925 gg.)* [Turning to the village: Soviet power and the peasant question (1924–1925)]. *Otechestvennaya istoriya*, no 5, pp. 87–88.
- Vyazinkin A. Yu. (2022) *Pokolenie “revolyutsionnogo pereloma” v sudbe russkoy derevni pervoy treti XX v.: problemy istoriografii* [Generation of the “revolutionary turn” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Issues of historiography], *Voprosy istorii*, no 7–2, pp. 153–165.
- Yakovlev Ya. A. (1924) *Nasha derevnya. Novoe v starom i staroe v novom* [Our Village. New in the Old and Old in the New], Moscow: Krasnaya nov.

Zhulaeva A. S. (1999) *Obraz zhizni krestyan Vostochnoy Sibiri 1920–1926 gg. K probleme ot-nosheniy traditsiy i novatsiy* [Peasant Way of Life in Eastern Siberia in 1920–1926. On the Relations between Traditions and Innovations] (PhD Thesis), Krasnoyarsk.

Региональная власть и колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны: мобилизация, попечение, коррупция (по материалам Новосибирской области)¹

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области рассматривается специфика взаимодействия местной власти и колхозов во время войны. Основное противоречие, с которым сталкивались региональные и районные руководители, заключалось в том, что политика тотальной мобилизации ресурсов, проводимая под диктовку центральных органов власти, дестабилизировала социально-экономическую обстановку на территориях, вверенных им в управление. В этой связи столь же противоречивыми становились действия самой местной власти, которая вынуждена была изыскивать способы хотя бы частично компенсировать урон, наносимый собственными же усилиями по изъятию сельхозпродукции из колхозов. Дополнительную грань проблеме придавали коррупционные мотивы, весьма часто сопутствовавшие взаимоотношениям представителей власти и колхозов. Само же колхозное крестьянство в большинстве случаев отвечало на очевидно завышенные требования со стороны государства бездействием, что, в свою очередь, заставляло местную власть проявлять дополнительные усилия по принуждению сельхозпроизводителей к их исполнению. Сложность аграрной повестки отвлекала значительную долю внимания партийных и советских органов управления. Однако активности власти и ее порученцев все равно не хватало для того, чтобы удерживать колхозное производство под постоянным надзором.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, Великая Отечественная война, колхозы, мобилизация, попечение, коррупция

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-67-84

Нет оснований сомневаться в том, что начало Великой Отечественной войны оказало дестабилизирующее воздействие на взаимоотношения власти и колхозного крестьянства. На обескровленную в ходе воинских мобилизаций деревню легла тяжелая обязанность почти безвозмездного обеспечения продовольственной продукцией воюющей страны с многомиллионной армией. При этом пределы

1. Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX — начала XXI в.» (FWZM-2021-0003).

посягательства государства на крестьянский труд и его результаты не были ограничены. Тем важнее становится изучение непосредственной коммуникации власти, претендующей на тотальную мобилизацию ресурсов, и крестьянства, вынужденного так или иначе сопротивляться государственному принуждению ради собственного самосохранения и выживания. В этой связи особенный интерес представляет то, как государственная аграрная политика военных лет имплементировалась на локальном уровне.

Данная статья, написанная на материалах Новосибирской области, продолжает наметившийся в историографии вектор региональных исследований функционирования аграрной экономики в условиях Великой Отечественной войны (Андреев, Ильиних, 2020; Мотревич, 2021; Сухова, Ягов, 2022). Статья фокусируется на политике в отношении колхозного крестьянства партийных и советских органов, отвечавших на областном и районном уровнях и за общее состояние сельского хозяйства, и за выполнение директив центрального правительства.

В данном исследовании мы рассматриваем власть в качестве средства коммуникации как внутри разветвленного и многоуровневого партийно-государственного аппарата, так и в его связи с сельхозпроизводителями. Социальная коммуникация предполагает наличие целого комплекса возможностей, из которых как агент, так и контрагент может выбирать то или иное действие. Власть же, как коммуникативное средство, дает возможность тем, кто ею пользуется, оказывать влияние на выбор подчиненных перед лицом других альтернатив (Луман, 2001: 18). Однако носитель власти может и не реализовать свое намерение, если альтернатива для подчиненного окажется привлекательнее, даже несмотря на все возможные издержки.

Во взаимодействии с сельхозпроизводителями местная власть руководствовалась различными вполне конкретными намерениями, которые, не исключено, могли входить в противоречие друг с другом. В порядке обобщения выделим три основных мотива. Первый — мобилизация, под которой здесь понимаются действия по стимулированию производителей на выполнение поставленных государством задач. Второй мотив — попечение, забота об экономическом и социальном состоянии региона/района. Наконец, третий — коррупция — связан с реализацией частных, внедолжностных интересов лиц, наделенных властью.

Мобилизация

В историографии уже утвердилось мнение о том, что во время Великой Отечественной войны властные полномочия первых секретарей региональных комитетов партии усиливались при пропорционально нараставшем контроле за их деятельностью со стороны

ЦК ВКП(б) (Коновалов, 2021: 28). Состояние сельскохозяйственно-го производства было одним из главных критериев оценки результативности работы местных управленцев. Несмотря на персонализацию ответственности, ключевые решения, касавшиеся сельского хозяйства, принимались коллегиально на заседаниях бюро региональных комитетов партии. В Новосибирской области бюро обкома занималось всем комплексом аграрной политики, координируя действия множества инстанций, от облисполкома и земельного отдела до прокуратуры и НКВД. Аналогичная структура управления сложилась и в районах, где комитеты партии несли полную ответственность за общее состояние аграрного производства.

Решения обкома, которые нередко представляли собой разработанный комплекс мер во исполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), отличались высокой степенью детализации и тщательной регламентацией деятельности управленческих и хозяйственных структур. При всей доскональности изъясн централизованнх предписаний обкома заключался в практически полной слепоте к специфике районов и их обеспеченности ресурсами. Множественность и противоречивость решений лишали какой-либо возможности наладить систему проверки и контроля за их выполнением. Конвейер разработки точных и детально прописанных указаний работал на холостом ходу, наталкиваясь на отсутствие исполнения на местах. По данным областного уполномоченного Комитета партийного контроля (КПК) за 1943 год и первое полугодие 1944 года, обком издал 420 постановлений по сельскому хозяйству². Тем не менее, как указывалось в отчете, «факты свидетельствуют, что постановления обкома ВКП(б) выполняются очень медленно, далеко не полно, а нередко совсем не выполняются»³. Да и сам первый секретарь обкома М. В. Кулагин неоднократно сетовал на невнимательность к реализации распоряжений комитета партии: «Вследствие такого отсутствия контроля, здесь, на местах, будут думать, что обком партии выносит решения, а потом забывает о них; то есть мы сами воспитываем неуважение к решениям бюро обкома, что совершенно недопустимо»⁴.

Как ни странно, явный разрыв между принятием постановлений и их исполнением не приводил к кризису власти. Ш. Мерль, анализируя функции местного управления сельским хозяйством в 1930-е годы, приходит к выводу, что за фасадом многочисленных предписаний и планов, спускаемых «сверху», существовали неформальные правила, которым подчинялась реальная практика руководства колхозной деревней (Мерль, 2017: 64–65). Речь идет о том, что управленцы и производители на местах знали, какие решения

2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 85.

3. ГАО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 97.

4. ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 594. Л. 37.

вышестоящих органов требуют активного исполнения, а какие — допустимо отложить в «долгий ящик», выполнять формально или вообще не брать во внимание без существенных негативных последствий для себя.

Действительно, если проанализировать одну из форм контактов региональной и районной власти, а именно вызов первых секретарей райкомов и председателей райисполкомов на бюро обкома для обсуждения положения дел на местах, легко убедиться, что выносимые наказания (строгий выговор, лишение должности или инициирование уголовного преследования) чаще всего соотносились с провалами сева, уборки или заготовки зерновых культур. Причем главными критериями служили количественные показатели выполнения плановых заданий. Возведение в абсолют процентных величин позволяло районному руководству добиваться относительно приемлемых (в сравнении с другими районами) количественных результатов за счет ухудшения их качества и оставления без надзора целых сегментов комплекса сельскохозяйственных работ, внимание к которым притуплялось на фоне приоритетных задач.

Такое положение дел характеризует мобилизационный режим управления сельским хозяйством. Отчасти он соотносился со спецификой аграрного производства: в природно-климатических условиях Сибири сроки сева и уборки урожая были предельно сжатыми. Сельскохозяйственный сезон разбивался на ряд хозяйственно-политических кампаний, основными из которых были посевная, уборочная и заготовительная. Каждая из них имела свой собственный горизонт планирования, периоды наивысшего напряжения и спада, вследствие чего слабо соотносилась с другими. Это делало управление дискретным, придавало ему характер периодических интервенций в хозяйственные дела сельхозартелей, лишало его комплексности и непрерывности.

При проведении хозяйственно-политических кампаний обычные меры воздействия на сельхозпроизводителей дополнялись экстраординарными. Последние включали в себя массированную агитационно-пропагандистскую поддержку (освещение в СМИ, работа устных агитаторов, организация социалистического соревнования, фронтовых декадников), прямое административное вмешательство через направление специальных уполномоченных в районы и колхозы, а также проведение карательных мер по борьбе с «саботажем». Чтобы добиться нужного уровня активности колхозного крестьянства, обком и райкомы временно делегировали в деревню сотни политически мотивированных уполномоченных и агитаторов, набранных в основном из городских комсомольцев и коммунистов. Острая необходимость обращения к городскому партийному резерву для оказания давления на деревню была продиктована слабостью политического охвата сельской местности сетью первичных партийных ячеек, которая в связи с воинскими мобилизациями оказалась тем более прорежена. Попытка экстренно взрастить

новый партийный актив внутри колхозного крестьянства за счет деятельности воссозданных осенью 1941 года политотделов провалилась. Центральная власть, разочарованная результатами их работы, решила ликвидацию политотделов уже в мае 1943 года (Сухова, 2020: 818). В итоге к 1 января 1944 года на 3837 колхозов области имелось всего 66 парторганизаций⁵.

Специфика взаимодействия региональной, районной власти и колхозов заключалась в том, что неподкрепленные прямым надзором и организационным вмешательством призывы к колхозникам работать с максимальной самоотдачей в большинстве случаев наталкивались на бездействие со стороны последних. Невосприимчивость к агитации была связана, во-первых, с явно завышенными требованиями со стороны государства, а во-вторых, участие в колхозных работах не соответствовало экономическим интересам крестьянства. В официальных документах не раз проводилась связь между неполноценностью оплаты трудодня и снижением трудовой дисциплины. Так, по данным областного уполномоченного КПК в Искитимском районе, в 1942 году колхозники в среднем получали на трудодень 530 граммов хлеба и 82 копейки. Это приводило к тому, что в разгар сельскохозяйственных работ крестьяне бросали работу в колхозах и ехали в город «для реализации на рынке по спекулятивным ценам сельскохозяйственных продуктов от своего хозяйства, а также ягод, грибов, рыбы»⁶. Искитимский район был далеко не единственным, где доходы от артельных работ не покрывали минимальных потребностей населения. В 1943 году в 66% колхозов области на трудодень выдавалось меньше 500 граммов хлеба⁷. Обстоятельства требовали ужесточения надзора над колхозным крестьянством, о чем прямо говорил М. В. Кулагин на заседании бюро обкома во время уборочной кампании 1942 года: «Надо резко изменить отношение партийных организаций к вопросу участия колхозников и колхозниц на работе; надо покончить с этой слюнтявй линией уговаривания. Колхозники и колхозницы должны работать на своем участке не покладая рук»⁸.

В условиях экономического обесценивания артельного труда колхозы и колхозники составляли инертную, безынициативную, но при этом готовую к подчинению среду. Мерль в одной из своих статей пишет об «инфантилизации» сельхозпроизводителей в условиях советского аграрного строя, которые, перестав быть хозяевами собственного труда в артелях, средств и результатов производства, принимали пассивную роль. Приведение их в активность зависело от степени оказываемого властью принуждения (Мерль, 2019: 51). В этой связи трудно переоценить значимость усилий об-

5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 50б.

6. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 60об.

7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 120.

8. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 637. Л. 17б.

ластного комитета партии по временной инфильтрации в колхозную среду уполномоченных, которые должны были выступать порученцами власти и мобилизовать крестьянство на выполнение государственных заданий.

Охват сельской местности уполномоченными и агитаторами во время хозяйственно-политических кампаний был достаточно высок. Например, к началу весенней посевной кампании 1942 года обком постановлением от 14 апреля распорядился в двухдневный срок командировать в качестве уполномоченных в МТС, колхозы и совхозы работников райкомов, райисполкомов и земельных органов. Дополнительно в помощь им отправить из аппарата обкома, облисполкома и других областных организаций еще 250 человек⁹. 17 апреля для обеспечения массово-политической работы и широкого развертывания социалистического соревнования обком дал указание командировать в помощь политотделам МТС сроком на полтора месяца 1000 человек партийного и комсомольского актива из городов в качестве политруков тракторных бригад из расчета один политрук на две тракторные бригады¹⁰. Особое значение придавалось форме взаимодействия власти и колхозов. В соответствии с пятидневными заданиями, которые получали районы, до каждого колхоза и полевой бригады доводились ежедневные задания по посеву. В свою очередь, каждый колхозник, работавший на полевых работах, должен был получать ежедневные «боевые» задания по установленной форме.

В наиболее напряженные моменты аппарат обкома и облисполкома приостанавливал текущие дела и сам становился оперативной группой, выезжавшей в районы для непосредственного руководства сельхозработами. 19 мая 1942 года бюро обкома решило объявить «фронтovou декаду» завершения сева зерновых культур, провести радиосовещание с представителями районных властей, после которого секретари и заведующие отделами обкома должны были выехать на места для прямого участия в организации посевных работ¹¹. 12 июня, когда стало очевидным отставание хода кампании от плана (на указанную дату он был выполнен на 87%), работники аппарата обкома вновь разъехались по отстающим районам¹². Таким образом, текущая деятельность регионального комитета партии оказывалась временно парализована. На возникавшие в связи с этим недостатки указывал в своих донесениях в ЦК областной уполномоченный КПК: «Почти все работники аппарата, как правило, находятся уполномоченными обкома ВКП(б) в районах по 4–5 месяцев и своей работой не занимаются. От этого серьезно страдает дело. Обком ВКП(б), например, проходил мимо очень важных

9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 583. Л. 113.

10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 8.

11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 604. Л. 61.

12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 613. Л. 118.

вопросов: о положении рабочих на предприятиях, медобслуживании трудящихся, состоянии в детдомах, подготовке Томской железной дороги к зиме и т. д.»¹³.

Особенно высокой степени мобилизации требовали хлебозаготовки. Во время кампании 1944 года областной комитет партии, получив от ЦК телеграмму о неудовлетворительном ее ходе, 24 августа распорядился созвать и направить на хлебозаготовки в районы всех работников обкома, облисполкома и обкома ВЛКСМ, а также попросить командующего военным округом выделить из штаба для работы на хлебозаготовках 75 человек генералов и офицеров, направить в районы весь аппарат областного управления НКВД и НКГБ и дополнительно мобилизовать из городов 500 коммунистов¹⁴.

Бригады уполномоченных не столько должны были проверять ход выполнения колхозами централизованных указаний, сидя в райцентрах, сколько заниматься организацией работ и надзором за их выполнением, напрямую участвуя в артельных делах и фактически подменяя сельсоветы и правления колхозов. Наставляя уполномоченных, Кулагин указывал на то, что они должны находиться рядом с колхозниками на месте проведения работ. Во время косовицы хлеба — «около комбайнов, около молотилок, около жнеек, т. е. там, где работают колхозники и колхозницы»; во время хлебозаготовок — «там, где возможны случаи хищения зерна, спасать хлеб»¹⁵.

Фактически речь шла о том, что без их присутствия хлеб не будет собран, обмолочен и сдан государству. Уполномоченный обкома Протасов следующим образом докладывал о хлебозаготовках в Коченевском районе: «Так получается, что если сидит наш уполномоченный и находится сам на току, значит, он хлеб отправит, а если сам уполномоченный не стоит на току, тогда хлеб не отправляют»¹⁶. Недоверие, питаемое к колхозникам, заставляло предполагать, что любой удобный случай будет использован для расхищения урожая. Доходило до того, что во время весенней посевной кампании 1943 года обком рекомендовал для предотвращения кражи зерна перед вывозом в поле заранее протравливать семена или смешивать их с навозной жижей¹⁷.

Во время уборки, обмолота и хлебосдачи тем более требовалась высокая степень проникновения власти в дела колхозов. Во время хлебозаготовительной кампании 1943 года Кулагин ставил задачи следующим образом: «Сейчас наступает период решительного нажима на хлебозаготовки. Если мы в течение ноября хлеб не возъ-

13. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 290.

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 781. Л. 74.

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 648. Л. 93.

16. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 723. Л. 114.

17. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 692. Л. 129.

мом в связи с тем, что у нас с обмолотом дела в основном могут не кончиться, то тогда хлеба вообще не возьмем, не получим. Значит, нужно добавить коммунистов и комсомольцев. Напрашивается такое предложение: в Новосибирске и Томске из всех хозяйственных учреждений и организаций <...> забрать способных коммунистов для хлебозаготовок вчистую. Кроме того, взять определенную часть коммунистов из заводских аппаратов. Прибавить их всех к этим бригадам и тогда получится на каждый район 30–40–50 человек. Во главе такой бригады поставить областного работника. По выезде в район расстановка по колхозам и заняться только обмолотом и заготовками»¹⁸.

Конечно, столь массивное давление власти на колхозы могло иметь исключительно непродолжительный характер, узкие задачи и ограничивалось сроками посевных, уборочных и заготовительных кампаний. Создавая напряжение на короткой временной дистанции и в рамках приоритетных задач, власть оказывалась неспособной удерживать в фокусе внимания многие другие аспекты сельскохозяйственного производства. В частности, состояние общественного животноводства самим сельскохозяйственным отделом обкома характеризовалось как «беспризорное» и явно страдало как от отсутствия надзора со стороны власти, так и от незаинтересованности колхозников в его развитии (Шарапов, 2022).

Состояние войны резко повысило требования государства к трудовой и налоговой дисциплине колхозов. Однако если понимать под дисциплиной готовность без прямого принуждения исполнять запросы со стороны власти, ее состояние явно не соответствовало желаемому. Снижение доходов колхозного крестьянства от артельных работ приводило к конфликту между государственными потребностями и частными экономическими интересами сельхозпроизводителей. Реализация последних наносила ущерб экономике колхозов, принимая форму захвата артельных земель под ЛПХ, незаконного присвоения колхозной продукции, отвлечения трудовой активности от артельных работ. Распространение нежелательного для государства экономического поведения крестьянства подкреплялось слабостью проникновения власти в среду сельских производителей. Это побуждало прибегать к поголовной мобилизации не только всего партийно-государственного аппарата, но и, шире, городского партийного и комсомольского актива, тем самым временно заполняя лакуны надзора власти за колхозным крестьянством. Грандиозные и все равно недостаточные усилия власти были направлены на то, чтобы минимизировать для колхозного крестьянства возможности пренебрегать их прямыми артельными обязанностями.

18. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 48–49.

Власть на местах вынуждена была считаться с ключевым противоречием мобилизационного режима управления: реализация государственных планов (прежде всего заготовительных заданий) наносила ущерб экономике региона/района, за общее состояние которой она же и несла ответственность. В случае неблагоприятного социально-экономического положения политический Центр, никогда не признавая своих ошибок, готов был в полном объеме списывать вину на региональных руководителей (Мерль, 2017: 56). Так, в июне 1941 года за допущенное критическое положение в Новосибирской области (из-за сверхнормированных хлебозаготовок и засухи возникла острая нехватка продовольствия, семян и фуража) был заменен практически весь руководящий состав региона, включая первого секретаря обкома, председателя облисполкома и заведующего облзо (Шарапов, 2021). Вниз по вертикали власти аналогичную ответственность несли районные партийные организации перед областными.

В годы войны Центр острее, чем когда-либо, противопоставлял интересы государства («негативным») стремлениям местных властей проявлять «излишнюю» заботу об опекаемых территориях. В декабре 1942 года секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, выступая в Новосибирске перед областными и районными управленцами, ругал «местнические» настроения, мешавшие региону выполнить хлебозаготовительный план: «Нельзя забывать о грани между своими особыми интересами мест и общими интересами государства, интересами народа в целом. Для большевика интересы государства должны быть выше, чем интересы отдельных колхозов, совхозов, районов, предприятий»¹⁹. Тем не менее никто не снимал с регионалов ответственность за обеспечение вверенных в управление территорий продовольствием, фуражом, семенным материалом и за отсутствие социальных волнений и голода. Это заставляло местную власть искать возможности хотя бы частично нивелировать деструктивные последствия государственной мобилизационной политики, ими же и проводимой.

Относительное преимущество обкома перед районными властями заключалось в том, что тот имел право обращения в центральные органы с ходатайствами. Эта возможность активно использовалась: в Центр направлялись просьбы о выделении семенных, продовольственных ссуд, списании задолженностей колхозов, снижении заготовительных планов и т. д. В случае необходимости Новосибирский обком шел и на нарушение правительственных предписаний. Прежде всего это касалось формирования «рыночных» фондов хлеба, направляемых для снабжения населения области.

19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 144–145.

С. В. Шарапов
Региональная
власть
и колхозное
крестьянство
в годы Великой
Отечественной
войны: мобилиза-
ция, попечение,
коррупция
(по материалам
Новосибирской
области)

Установленный Наркоматом заготовок порядок расходования зерна на продовольственные нужды был привязан к выполнению планов вывоза хлеба из глубинных пунктов «Заготзерно» (разрешалось расходовать фиксированную часть от вывезенного). Главным образом из-за нехватки транспорта отправка зерна систематически задерживалась. По данным областного уполномоченного КПК, обком ВКП(б) не единожды в нарушение указаний Наркомзага давал распоряжения «Заготзерну» предоставлять хлеб для продовольственного снабжения безотносительно выполнения плана вывоза²⁰.

Продовольственная защищенность, обеспеченность семенами и фуражом колхозов оставалась предметом озабоченности для райкомов и райисполкомов. При этом правительство запрещало местным властям вести расчет хлебофуражных балансов, которые позволяли определять возможности хозяйств по хлебосдаче с учетом количества зерна, которое необходимо оставить в колхозах. Такого рода проявления обеспокоенности остатком хлеба в районах маркировались как «местнический», «антигосударственный» подход к управлению. Заготовительные планы должны были выполняться независимо от продовольственных потребностей колхозного крестьянства. 6 декабря 1942 года правительство запретило собирать на местах данные о фактическом намолоте урожая в колхозах. Ориентироваться следовало исключительно на утвержденные ЦСУ оценки видовой урожайности, которые были явно завышенными²¹. Несмотря на все запреты, чинимые сбору информации и ее анализу, хлебофуражные балансы в районах все равно составлялись, что не раз становилось предметом острой критики со стороны областных властей.

В ноябре 1941 года во время обсуждения на заседании бюро обкома хлебозаготовок в Усть-Таркском районе председатель облисполкома И. Т. Гришин обвинил первого секретаря райкома и председателя райисполкома в «саботаже»: «У них был составлен баланс, что хлеба нет, урожай плохой и что с государством рассчитаться, безусловно, не сможем. Они подсчитали, что дотянем процентов до 50 и на этом закончим <...>. Люди, по существу, никакой уверенности в этой работе не имеют и сами ориентируют себя на невыполнение плана»²². 5 декабря 1942 года в постановлении обкома «О неудовлетворительном ходе хлебозаготовок в колхозах и совхозах области» отмечалось, что «некоторые секретари райкомов и начальники политотделов МТС скатились на антигосударственные позиции занижения урожая, пользуясь данными так называемого «фактического намолота» и составления всякого рода балансов,

20. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 71–73об.

21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 459. Л. 34.

в целях обмана государства и задержки хлебосдачи»²³. 4 декабря того же года, обсуждая на заседании бюро обкома хлебозаготовки в Кочковском районе, первый секретарь райкома Кузнецов обвинялся Гришиным в том, что «составлял свой баланс удовлетворения нужд района, но не выполнения государственных обязательств, соблюдая интересы узкоместнического порядка, создавая благополучие для себя как руководителя района за счет интересов государства <...>. Он хотел создать в районе запасы хлеба, а это можно расценивать как предательство для родины»²⁴.

В деле выполнения хлебозаготовительных планов районные власти расценивались областным руководством как не вполне надежные. Во время совещания областных уполномоченных по хлебозаготовкам 26 декабря 1942 года при общем консенсусном мнении, что главными инициаторами сокрытия и расхищения хлеба являлись председатели колхозов, роль районных руководителей также оценивалась негативно: «На данном этапе чувствуется, что некоторые районные работники проявляют стремление задержать хлебосдачу»²⁵; «Районное руководство сейчас рассуждает так, что семенами нужно уже заниматься, семена нужно изыскивать, семян в целом ряде колхозов не хватит в соответствии с семенной площадью и поэтому невольно складывается такое настроение»²⁶; «Некоторые районные руководители до сих пор проявляют колебания и вместо тревоги и чувства ответственности некоторые из них проявляют чувство неуверенности и паники»²⁷; «С одной стороны, они думают так, что хлеб государству надо сдавать, но с другой стороны, думают — нужно обеспечить семена, нужно обеспечить снабжение эвакуированному населению, инвалидам, корм скоту и т. д. И у многих работников стоят впереди и заслоняют общегосударственные интересы эти частные интересы»²⁸.

Противоречивость сложившегося в районах положения заключалась в том, что потребности колхозов, реализация которых шла вразрез с государственными интересами, не могли не учитываться районными руководителями. М. В. Кулагин на заседании бюро обкома 22 октября 1943 года разоблачал политические ошибки районных властей: «У нас есть некоторые секретари райкомов партии, которые говорят: для того, чтобы нас не ругали весной, чтобы мы были весной опять передовиками, мы не будем сейчас сдавать хлеб, у нас и фураж будет, и семена будут и взаимобразно хлеб можем взять, пусть нас сейчас ругают, зато весной мы будем передовы-

23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 3.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 13

25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 105об.

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 108.

27. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 110об.

28. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 115об.

ми. Есть у нас такие секретари райкомов партии, так называемые «передовики»²⁹.

Райкомы и райисполкомы на языке партийного официоза про-являли «беспечность», закрывая глаза на нарушения порядка за-сыпки семенных фондов, затягивание обмолота, переавансиро-вание колхозников на трудодни и другие формы сопротивления политике тотальной мобилизации ресурсов. По словам областно-го уполномоченного наркомата заготовок Блинова, руководители районов, встречаясь с практикой сокрытия зерна от хлебосдачи под видом семенного материала, «зажмуривают глаза и проходят мимо этого вопроса, не принимают мер к изъятию хлеба»³⁰. Те же самые мотивы толкали районные власти на нарушение предписа-ний вышестоящих органов. Например, в Зырянском районе в 1941 и 1942 годах полученные в порядке ссуды семена расходовались на оплату трудодней в колхозах. Причем соответствующие распо-ряжения давал председатель районного земельного отдела (рай-зо)³¹. В Михайловском районе председатель райисполкома Степа-нов с ведома первого секретаря райкома дал указания колхозам не сдавать государству картофель и горох, а оставлять их на вну-трирайонные нужды³².

Многочисленность фактов, когда вместо должной «тревоги» и «обеспокоенности» по поводу выполнения государственных за-даний районные руководители проявляли «беспечность» и «бла-годушие», формировала карательный уклон во взаимоотношениях областной и районной власти. Кулагин, однако, оправдывал жест-кость обкома в адрес районных управленцев: «Говорят, что те, кого вызывают на бюро обкома, сразу запасаются всем необходимым и выезжают из района обязательно на длительное время. Т. е. по-явилась тенденция принимать наказание не как заслуженную кару за совершенное преступление, а как <...> какую-то определен-ную закономерность, для примера другим <...> Наказывали мы? Да, наказывали. Основания были в обкоме? Да, были, по заслу-гам наказывали и будем наказывать и дальше, причем будем, мо-жет быть, более сурово наказывать, нежели сейчас. За что? За то, что не выполняешь решений партии, за то, что не выполняешь по-ручений, которые тебе в условиях войны даны. По заслугам и мера наказания»³³.

29. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 101об.

30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 104.

31. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 5–6.

32. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 271.

33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 121об.

Коррупция

Во взаимоотношениях власти и колхозов существовала и «теневая» сторона, связанная с установлением неформальных связей, которые в одних случаях были взаимовыгодны, а в других — оборачивались выгодой лишь для стороны, облеченной властью. Речь идет о том, что районные управленцы нередко рассматривали колхозы в качестве источника для личного снабжения. По данным прокуратуры Новосибирской области, из 53 человек руководящего состава районов, привлеченных к уголовной ответственности с 1941 по 1944 год, 21 человек был осужден, как указывалось в документе, за «корыстные» преступления³⁴. Это количество распределялось по годам неравномерно: выделяется 1943 год, в течение которого предстали перед судом сразу 13 человек. Сравнительно большое количество коррупционных дел в этом году предположительно связано с инициированной постановлением ЦК ВКП(б) от 20 октября кампанией против разбазаривания общественного имущества в колхозах³⁵. Борьба с низовой коррупцией районных властей, таким образом, носила кампанейский характер, а масштабы ее вряд ли ограничиваются предъявленными прокуратурой цифрами.

Круговая порука в среде районного начальства затрудняла раскрытие такого рода дел, а в некоторых случаях в коррупционную деятельность включались и работники районных отделов НКВД. Так, например, инструктор отдела кадров обкома Глухов вскрыл в 1943 году в Кыштовском районе целую систему хищений колхозной продукции. В ней были задействованы работники НКВД, которые, как указывалось в составленной Глуховым справке, «до того обнаглели, что перестали просить, а начали у председателей колхозов просто требовать хлеб и не платить за него деньги»³⁶.

Инициатива «кормиться» с колхозов исходила от райкома партии. Первый секретарь Мухин для «улучшения питания райпарт-актива» давал распоряжения заведующему райзо Зяблицеву брать необходимое количество хлеба в колхозах. Переработанное в муку зерно затем развозилось по «особому списку», в который включались все руководящие работники. Вслед за райкомом и другие районные организации стали использовать колхозы для снабжения своих служащих. По данным Глухова, незаконное снабжение организовали райземотдел, райпотребсоюз, райфинотдел и Сергиевская МТС. Только из шести проверенных Глуховым колхозов с 1 января по 10 июня 1943 года работниками района было взято для личных нужд 5480 кг муки, пшеницы и ржи³⁷.

34. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 297.

35. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 723. Л. 64–68об.

36. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 255об.

37. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 254–256об.

С. В. Шаронов
Региональная
власть
и колхозное
крестьянство
в годы Великой
Отечественной
войны: мобилиза-
ция, попечение,
коррупция
(по материалам
Новосибирской
области)

Кыштовский райком и райисполком брали в колхозах хлеб и другие продукты для организации питания участников всевозможных совещаний и собраний, проводимых в райцентре. На эти цели в апреле 1943 года по распоряжению секретаря райкома ВКП(б) Ломакина было израсходовано 136 кг пельменей, собранных для отправки в РККА. Из этих же посылок по распоряжению Ломакина было выдано 36 кг курицы местной больницы и 97 кг пельменей детским яслям³⁸.

В ряде случаев сами председатели колхозов становились инициаторами подкупа районных управленцев. На заседании бюро обкома обсуждалась фигура председателя колхоза «За Родину» Кувшинова, который характеризовался первым секретарем обкома Кулагиним как «ловкач» и «делец»: «Он по-купечески обрабатывал там всех городских, районных и других руководящих работников. Он затягивал их, опутывал различными подарками: к праздничку посылочку, свежие овощи нужны — к вашим услугам, мясо нужно — пожалуйста, выпить хочешь — с великим удовольствием и т. д., и на его удочку попали многие руководящие работники». Дело дошло до того, что райком предложил этому колхозу выделить участок и посадить своими силами картофель исключительно для снабжения работников комитета партии и райисполкома. С колхозом в результате рассчитались деньгами, которые были распределены на трудодни. Сам же председатель колхоза, по словам Кулагина, «этим самым создал себе условия, когда его никто не мог критиковать, когда его стали расценивать как значительного человека, забывая, что на самом деле это торгаш, ловкач и что его нельзя терпеть на посту председателя колхоза»³⁹.

Незаконно изымались в колхозах не только продукты земледелия, но и животноводства и пчеловодства. Так, по данным КПК, только из колхоза им. Сталина Болотнинского района в 1943 году на личные нужды председатель сельсовета забрал 121 кг муки, 15 кг мяса и 16 кг меда, управляющий отделением Госбанка — 15,5 кг меда, начальник районного управления НКВД — 6 кг мяса и 12,7 кг меда, секретарь райкома — 30 кг мяса и 5 кг меда, уполномоченный райкома — 10 кг меда, заведующий райзо — 8 кг зерна, 2,5 кг мяса и 4,1 кг меда и т. д.⁴⁰ Председатель колхоза Бондаренко, безотказно удовлетворяя требования районных работников, в свою очередь, не забывал и о себе. В январе 1943 года, продав мед колхоза на рынке на 8 тыс. рублей, Бондаренко деньги в кассу не сдал, а израсходовал их на свои нужды⁴¹.

В феврале 1944 года в Ирменском районе по указанию первого секретаря райкома Ф. В. Елисеева был создан фонд премирования передовиков сельского хозяйства. В фонд поступило 170 тыс. руб-

38. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 255об.

39. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 68с. Л. 157об.

40. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

41. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

лей за счет продажи сена на рынке Новосибирска и 70 тыс. рублей было собрано наличными с колхозов. Для укрытия от ревизий часть этой суммы была вложена в сберкассу на имя заведующего и главного бухгалтера райзо. Остальные деньги хранились «на руках». Как выяснилось, 83 тыс. рублей были «растрчены и расхищены», в том числе на приобретение «предметов роскоши» для районных управленцев. Лично Елисеев за счет этих средств приобрел ручные часы стоимостью 2250 руб.⁴² Региональные власти, рассматривая колхозное имущество в качестве источника снабжения, фактически потворствовали такому же отношению со стороны председателей артелей и самих колхозников. Помимо прямых хищений, колхозы иногда сдавали в аренду свои земли городским предприятиям и организациям в обмен на разного рода товары⁴³.

Заключение

Как показало исследование, проводимость централизованных решений в системе управления не была абсолютной. Управленцы областного и районного уровней при выборе своих действий могли руководствоваться не только мотивом выполнения распоряжений вышестоящих инстанций, но и потребностями вверенной им в управление территории или в конечном счете своими личными. Водораздел, разделявший государственные обязанности и частные интересы для колхозов, в политическом дискурсе военного времени был актуализирован и для управленческого звена. Однако к порицаемой сфере частного интереса стало относиться и то, что в нормальной ситуации должно было включаться в должностные обязанности региональных и районных властей — забота о социально-экономическом положении населения. Ее реализация зачастую уходила в «тень», принимая формы негласных и неформальных действий и соглашений.

Центральная же власть, пытаясь блокировать отклонения в действиях местных управленцев, требовала от них быть проводниками исключительно государственных интересов. Мобилизация труда колхозного крестьянства и его продуктов становилась основной задачей, над которой работал весь партийно-государственный аппарат региона. Высокая степень загруженности местных властей аграрной повесткой была связана с тем, что реализация мобилизационных задач наталкивалась на вполне ощутимое сопротивление «снизу». Пассивность колхозов должна была компенсироваться сверхактивностью управленческого звена, что создавало издержки для других направлений деятельности. Основным средством добиться должного напряжения в работе сельхозартелей являлось усиление надзор-

42. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 798. Л. 210б.

43. ГАНУ. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 45–50об.

ного присутствия в сельской местности порученцев власти. Создать его, однако, оказывалось возможным лишь на ограниченный отрезок времени и в рамках реализации узких приоритетных задач. Фактически использовались наиболее примитивные методы давления, граничащие с прямым физическим принуждением. Война оправдывала такой формат взаимоотношений власти и деревни, однако в долгосрочной перспективе сохранение планово-мобилизационного стиля управления лишало сельскохозяйственную отрасль возможностей идти по пути развития, который открывался через согласование интересов и содействие государства сельхозпроизводителям.

Библиография

- Андреев С. Н., Ильиных В. А. (2020). Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 4. С. 5–12.
- Коновалов А. Б. (2021). Аппарат ЦК ВКП(б) и региональное партийное руководство в годы Великой Отечественной войны: специфика мобилизационной системы взаимоотношений // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина. С. 15–28.
- Луман Н. (2001). Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис.
- Мерль Ш. (2017). Формы местного управления в советской деревне накануне Великой Отечественной войны: критерии эффективности и коммуникативные практики предотвращения крестьянских бунтов // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 53–76.
- Мерль Ш. (2019). Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 45–69.
- Мотревич В. П. (2021). Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт.
- Сухова О. А. (2020). Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 810–823.
- Сухова О. А., Ягов О. В. (2022). Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (61). С. 154–166.
- Шарапов С. В. (2021). Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 1. С. 81–88.
- Шарапов С. В. (2022). Животноводство Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. № 4 (24). С. 135–147.

Regional authorities and collective-farm peasantry during the Great Patriotic War: Mobilization, care, corruption (based on the data from the Novosibirsk Region)

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. On the example of the Novosibirsk Region, the author considers the features of the interaction of local authorities and collective farms during the war. The contradiction, which regional and district authorities faced, was that the total mobilization of resources by the central authorities threatened the local social-economic situation. Therefore, the decisions and actions of the local authorities became contradictory as they had to compensate for the damage caused by their efforts to seize agricultural products from collective farms. Moreover, there were corrupt motives as very common for the relations between the authorities and collective farms. In most cases, collective-farm peasants responded to the obviously excessive state demands by inaction, which forced the local authorities to show additional efforts in order to make agricultural producers fulfill the state requirements. The complexity of the agrarian agenda diverted the attention of the party and governing bodies. However, the state activities were still insufficient to keep the collective farm production under constant control.

Key words: agrarian policy of the Soviet state, Great Patriotic War, collective farms, mobilization, trusteeship, corruption

References

- Andreenkov S. N., Il'inykh V. A. (2020) Selskoe khozyaystvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaya struktura [Agriculture in Siberia in 1941–1945: Dynamics and organization-production structure]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no 4, pp. 5–12.
- Konovalov A. B. (2021) Apparat TsK VKP(b) i regionalnoe partiynoe rukovodstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: spetsifika mobilizatsionnoy sistemy vzaimootnosheniya [Apparatus of the Central Committee of the CPSU(b) and regional party leadership during the Great Patriotic War: Features of the mobilization system of relations]. *Puti k Pobede. Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentsky tsentr B. N. Eltsina, pp. 15–28.
- Luhmann N. (2001) *Vlast* [Power], Moscow: Praksis.
- Merl S. (2017) Formy mestnogo upravleniya v sovetskoj derevne nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: kriterii effektivnosti i kommunikativnye praktiki predotvrashcheniya krestyanskih buntov [The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 53–76.
- Merl S. (2019) Pereotsenka rezultatov sovetskoj selskokhozyaystvennoy politiki v svete segodnyashnih uspekhov [Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Motrevich V. P. (2021) *Vklad v Pobedu: selskoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War], Ekaterinburg: Alfa Print.
- Sukhova O. A. (2020) Kolkhozy v praktike gosudarstvenno-politicheskogo upravleniya v SSSR na nachalnom etape Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [Collective farms in the state-political management of the USSR at the initial stage of the Great Patriotic War, 1941–1945]. *Vestnik arkhivista*, no 3, pp. 810–823.
- Sukhova O. A., Yagov O. V. (2022) Problemy agrarnogo razvitiya Penzenskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Issues of the agrarian development in the Penza Region during the Great Patriotic War]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhsky region. Gumanitarnye nauki*, no 1, pp. 154–166.

- Sharapov S. V. (2021) Selskoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: ekonomichesky i sotsialno-politichesky aspekty [Agriculture of the Novosibirsk and Altai Region on the eve of the Great Patriotic War: Economic and social-political aspects]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 28, no 1, pp. 81–88.
- Sharapov S. V. (2022) Zhivotnovodstvo Novosibirskoy oblasti v kontekste agrarnoy politiki gosudarstva nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Animal husbandry of the Novosibirsk Region under the state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War]. *Istorichesky kurier*, no 4, pp. 135–147.

Географический подход к классификации локальных сельских территорий (на примере Торжокского района Тверской области)¹

А. А. Смирнова, И. П. Смирнов, А. А. Ткаченко

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, д. 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.aa@tversu.ru

Илья Петрович Смирнов, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, д. 3, корп. 2. E-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Александр Андреевич Ткаченко, доктор географических наук, профессор факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, д. 3, корп. 2. E-mail: at_tver@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает цикл работ, посвященных упорядочиванию представлений о географическом разнообразии сельской местности. В предыдущей публикации (Ткаченко и др., 2021) был изложен опыт классификации сельских районов Тверской области. В данной работе была поставлена задача провести классификацию более дробных, чем низовые районы, сельских территорий. В качестве дополнительной задачи рассматривался вопрос о соответствии (согласованности) классификаций, выполненных на смежных территориальных уровнях. Понимание сельской местности, которого придерживаются авторы, изложено в упомянутой статье. В качестве полигона для исследования выбран Торжокский район, который в предыдущей работе был отнесен к самому благополучному классу районов Тверской области — прикаркасным, сельскохозяйственным с развитой сетью сельского расселения. С использованием тех же, что и в предыдущем исследовании, характеристик были рассмотрены 22 локальных сельских территории (ЛСТ), соответствующие муниципальным сельским поселениям, существовавшим в районе до 2017 года. Полученная классификация ЛСТ включает 11 вариантов, шесть из которых насчитывают всего по одному представителю. Группировка ЛСТ по степени соответствия значениям признаков, характеризующих Торжокский район в целом, показала, что общий портрет района формируется благодаря небольшому числу локальных территорий, образующих пространственное и смысловое ядро района. Лишь три расположенных вокруг районного центра ЛСТ в полной мере отвечают характеристикам района. На периферии располагаются территории либо с низкой степенью соответствия, либо вообще без совпадения значений рассматриваемых характеристик. Сопоставление результатов классификаций низовых районов и ЛСТ наглядно продемонстрировало роль генерализации при изучении пространственных различий сельской местности.

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 27-17-00112.

Ключевые слова: сельская местность, локальные сельские территории, каркасность, функции территории, сельское расселение, рекреационный потенциал, Тверская область, Торжокский район

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-85-103

При рассмотрении территории в административных границах неизбежно происходит упрощение объекта исследования: вся территория, попадающая в пределы административно-территориальной единицы, мыслится как однородный объект, чего в действительности быть не может. Исходя из этого, в работе (Ткаченко и др., 2021) был сконструирован паллиативный объект — «сельский район», представляющий собой пространственно не расчлененное, условно однородное территориальное образование в границах муниципальных районов или муниципальных округов, созданное взамен районов в их границах. Параметры «сельского района» отражают некоторое обобщение свойств сельских местностей в пределах низового района. Речь, конечно, идет не о нахождении каких-то средних значений, а о выделении наиболее существенных свойств, характеризующих сельскую составляющую района или округа.

Использование конструкта «сельский район» позволило провести классификацию муниципальных районов и округов по основным характеристикам их сельской составляющей. Для классификации были выбраны признаки, являющиеся, на наш взгляд, ключевыми — каркасность территории, ее функции, развитость сельского расселения. Также был рассмотрен рекреационный потенциал районов.

Несмотря на то что классификация проводилась экспертным путем, каждый задействованный фактор может быть выражен количественно. Каркасность определяется наличием пересекающих район транспортных магистралей, а также близостью к крупным центрам. Выводы о функциях базировались на информации о наличии в районе крупных сельскохозяйственных предприятий или объектов, связанных с иными видами деятельности (главным образом заготовкой леса и обработкой древесины). Ключевыми параметрами сельского расселения были густота сети пунктов и наличие крупных сельских центров в районе

В последние годы в работах по сельской тематике получил довольно широкое распространение новый термин — «сельские территории», заимствованный из нормативных документов (Комплексное развитие сельских территорий, 2019). И в научных публикациях (например, Наумов и др., 2019; Сельские территории..., 2019), и в нормативных документах, как правило, неявно ставится знак равенства между сельской местностью и сельской территорией. На наш взгляд, между ними существует определенное смысловое

различие. Термин «сельская территория», как нам представляется, выполняет ту же роль, что и наш «сельский район», с той разницей, что он может использоваться применительно к территориям разного административного статуса, тогда как «сельский район» привязан к одному уровню — муниципальным районам или подобным им территориальным единицам. Обοими терминами обозначается сельская составляющая некоторой территории, рассматриваемой в официальных границах. В отличие от них, сельская местность есть реальная часть земной поверхности, существующая в собственных границах. Нам представляется необходимым различать «сельские территории» и «сельскую местность». Однако в научной литературе подобное разделение проводится довольно редко, и широко распространено отождествление сельских территорий с сельскими местностями.

В данной работе была поставлена задача провести классификацию более дробных, чем низовые районы, сельских территорий. В качестве дополнительной задачи рассматривался вопрос о соответствии, или согласованности, классификаций, выполненных на смежных территориальных уровнях. Понимание сельской местности, которого придерживаются авторы, изложено в упомянутой выше статье.

Выбранный для рассмотрения в рамках данного исследования Торжокский район, согласно классификации, относится к самому «благополучному» классу сельских районов — прикаркасным, сельскохозяйственным, с развитой сетью расселения. Этот район — один из сохранивших свой районный статус и муниципальное устройство в форме сельских поселений (СП). Однако последние не избежали укрупнения, и в настоящее время в районе с площадью более 3 тысяч квадратных километров существуют всего 14 СП. В связи с этим было решено использовать в работе прежнюю сетку, включавшую 22 СП. «Бывшие сельские поселения» — слишком сложная для восприятия конструкция, поэтому для обозначения этой территориальной единицы используется термин «локальная сельская территория» (далее — ЛСТ). Нам представляется, что этот термин применим не только к действующим, но и упраздненным административно-территориальным образованиям, а также и к не имеющим официального статуса территориям, характеризующимся внутренним единством и обладающим определенными границами.

Обращение к более дробным территориальным единицам сопровождается переходом к более крупному масштабу исследования, что требует подробного и разностороннего рассмотрения территории. Но поскольку в данном случае была поставлена задача сопоставить результаты, полученные на двух территориальных уровнях, при классификации ЛСТ Торжокского района использованы те же признаки, что и на более высоком уровне, при классификации сельских районов Тверской области

(основные — каркасность, функции территории и развитость сельского расселения, дополнительный — рекреационный потенциал). На внутрирайонном уровне приобретает значимость институциональный (управленческий) фактор — наличие или отсутствие в пределах территориальной единицы местной администрации, что рассматривалось как еще один дополнительный признак, дифференцирующий массив ЛСТ.

Как и при работе с сельскими районами, классификация ЛСТ проводилась поэтапно. Сначала 22 территории были сгруппированы по признаку каркасности (рис. 1). Представленность прикаркасных, срединных и глубинных территорий оказалась почти равной (7, 8 и 7 случаев). К прикаркасным отнесены территории, по которым проходят федеральные трассы М10 и М11, а также расположенные в пригороде Торжка. Последний находится на автомагистрали Москва — Санкт-Петербург и является значимым транспортным узлом межрайонного значения. Он соединен 30-километровой железнодорожной линией с магистралью Москва — Санкт-Петербург. От него расходятся автомобильные и железные дороги, ведущие в Кувшиново и Осташков, Старицу и Ржев. К прикаркасным отнесены семь ЛСТ, четыре из которых — пригородные, одна — притрассовая, а две (Мирновское и Будовское СП) сочетают в себе оба этих признака. Критериями отнесения к срединным стало наличие региональных автотрасс и линий железных дорог, в отдельных случаях играло роль соседство с прикаркасными территориями. Срединные ЛСТ расположены по всем направлениям от Торжка. Глубинные ЛСТ имеют наихудшую транспортную доступность. Они располагаются на периферии района и вдали от крупных центров.

По функциональному типу (рис. 2) рассматриваемые территориальные единицы разделены на сельскохозяйственные (9 ЛСТ), несельскохозяйственные (4) и без выраженных функций (9).

Как и все Нечерноземье, Торжокский район претерпел значительное сокращение посевных площадей. Если в 1960 году засеивались разными сельскохозяйственными культурами 62,5 тыс. га, то в настоящее время — чуть больше 28 тыс. га. При этом значительную часть посевов составляют многолетние травы, а к уборке на 2022 год были запланированы лишь 4 тыс. га.

Такое сокращение сельскохозяйственной деятельности привело к сильной дифференциации территории района по показателям агропроизводства. В группировке ЛСТ по функциям к сельскохозяйственным отнесены те, где есть предприятия или фермеры с достаточно большим (более 100 голов) поголовьем крупного рогатого скота и/или со значительной площадью (более 100 га) обрабатываемых земель.

А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов,
А. А. Ткаченко
Географический
подход
к классификации
локальных
сельских
территорий

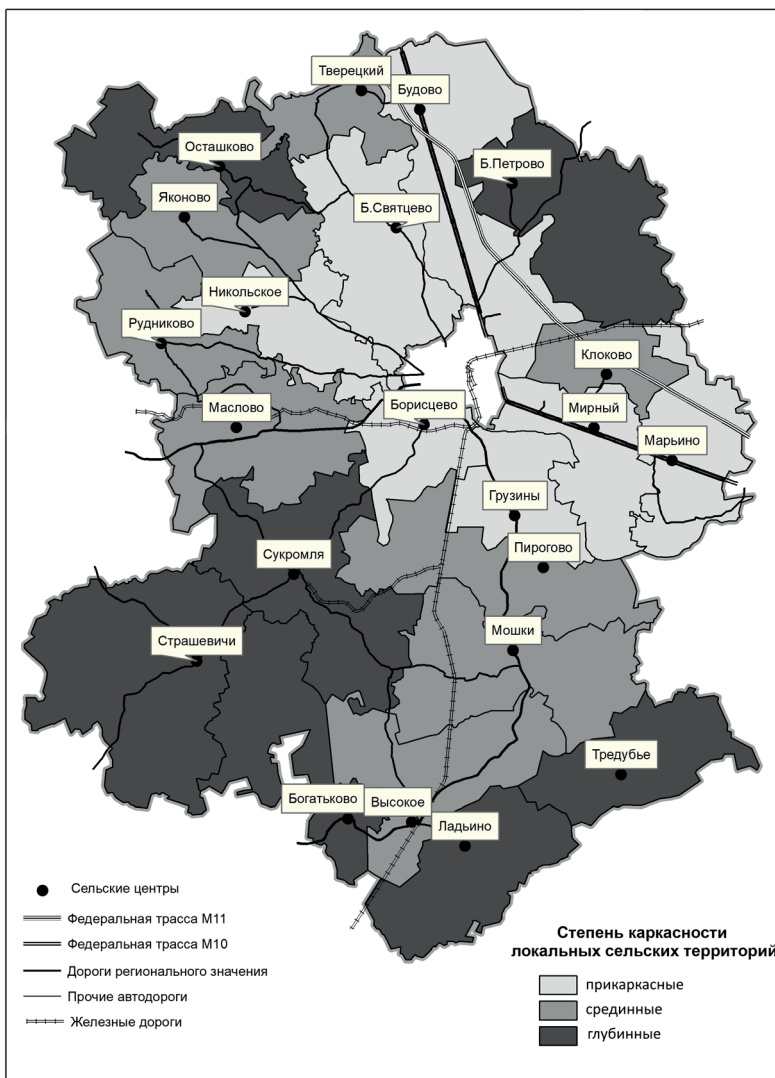

Рис. 1. Каркасность локальных сельских территорий Торжокского района

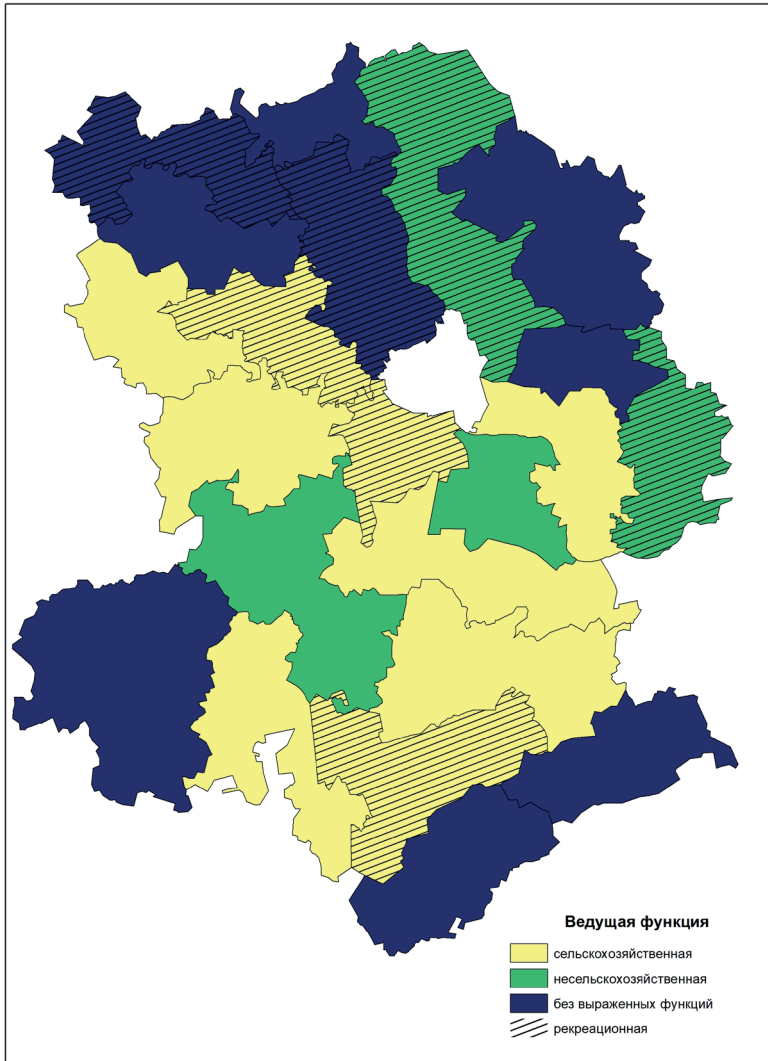

Рис. 2. Ведущие функции локальных сельских территорий Торжокского района

Лидер сельскохозяйственного производства в Торжокском районе — колхоз «Мир», который имеет около 3,5 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения и более 2 тыс. голов крупного рогатого скота. Обработываемые поля, расположенные по сторонам федеральной трассы Москва — Санкт-Петербург (М10) на подъезде к Торжку со стороны Москвы, и специальный путепровод для перегона скота через магистраль формируют приятную взору картину сельской местности с функционирующим аграрным производством. Именно колхоз «Мирный», сохранивший

большие по современным меркам масштабы производства, главным образом и обусловил отнесение всего района к числу сельскохозяйственных.

Вторым в районе по поголовью крупного рогатого скота (500 голов) является ЗАО «Глухово» в Высоковском СП, остальные сельскохозяйственные предприятия имеют существенно меньшие размеры. Среди 24 зарегистрированных фермеров 11 содержат крупный рогатый скот, но только у двоих стадо насчитывает более 100 голов. Один из этих фермеров ведет деятельность в д. Селихово Масловского СП, что и позволило отнести эту территорию к сельскохозяйственным, несмотря на упадок колхоза «Россия».

Важно отметить, что в незначительных масштабах сельскохозяйственная деятельность ведется и на территориях с другими ведущими функциями, а также там, где нет хорошо выраженных функций. В отдельных СНП могут быть и небольшие фермерские хозяйства, и другие объекты (хозяйственные, социальные, историко-культурные), но их значение невелико.

В группе несельскохозяйственных выделяются две примагистральные ЛСТ с центрами в Марьино и Будово, в которых развиты притрассовые комплексы обслуживания. На территории Сукромленского СП в советский период был создан песчано-гравийный карьер, который, пусть и в меньшем объеме, функционирует и в настоящее время. Для Грузинского поселения ведущей выступает социальная функция, связанная с работой крупного психоневрологического интерната, где, по данным 2016 года, на стационарном лечении находилось более 300 человек. Значимые социальные объекты расположены также в Рудниковском (с. Таложня) и Мошковском (д. Мошки) поселениях, однако первостепенное значение там все же имеет сельскохозяйственная функция территории. В Мошках сохранился колхоз «9 января», в д. Перцово Рудниковского СП действует предприятие, занимающееся выращиванием льна на площади около 400 га.

Лён для Торжокского района — традиционная культура, однако, как и в других льноводческих районах Тверской области (Бежецком, Старицком и др.), здесь произошел существенный спад производства, связанный не только с распадом колхозно-совхозной системы, но и с изменениями в технологиях и сокращением сфер применения продукции льноводства. В настоящее время посевы льна есть только в четырех хозяйствах Торжокского района с суммарной площадью около 650 га. В 1960 году подо льном находилась территория в 7,7 тыс. га. О былой значимости льноводства свидетельствует тот факт, что в 1930 году в Торжке был создан Всероссийский институт льна (ВНИИ льна), продолжающий свою деятельность как обособленное подразделение Федерального научного центра лубяных

*А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов,
А. А. Ткаченко*
Географический
подход
к классификации
локальных
сельских
территорий

культур². Опытно-производственное хозяйство этого института, располагавшееся в п. Славный, не работает, но часть полей обрабатывается силами местного фермера.

Как и при классификации районов, третьим рассматриваемым признаком была развитость сети расселения. Традиционная для Нечерноземья мелкоконтурность угодий предопределила и мелкоселенность, присущую как всей Тверской области, так и Торжокскому району³. Средний размер СНП здесь — 49 чел. (при среднеобластном значении в 40 чел.), плотность сельского населения — 7 чел./км² (при среднем по области 3,5). Чуть лучшие, чем в среднем по области, характеристики сельского расселения района обусловлены его экономико-географическим положением. Район принадлежит к самой освоенной и заселенной части области — «тверскому треугольнику» (Ткаченко и др., 2021). Торжокский район относится к одному из ареалов сплошного заселения (так называемый Торжокско-Старицкий старопахотный район), который сформировался благодаря природным особенностям, в первую очередь почвенным условиям — распространению наиболее пригодных для выращивания льна пылеватых лессовидных суглинистых почв. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Торжокском районе насчитывалось 53 СНП без населения, что составляло около 12% от их списочного числа (по области в целом — 23%). За период между переписями 1979 и 2010 годов постоянное население утратили 63 пункта, или 13% (по области — 33%). На динамику сельского населения и сохранение сети СНП влияют близость к Тверской агломерации и хорошая транспортная доступность территории.

В отличие от районного уровня, где сильна дифференциация в сети СНП и различия видны невооруженным взглядом, для локальных сельских территорий потребовалось введение специальных параметров для оценки расселения. Были выбраны два показателя — численность населения центра ЛСТ (действующего или бывшего СП) и средняя людность остальных СНП. На основе этих признаков ЛСТ были объединены в три группы по развитости расселения: развитые, переходные и неразвитые, в которых насчитывается, соответственно, 8, 6 и 8 территорий (таб.).

2. <https://fncl.ru/company/struktura-instituta/institut-lna/>

3. Мелкоселенность, вероятно, связана и с преобладанием в прошлом мелкопоместных дворян. В XIX веке в Тверской губернии шутили: «Когда черт сеял помещиков, в Новоторжском уезде у него прорвалось лукошко» (Кривоное, 2001: 24–25).

Таблица. Группировка локальных сельских территорий по развитости расселения

Центр, людность, чел.	Средняя людность остальных СНП, чел.			Всего
	Высокая (более 40)	Средняя (21–40)	Малая (20 и менее)	
Крупный (более 400)	3	3	1	7
Средний (201–400)	2	4	3	9
Малый (200 и менее)	1	2	3	6
Всего	6	9	7	22

Примечание: жирным шрифтом отмечены варианты с развитой сетью СНП, обычным — с переходной, курсивом — с неразвитой.

Не все ЛСТ с развитым расселением располагаются вдоль федеральной магистрали, хотя именно транспортные условия в Тверской области являются определяющими в трансформации сети СНП (Кузнецова, 2011). Высокую оценку развитости расселения получили исторически более освоенные и благоприятные в сельскохозяйственном отношении территории, расположенные южнее Торжка в направлении Старицы (рис. 3).

Интересен пример Масловского сельского поселения. Высокие показатели сети СНП объясняются предшествующим развитием: в советское время здесь функционировал большой колхоз «Россия», много средств было вложено в строительство жилья и инфраструктуры не только на центральной усадьбе, но и в окрестных деревнях. Это не остановило отток жителей (за период с 1979 по 1989 год численность населения, проживавшего на территории, уменьшилась на 20%), но позволило сохранить жизнеспособный центр. Свою роль играют близость к Торжку и прохождение по территории региональной дороги на Осташков. Сохранению сети СНП способствует и река Осуга, вдоль которой расположены популярные у дачников живописные деревни. Подобно многим представителям колхозно-совхозной системы, колхоз «Россия» не пережил смену социально-экономических укладов и в настоящее время существует лишь номинально.

В качестве дополнительной характеристики ЛСТ рассматривался туристско-рекреационный потенциал. При классификации сельских районов Торжокский район не был отнесен к числу обладающих выраженным рекреационным потенциалом, так как по сравнению с другими районами он не имеет крупных природных аттракторов (как Осташковский и Конаковский районы), здесь не сильно развита сфера сельского туризма (как, например, в Старицком). Но на внутрирайонном уровне вполне очевидны различия в распространении дачной рекреации, мест размещения туристов, различных интересных для посещения объектов. В частности, приобретают значимость многие историко-культурные объекты, в том числе и не используемые в настоящее время.

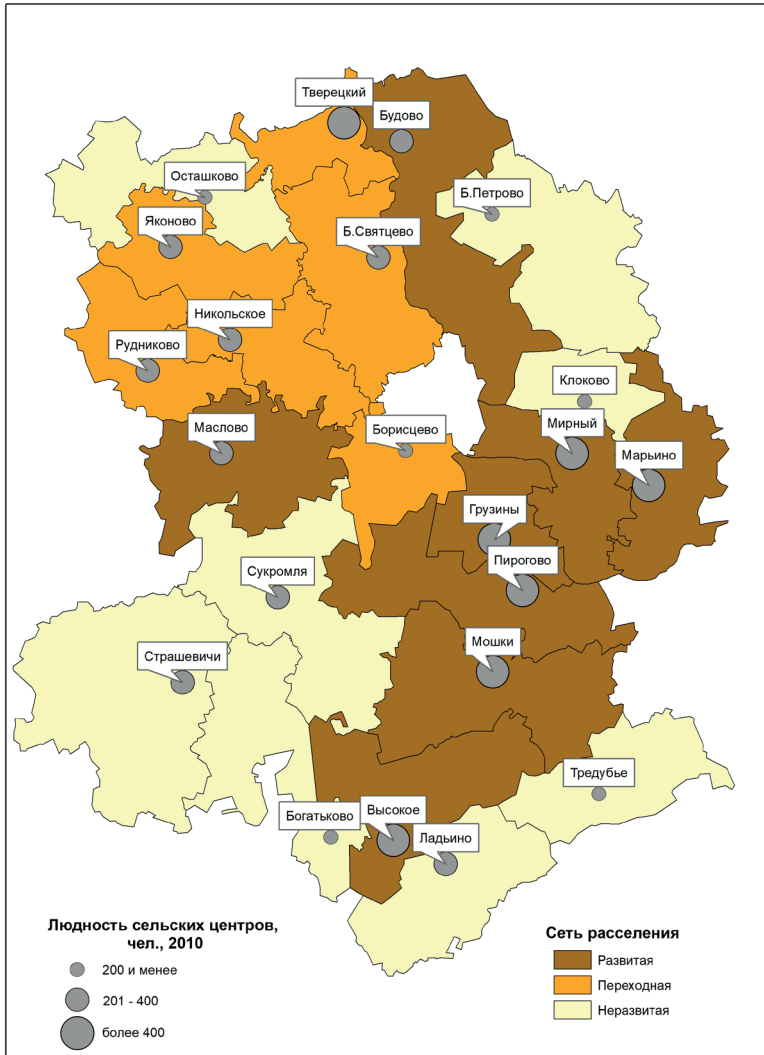

Рис. 3. Развитие расселения в пределах локальных сельских территорий Торжокского района

Выраженная рекреационная функция отмечена на восьми территориях. Туристско-рекреационный потенциал Торжокского района в первую очередь включает усадебные комплексы разной степени сохранности. Самые известные принадлежат к архитектурному наследию Н. А. Львова. Прежде всего это легко узнаваемая по круговой колоннаде усадьба Знаменское-Раек (Марьинское СП), расположенная недалеко от трассы М10, а также родовая усадьба самого Н. А. Львова в Никольском (одноименное СП), где внимание туристов традиционно привлекает погреб в виде пирамиды и церковь-ротонда.

В Будовском поселении главным туристским объектом является деревня Митино с одноименным санаторием, на территории которого сохранились постройки усадьбы, принадлежавшей одному из родственников Львова. Вместе с соседней Прутней, где находится могила А. П. Керн, Митино входит в известный в Тверской области туристический маршрут «Пушкинское кольцо Верхневолжья», включающий места, связанные с именем А. С. Пушкина. Таковы и Грузины, бывшее родовое имение Полторацких, которое в начале XIX века относилось к числу крупнейших и богатейших усадебных комплексов Тверской губернии. В настоящее время усадьба в запустении, господский дом и примыкающие к нему флигели — в руинах, однако культурная значимость этого места позволяет отнести Грузинское СП к числу рекреационных ЛСТ. Еще один усадебный комплекс, с впечатляющим арочным валунным мостом, располагается в Большесвятцовском СП — на территории музея деревянного зодчества «Василево». В Торжокском районе есть и другие объекты культурно-исторического наследия, здесь названы лишь самые известные и посещаемые. Восстановление усадебных комплексов в Никольском и Райке представляется значимым для всего Тверского региона (Рысенкова, 2020: 134).

Другой критерий рекреационной функции поселения — наличие средств размещения, которые часто сопровождают различные объекты сельского туризма. В Высоковском СП располагается экоферма «Еникеево» с контактным зоопарком, конными прогулками и дегустацией сыра. При ферме имеются номера для проживания. В Большесвятцовском СП в д. Быльцыно в 2021 году открылся гостиничный комплекс «Амбар» с мини-фермой. В соседней деревне Восцы уже больше 10 лет функционирует гостевой дом «Благодать», в пригороде Торжка, в деревне Дубровка Борисцевского СП, находится необычный гостиничный комплекс «Ферма Хоббитоф», стилистически повторяющая известный «Хоббитон» в Новой Зеландии.

Причиной отнесения Осташковского СП к рекреационным стал человеческий фактор. Там нет ни гостиниц или баз отдыха, ни широко известных природных или культурных объектов. Но благодаря инициативным жителям созданы две некоммерческие

организации: «Культура Поведского Поречья» и «Культурные тропы Новоторжской земли». Грантовая поддержка этих организаций позволяет местным активистам проводить различные краеведческие мероприятия (чтения, праздники) с целью привлечения внимания к своей территории. Эта своеобразная реклама деревень, располагающихся вдоль реки Повесть, нацелена главным образом на дачников, рассматривающих варианты покупки домов.

Большесвятцовское СП выделяется среди пригородных территорий невыраженными функциями. Это можно объяснить отсутствием асфальтированной дороги, ведущей в центр поселения, и, как следствие, слабой связанностью с Торжком. При этом СП обладает значимыми рекреационными ресурсами, уже упомянутые объекты (архитектурно-этнографический музей с усадебным комплексом, гостевые дома и экоферма) вместе с дачными местами по берегу Тверцы формируют «портрет» этой территории.

Институциональный аспект существования сельских территорий был рассмотрен в связи с упразднением части сельских поселений и, как следствие, потерей статуса их центрами. До вступления в силу 131-ФЗ и последовавшей за ним реформы местного самоуправления, в Торжокском районе насчитывалось 32 сельских округа, пришедших на смену сельсоветам советского времени. Согласно закону Тверской области № 49-ЗО от 28.02.2005, в Торжокском районе были организованы 22 сельских поселения, которые и рассматривались в данном исследовании. Эта сетка пережила вторую волну преобразований муниципального устройства Тверской области, начавшуюся в 2010 году (Смирнова, 2020). Современные границы укрупненных 14 поселений установлены в 2017 году. В целом современные СП — достаточно искусственные образования, их объединение зачастую не поддается логике пространства. Происходящие трансформации можно считать отражением управленческого видения путей развития территории. Хорошо известно, что утрата статуса центра сказывается не только на самом центре, но и на всей тяготеющей к нему территории. Поскольку в задачи данного исследования не входит анализ изменений муниципального устройства, и прежде всего их логичности и обоснованности, ограничимся рассмотрением этих изменений как еще одного фактора дифференциации сельских территорий.

На основании описанных изменений муниципального деления 22 рассматриваемые нами ЛСТ могут быть разделены на три группы:

- территории, названные нами «опорными», к СП которых были присоединены упраздненные СП (6 ЛСТ);
- территории, СП которых избежали преобразований и остались в прежних границах (8 ЛСТ);
- территории упраздненных и присоединенных к другим СП (8 ЛСТ).

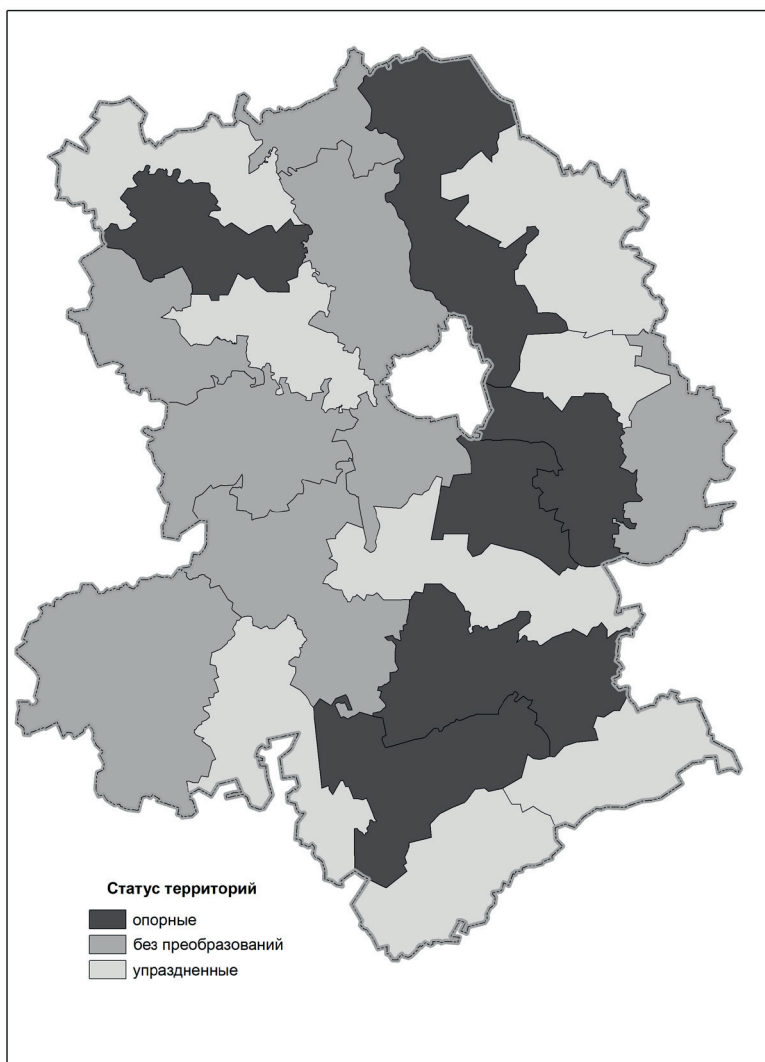

Рис. 4. Институциональный статус локальных сельских территорий Торжокского района

Категория опорных территорий особенно интересна. К ним отнесены два примагистральных СП (Мирновское и Будовское), пригородное Грузинское, Мошковское и Высоковское, расположенные в освоенной части района к югу от Торжка, и Яконовское — в слабо освоенной части, на северо-западе (рис. 4).

Упраздненные СП очень разнородны по своему составу. Среди них есть по одному прикаркасное (Никольское) и срединному

(Пироговское) СП, которые отличаются от остальных более развитой сетью СНП и наличием достаточно крупных сельскохозяйственных производителей. Богатковское — единственное из расположенных на периферии ликвидированных СП имеет выраженную сельскохозяйственную функцию. Здесь сохранился колхоз, кроме того, работает компания «Северный лен — Старица» из соседнего Старицкого района.

Изменение статуса довольно тесно связано с рассматриваемыми характеристиками ЛСТ, которые, видимо, можно считать факторами преобразований. Наиболее тесная связь прослеживается с развитостью расселения, в первую очередь, конечно, с размером центра. Из 8 СП с развитой сетью СНП 5 стали опорными и только одно было упразднено. А из 8 СП с неразвитым расселением 6 упразднены и 2 сохранили статус, не став опорными. Из 7 прикаркасных упразднено только одно, а из 7 глубинных — 5, причем ни одно не стало опорным. Слабее всего выражена зависимость изменения статуса от функций территории, но и здесь определенная связь-тенденция вполне очевидна. Из девяти СП без выраженных функций упразднены пять и только одно стало опорным. Среди несельскохозяйственных не оказалось ни одного упраздненного СП.

Итоговая картина классификации ЛСТ Торжокского района по сочетанию трех главных признаков — каркасности, функций и расселения — включает 11 вариантов, или классов (рис. 5). Шесть классов насчитывают по одной ЛСТ. Самым многочисленным (5 ЛСТ) оказался наименее благополучный класс — глубинные территории без выраженных функций и с неразвитой сетью СНП. На втором месте — сравнительно благополучный класс — срединные сельскохозяйственные территории с развитой сетью СНП (4 ЛСТ). Если к числу «классообразующих» признаков добавить рекреацию, число вариантов возрастает до 13. При этом 8 вариантов будут иметь по одному представителю.

Как видно, полученная картина весьма неоднородна, даже пестра. Степень сходства отдельной локальной территории с районом в целом оценивалась по количеству общих черт. Высокая степень подобиya отмечалась у тех территорий, где совпали все три признака, средняя — любые два, низкая — один. Выделены также СП, не имеющие ни одной из характеристик, присутствующих району. В целях корректного сопоставления «переходный» вариант по степени развитости сети СНП был присоединен к числу «развитых». Рекреационный потенциал, рассматриваемый в качестве дополнительного свойства территории, при итоговой оценке соответствия локальных и районных черт не учитывался. Напомним, что Торжокский район на региональном фоне отнесен к прикаркасным сельскохозяйственным районам с развитой сетью СНП.

А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов,
А. А. Ткаченко
Географический
подход
к классификации
локальных
сельских
территорий

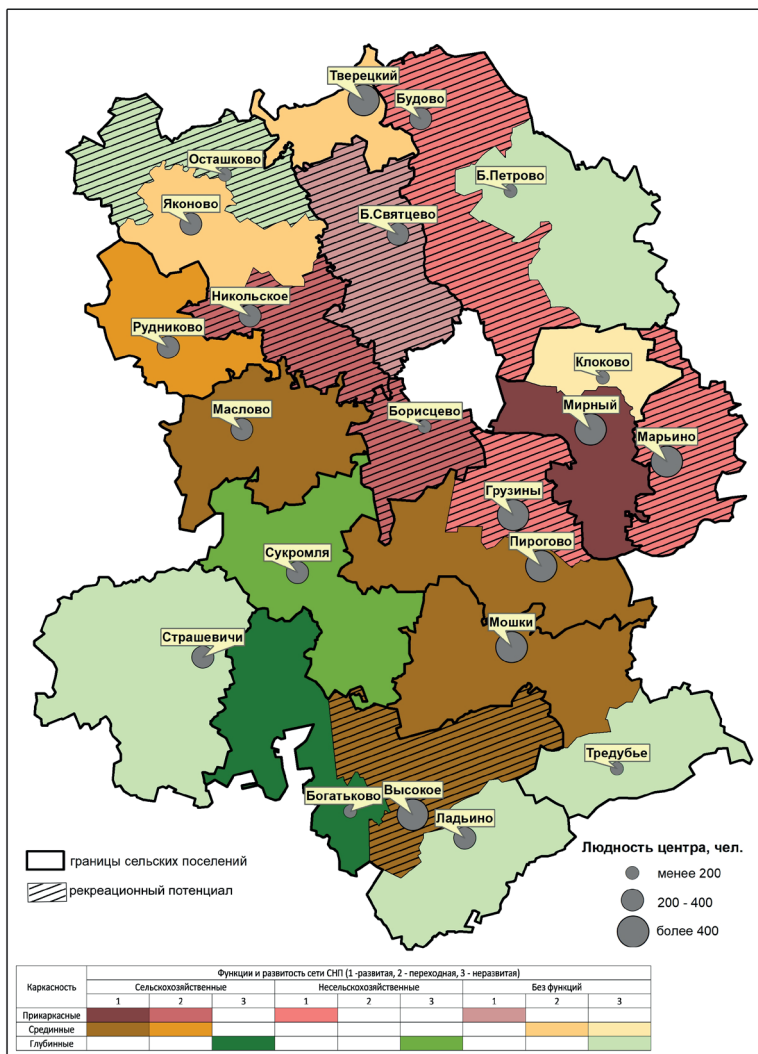

Рис. 5. Интегральная группировка локальных сельских территорий Торжокского района

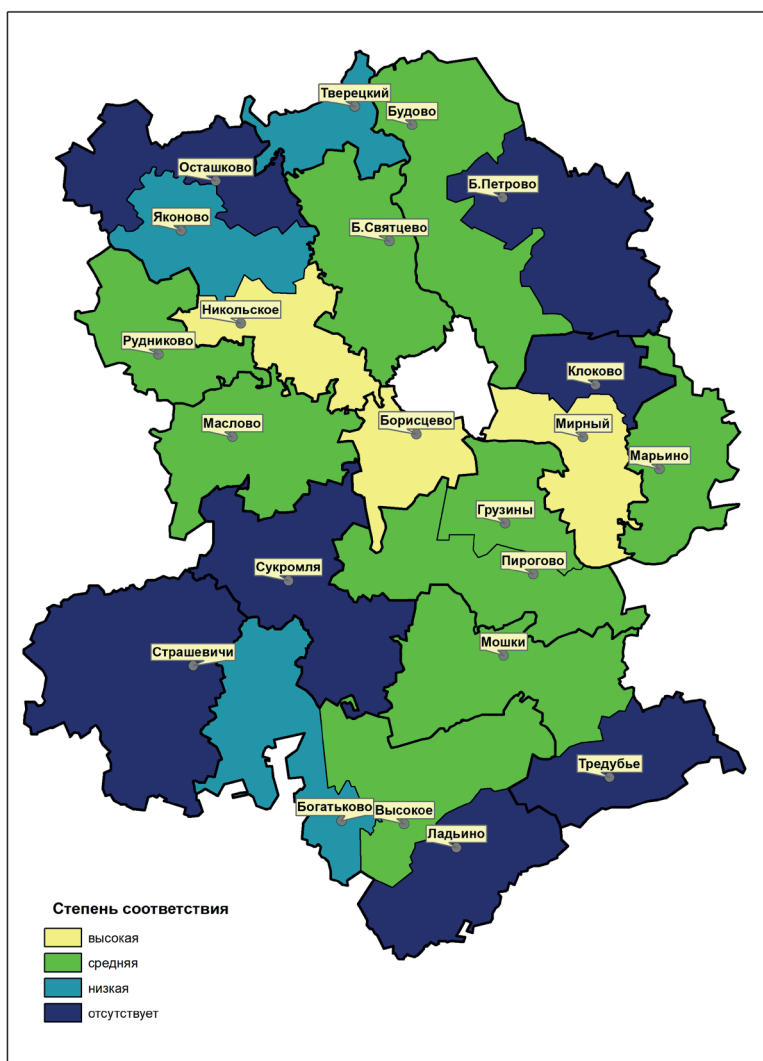

Рис. 6. Соответствие характеристик локальных сельских территорий районным

Оказалось, что на внутрирайонном уровне лишь три ЛСТ в полной мере отвечают этим характеристикам. Все они расположены в пригороде Торжка (рис. 6). Именно они составляют «лицо» района, формируя представление о нем в целом. В то же время ЛСТ с низкой степенью соответствия или вообще без совпадения рассматриваемых характеристик в основном находятся на периферии района. Таким образом, смысловое ядро, или ядро типичности, района одновременно является и его пространственным ядром, а смысловая периферия располагается

на географической периферии района. Как видно, расположение территорий с разной степенью сходства с общерайонными характеристиками в значительной мере соответствует центр-периферийной модели.

Предпринятая в исследовании попытка внутрирайонной типологии сельских территорий призвана познакомить читателей с многообразием условий внутри одного из районов Тверской области. На примере ЛСТ Торжокского района показана работоспособность признаков, выбранных ранее для классификации районов на региональном уровне. Проведенное исследование наводит на мысль о нецелесообразности «гонки» за количеством показателей, отражающих дифференциацию сельских территорий. Для демонстрации различий достаточно нескольких ключевых черт, которыми в условиях Тверской области являются каркасность (как самое яркое проявление экономико-географического положения), функции территории и структура сети сельских населенных мест. В силу современных трендов социально-экономического развития возрастает роль рекреационного фактора.

Сопоставление результатов классификаций, составленных на двух территориальных уровнях с одним и тем же набором признаков, позволило продемонстрировать те упрощения в представлениях о территории, которые неизбежно возникают при переходе от внутрирайонного уровня к внутрирегиональному. Портрет района зачастую складывается из тех черт, которые присущи лишь небольшому числу территориальных единиц, расположенных вокруг центра.

*А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов,
А. А. Ткаченко*
Географический
подход
к классификации
локальных
сельских
территорий

Библиография

- Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». URL: <https://docs.cntd.ru/document/554801411> (дата доступа: 31.10.2022).
- Кривonos М. А. (2001). Мятёжное земство. Тверь.
- Кузнецова С. Н. (2011). Транспортные условия сельского расселения Тверского региона. Автореф. ... канд. геогр. н. (25.00.24) Москва.
- Наумов А. С., Рубанов И. Н., Аблязина Н. Х. (2021). Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 12–24.
- Рысенкова Е. В. (2020). Проблемы и перспективы музеефикации и эксплуатации усадебных комплексов Торжокского района Тверской области // Культурное наследие русской провинции: материалы III Межрегиональной научной конференции. Т. 3. Тверь: Изд-во Тверского госуниверситета. С. 126–136.
- Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. (2019). М.: ВИАПИ имени А. А. Никонова.
- Смирнова А. А. (2020). Изменение низовой муниципальной структуры региона: тверской опыт // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 5. С. 108–113.
- Ткаченко А. А., Смирнова А. А., Смирнов И. П. (2021). Опыт географической классификации сельских районов Тверской области // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 6–18.

Geographical approach to the classification of local rural areas (on the example of the Torzhok district in the Tver Region)

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021.
E-mail: Fomkina.aa@tversu.ru

Ilya P. Smirnov, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021.
E-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Alexander A. Tkachenko, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021.
E-mail: at_tver@mail.ru

Abstract. The article continues the series of works on the geographical diversity of rural areas. The previous article (Tkachenko et al., 2021) presented a classification of rural districts in the Tver Region. This article aims at providing a classification of rural areas that are more fractional than municipal districts and at assessing the compliance (consistency) of classifications for the adjacent territorial levels. The Torzhok district was chosen as a main case for it represents the most prosperous type of districts in the Tver Region — agricultural, with a developed network of rural settlements. Based on the same characteristics as in the previous study, 22 local rural areas were considered as rural municipalities until 2017. The resulting classification includes 11 types, 6 of which have only one representative each. The grouping by the degree of compliance with the features of the Torzhok district showed that the general portrait of the district depends on a small number of local areas that form its spatial-semantic core: only 3 local rural areas located around the district center have the same characteristics. On the periphery, there are territories either with a low degree of correspondence or without any similar characteristics. The comparison of classifications proved the role of generalization in the study of spatial differences in rural areas.

Key words: countryside, local rural areas, frame structure, territorial functions, rural settlement, recreational potential, Tver Region, Torzhok district

References

- Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Kompleksnoe razvitie selskikh territoriy"* [State Program of the Russian Federation "Integrated Development of Rural Areas"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554801411>.
- Krivosos M. A. (2001) *Myatezhnoe zemstvo* [Rebellious Zemstvo], Tver.
- Kuznetsova S. N. (2011) *Transportnye usloviya selskogo rasseleniya Tverskogo regiona* [Transport Conditions of Rural Settlement in the Tver Region] (PhD Thesis), Moscow.
- Naumov A. S., Rubanov I. N., Abyazina N. Kh. (2021) *Novye podkhody k tipologii selskikh territoriy Rossii* [New approaches to the typology of rural areas in Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 12–24.
- Rysenkova E. V. (2020) *Problemy i perspektivy muzeifikatsii i ekspluatatsii usadebnykh kompleksov Torzhokskogo rayona Tverskoy oblasti* [Problems and prospects of the preservation and exploitation of the estates in the Torzhok district of the Tver Region], *Kulturnoe nasledie russkoy provintsii*, vol. 3, Tver: Izdatelstvo Tverskogo gosuniversiteta, pp. 126–136.
- Selskie territorii v prostranstvennom razvitii strany: potentsial, problemy, perspektivy* (2019) [Rural Areas in the Spatial Development of the Country: Potential, Problems, Prospects], Moscow: VIAPi imeni A. A. Nikonova.

- Smirnova A. A. (2020) *Izmenenie nizovoy munitsipalnoy struktury regiona: tverskoy opyt* [Changes in the local municipal structure: The Tver Region case], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 5, pp. 108–113.
- Tkachenko A. A., Smirnova A. A., Smirnov I. P. (2021) *Opyt geograficheskoy klassifikatsii selskih rayonov Tverskoy oblasti* [A geographical classification of rural areas in the Tver Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3, pp. 6–18.

*А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов,
А. А. Ткаченко*
Географический
подход
к классификации
локальных
сельских
территорий

Новые функции приморской сельской местности Юга России: пример Темрюкского района Краснодарского края¹

Л. Р. Имангулов, Я. К. Куксин

Линар Рамилевич Имангулов, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Ярослав Константинович Куксин, студент 3-го курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: yaza.kuksin@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены новые функции приморской сельской местности Юга России в постсоветский период. Обозначены региональные особенности постсоветской трансформации приморской сельской местности, среди которых сохранение аграрной специализации и занятости, рост численности сельского населения, появление новых функций сельской местности, положительный миграционный баланс территории и т. д. На основе динамики доступных социально-экономических показателей (инвестиции в основной капитал, численность населения, миграционный прирост и т. д.) обозначены масштабы интенсивности трансформационных процессов на уровне района, сельских поселений и населенных пунктов. Выявлены ведущие социально-экономические акторы преобразования сельской местности: агропредприятия (винодельческие хозяйства), туризм, «новые южане», портовое хозяйство и др. Проведена оценка их влияния на основные компоненты сельской местности — землепользование, транспортную и социальную инфраструктуру, занятость населения и локальные сообщества. На внутрирайонном уровне представлена типология сельских поселений в соответствии с динамикой трансформационных процессов в постсоветский период и преобладающие функциональные типы сельских населенных пунктов («агропромышленный», «рекреационный», «полифункциональный»). В заключительной части с использованием выдержек из глубинных интервью подробно описаны постсоветские траектории трансформации сельских населенных пунктов одного рода и административного статуса, но с разным функциональным типом и географическим положением — Голубицкой, Старотитаровской и Тамани. На основании полимасштабного анализа трансформации сельской местности выявлена ведущая роль фактора географического положения населенного пункта/территории в функциях сельской местности.

Ключевые слова: география сельской местности, сельские территории, полифункциональность, фактор географического положения, инвестиции, Темрюкский район

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-104-130

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-17-00112).

В советский период ведущей функцией сельской местности являлась производственная, в частности, производство сельскохозяйственной продукции. С развалом СССР — с разрушением колхозно-совхозной системы и снижением дотационности сельского хозяйства — часть сельских территорий утратила производственную функцию в связи с низкой рентабельностью сельскохозяйственной деятельности. Преобразующую роль в них получили новые функции сельской местности (например, рекреационная в регионах Нечерноземья).

В южных черноземных регионах России, наоборот, позиции агросектора укрепились, что связано с высокой земельной рентой. Сельская местность Юга оказалась «более благополучной» (Нефедова, 2012). Высокая рентабельность сельскохозяйственной деятельности привела к реорганизации отрасли — формированию агрохолдингов при сокращении земельных наделов населения, для которого не характерно забрасывание земли.

Масштабные изменения отмечаются в наборе функций сельских территорий приморской зоны Юга России. Они обусловлены динамикой транспортно-географического положения территории. После развала СССР и потери Россией экономически значимой портовой инфраструктуры в Одессе и Крыму увеличилась роль прибрежной полосы Черного моря от Тамани до Сочи. Помимо усиления транзитной функции, повысилась геостратегическая значимость расположения территории в Черноморском регионе.

Повышение интереса со стороны разных акторов — пришлого и коренного населения, бизнеса и государства — к ограниченной по площади приморской зоне, которая с развалом СССР превратилась в «морские ворота» РФ в страны Ближнего Востока, Европы и Африки, способствовало изменению функций и облика сельских территорий южной приморской зоны страны в постсоветский период.

Целью данной статьи является выявление основных акторов, новых функций и траекторий трансформации южной приморской сельской местности России на примере Темрюкского района в постсоветский период.

Исследовательская гипотеза состоит в следующем: современные траектории трансформации сельских населенных пунктов в приморской зоне Юга России определяются возрастанием числа акторов, что приводит к многофункциональности сельской местности и изменению преобладающих функциональных типов населенных пунктов.

Обзор литературы

В отечественной науке существуют разные взгляды на функции сельской местности. По Ковалеву С. А. и Алексееву А. И., «функ-

ции любого объекта зависят от того, в какой системе его рассматривать» (Алексеев, 1990: 266). Иначе говоря, набор функций сельской местности будет различаться для внешних и внутренних акторов — будь то горожане, бизнес или сами же сельские жители. Например, для самих сельских жителей первична селитебная и производственная функции, для горожан — рекреационная.

В современной науке при изучении функций сельских территорий рассматриваются в основном ее внешние функции — демографическая, производственная, инфраструктурная, экологическая и рекреационная². В зависимости от территории сильно различается набор функций и их выраженность. Наиболее сложный набор функций характерен для сельских территорий в зоне влияния сильных акторов, преобразующих сельский ландшафт.

В регионах России коренные изменения набора функций сельской местности связаны с социально-экономическими изменениями в стране. Современная социально-экономическая поляризация РФ, проявляющаяся в концентрации населения и экономической деятельности в городах, сказывается на появлении новых функций сельских территорий, граничащих с городами, — например, рекреационной (Нефедова, 2012: 452; Алексеев, Сафронов, 2015).

Наиболее коренная трансформация функций сельской местности РФ характерна для Московского столичного региона. В регионах Нечерноземья, граничащих с Москвой, производственную функцию с изменением формата экономических отношений сменила рекреационная (Аверкиева, Нефедова, 2016), «локально» в Московской области — индустриальная и экологическая (Гусева, 2012).

Масштабное влияние на современное развитие сельской местности Московского столичного региона оказывает прежде всего рекреационный фактор. В отечественной науке роли рекреационного фактора в развитии «пристоличной» сельской местности уделяется особое внимание. Например, в работах (Аверкиева, 2016; Алексеев, Корюхин, 2017; Пивовар и др., 2018; Рогова, 2020) и др.

Сравнительно однородная по составу населения и жизненным сценариям сельская местность Нечерноземья, испытывающая эффект от «соседства Москвы», становится разнообразной. Дифференциация функциональных типов сельских населенных пунктов способствует формированию в ней двух реальностей: «мира традиционной сельской местности», который располагается на периферии, и «полугородского мира» в пригородной зоне (Пивовар и др., 2018). Сельская местность с «новыми функциями» видоизменяется: получает «новое население», жизнь в ней становится «сезонной» и т. д. (Алексеев, 1990; Аверкиева, Нефедова, 2016).

2. В этой статье речь пойдет о новых внешних функциях сельской местности, которые лучшим образом отражают процессы преобразования сельской местности.

Помимо рекреационного фактора на внутрорегиональном и межпоселенческом уровнях в той же Московской области появляются и другие функции сельской местности: инфраструктурная или индустриальная. Так, разрастание Москвы привело к эволюции функций сельских территорий в границах ближних поясов и основных лучей развития агломерации: развивающиеся функции «выдавливают» традиционные на периферию (Гусева, 2012). Это, в свою очередь, приводит к формированию полифункциональности сельской местности.

В периферийных зонах регионов РФ, отличающихся по большей части моноспециализацией сельской местности, наоборот, наблюдается «упрощение» набора функций. Производственная функция в некоторых местах даже усилилась и «выдавила» остальные — например, в периферийных сельской местности Еврейской АО (Гаева, 2010), в других — наоборот, исчезла, что привело, например, к масштабному оттоку населения из лесных поселков на севере Нечерноземья (Аверкиева, 2021).

Совершенно другим примером постсоветского роста полифункциональности сельской местности является Байкальская прибрежная зона, где «триггером» трансформационных процессов в сельской местности является высокая аттрактивность озера Байкал, а не разрастающийся город. Появление в прибрежной зоне озера «новых территориальных структур» — поселков коттеджного типа — «сужает» возможности существования традиционной сельской экономики до единственного вектора рекреационного развития территории (Рогова, 2020).

За рубежом основные изменения в наборе функций сельской местности также связаны с возрастающей ролью городов, которые формируют новые функции сельских территорий. Особенно детально изучена роль рекреационного фактора в европейских странах — от Нидерландов (Os et al., 1995) до Польши (Bórawski, 2015) и Греции (Piouroulou et al., 2008), где ему отдается ведущая роль в устойчивом развитии сельских территорий.

Весьма интересное понимание трансформационных процессов в современной сельской местности представлено в работе (Mitchell, 2013), где обозначены сценарии развития сельской местности при внедрении инновационных для нее функций. «Созидательное разрушение и совершенствование» сельских территорий отражает растущую изменчивость и динамизм сельских ландшафтов и позволяет проследить эволюцию сельских ландшафтов от их традиционного состояния к многофункциональному.

Обзор литературы подчеркивает высокую значимость центр-периферийной модели и фактора географического положения на национальном и локальном уровнях в определении набора функций сельской местности и степени сохранности ее прошлого функционального типа, что определяется историческими и социально-экономическими особенностями развития территории (например, динамикой географического положения и т. д.).

После распада СССР в РФ увеличилась роль южных регионов — Краснодарского края и Ростовской области — в экономике страны, в частности, в агропроизводстве и экспорте природных ресурсов. Наиболее серьезные трансформационные процессы в сельской местности региона отмечаются в пригородной зоне крупнейших городов Юга (Ростова-на-Дону, Краснодара и Ставрополя) и его достаточно вытянутой приморской зоне, протяженность которой составляет более 1500 км.

Если траектории трансформации сельской местности в зоне влияния крупных региональных центров субъектов схожи с процессами в остальной части страны, то трансформация сельской местности в приморской зоне уникальна в связи с региональной спецификой развития территории («выход к теплomu морю», лучшие агроклиматические условия, высокая плотность освоения территории, положительный миграционный баланс населения и т. д.).

Территорией исследования настоящей статьи является Темрюкский район Краснодарского края (рис. 1), обладающий уникальным транспортно-географическим положением по отношению к другим участкам российского Причерноморско-Азовского побережья. С присоединением Крымского полуострова к РФ и строительством Крымского моста отмечается усиление трансформационных процессов в районе, и так отличающемся повышенным социально-экономическим динамизмом развития.

Узкие территориальные рамки исследования сельской местности (в работе анализируется всего один район в российской южной приморской зоне) и уникальность его географического положения снижает возможности распространения полученных выводов о трансформации сельской местности на другие территории Краснодарского края. Вместе с тем данное исследование представляет научный интерес с позиции анализа многофункциональной сельской местности, обусловленной не агломерационными эффектами, а особым транспортно-географическим положением территории.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на трех группах материалов: официальных данных статистических ведомств (База, 2022), полевых наблюдениях (визуальные наблюдения в сельской местности) и результатах глубинных интервью (Результаты, 2022a). Последние материалы были собраны в рамках комплексных экспедиционных обследований сельской местности Темрюкского района в период 10–18.06.2022.

Рис. 1. Географическое положение Темрюкского района в Черноморском регионе и его административно-территориальное деление. Составлено авторами.

Глубинные интервью проводились с местным населением, представителями органов местного самоуправления и крупнейших предприятий (10, 15 и 5 интервью соответственно). Спектр вопросов в рамках интервью — численность и занятость населения, образ жизни, подвижность, состояние производственной базы и т. д.

В исследовании использовались следующие методы — аналитический, математико-статистический, сравнительно-географический, экспедиционный и метод глубинных интервью. При анализе трансформационных изменений в сельской местности использовался полимасштабный (анализ процессов на уровне района, поселений и населенных пунктов) и системные (анализ отдельных компонентов сельской местности и их связей) подходы.

Точкой отсчета для анализа трансформационных изменений в статье является 2000 год. Это связано с изменением социально-экономической динамики развития регионов России, сравнительно устоявшимся распределением земель между собственниками и особенностями статистической базы исследования.

Интенсивность трансформационных процессов в сельской местности Темрюкского района оценивалась через динамику состояния основных компонентов сельской местности — населения и производства за последние 10 лет (2011–2021 гг.). Перечень используемых в исследовании показателей³: численность населения, миграционный прирост (отдельно прибывших), ввод индивидуального жилья и подушевые инвестиции в основной капитал организа-

3. Показатели являются индикаторами трансформационных процессов в сельской местности и доступны в разрезе сельских поселений района.

циями, находящимися на территории муниципального образования (База, 2022).

При выделении типов сельских поселений Темрюкского района в соответствии с динамикой трансформационных процессов в них за последние десять лет использовался кластерный анализ (иерархическая кластеризация, метод внутригрупповой связи). Далее на основании выделенных типов поселений был проведен анализ трансформации функционального типа отдельных населенных пунктов.

Основные этапы постсоветской динамики развития Темрюкского района

С 1990-х годов сельская местность района претерпела несколько трансформационных волн (рис. 2).

Первый этап (1992–1999 гг.) отличается неопределенностью и адаптацией сельской местности к новым социально-экономическим отношениям в стране. Второй этап (2000–2008 гг.) напрямую связан с экономическим ростом нулевых: увеличение инвестиционной активности в районе, реорганизация и развитие виноделия, реконструкция порта «Кавказ» в условиях роста национального экспорта и т. д. Темрюкский район становится одним из экономических полюсов роста Юга России. Третий этап (2009–2014 гг.) отличается снижением темпов интенсивности трансформационных процессов в сельской местности, что было связано с неблагоприятной экономической конъюнктурой в мире. Начало четвертого этапа (2014–2022 гг.) ознаменовано присоединением Крыма к РФ, в результате чего возрос транзит через Таманский полуостров. Пандемия COVID-19, а затем и санкции в отношении РФ увеличили туристическую привлекательность района в условиях ограниченности альтернатив. Начало пятого этапа (2022–... гг.) связано с проведением специальной военной операции и последующим присоединением новых территорий к РФ. Будущая динамика развития видится авторами через три сценария.

Максимально возможная интенсивность трансформационных процессов в сельской местности характерна для «оптимистичного» и «пессимистичного» сценариев. При «оптимистичном» сценарии возможен экономический рост и сохранение прошлых темпов социально-экономического развития Темрюкского района, при «пессимистичном» сценарии, связанном с высокими политическими рисками, наоборот, значительный экономический спад с вытекающими последствиями. Согласно наиболее вероятностному «базовому сценарию», последующее развитие сельских территорий будет отличаться инерционностью накопленного развития.

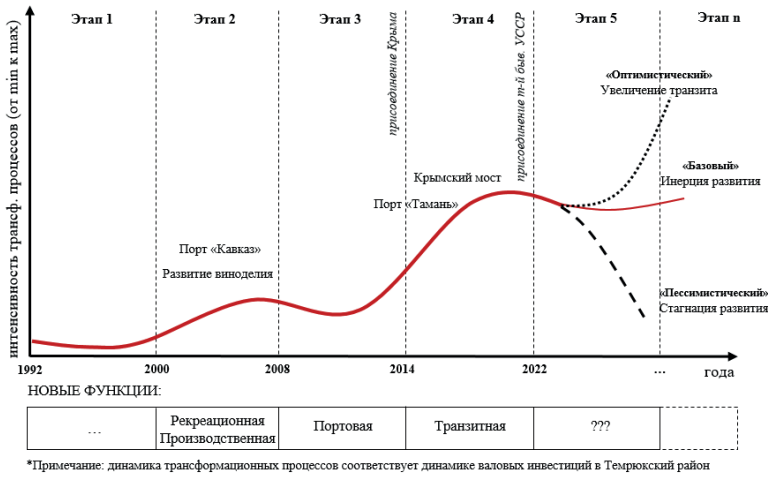

Рис. 2. Постсоветская динамика и факторы интенсивности трансформационных процессов в Темрюкском районе. Составлено авторами.

Ведущие акторы преобразования сельской местности Темрюкского района

Ранее уже было упомянуто о значительных изменениях географического положения Темрюкского района в постсоветский период, что привело к возрастанию интереса к причерноморской и приазовской зонах Краснодарского края со стороны совершенно разных групп — населения, бизнеса и государства. Последние способствовали появлению новых функций приморской сельской местности.

Обобщенные выше группы социально-экономических акторов по-разному влияют на основные компоненты сельской местности: рынок земли (распределение земель), инфраструктуру (социальную и транспортную), занятость населения и локальные сельские сообщества (табл. 1).

Рассмотрим основных акторов преобразования сельской местности района и их основные направления влияния на сельскую местность.

Агропромышленный сектор. Агропромышленный сектор в Темрюкском районе представлен предприятиями, занимающимися преимущественно выращиванием винограда и его переработкой. За последние три десятилетия Темрюкский район значительно увеличил площадь виноградников (только в 2009–2021 годах на 12%: с 16,6 до 18,7 тыс. га) (База, 2022). В настоящее время в районе функционируют две крупных вертикально интегрированные компании — ООО «Кубань-Вино» и ОАО «АПФ «Фанагория» и более 16 винодельческих заводов.

Виноградарство и виноделие является ведущей отраслью специализации района. Эта модернизированная отрасль представлена практически во всех сельских поселениях района, за исключением Курчанского поселения (рисоводство). В сельских поселениях могут базироваться как непосредственно винодельческие предприятия, так и различные отделения и даже научные центры.

Таблица 1. Социально-экономические акторы преобразования сельской местности в Темрюкском районе и их влияние на компоненты сельской местности территории

Основные группы акторов	Рынок земли	Транспортная инфр-ра	Социальная инфр-ра	Рынок труда	Локальные сообщества
Агропредприятия	+++	-	+	+++	++
Фермеры	++	-	-	+	-
Туризм	+++	+++	++	+++	+++
«Новые южане»	+	-	+++	++	+++
Диаспоры	+	-	-	++	+++
Промышленность	++	+	-	++	+
Портовое хозяйство	+++	+++	-	+++	+++
Местная власть	++	+	+	-	+
Меценаты	-	-	++	-	++
Военные*	+	+++	-	-	-

Качественно-количественная оценка влияния акторов на компоненты сельской местности: — отсутствует, + незначительное, ++ значимое, +++ значительное. Источник: составлено авторами.

Влияние агропредприятий на сельскую местность оценивается как значительное (в основном рынок земли и труда). Во-первых, именно предприятия агросектора являются основными пользователями земель сельскохозяйственного назначения (62%) (База, 2022). Именно с приходом крупных вертикально-интегрированных винодельческих компаний отмечается увеличение цены на землю. Во-вторых, подобные масштабы производства создают большое количество рабочих мест (ок. 15–20% всего трудоспособного сельского населения в районе занято в АПК) (База, 2022).

«С приходом портовых и винодельческих предприятий все закончилось. Земля там очень дорогая. Доходит до 20 млн рублей за пай. Ну средняя стоимость пая у нас сейчас — от 350 до 550 тысяч за 1,87 га» (мужчина, 52 года, ст. Старотитаровская).

«20 лет назад от земель здесь отказывались, потому что надо было обрабатывать их, пахать... Паи были, да. Первой зашла

сюда Агрофирма «Южная». Тогда люди продавали земли. На сегодня почти все земли выкуплены» (мужчина, 45 лет, ст. Тамань).

«Раньше, когда была Агрофирма «Юбилейное» (в настоящее время входит в состав ПАО «Абрау-Дюрсо»), они помогали: и пилили, и косили, и подарки дарили, помогали многодетным. У бизнеса была социальная ответственность, но пришел Абрау-Дюрсо, и сегодня нет ничего такого» (мужчина, 37 лет, Фонталовское).

Фермеры. Фермерство в южных регионах РФ более развитое и крепкое, чем в регионах севера и средней полосы освоения. Доля крестьянских фермерских хозяйств (далее — КФХ) в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства в Темрюкском районе составляет 19,7% (национальный уровень — 14,9%) (2020 год) (База, 2022). Большая часть фермеров — местные жители, получившие земельные паи после распада СССР и сконцентрировавшие в своих руках паи других местных еще в переходный период.

Фермеры в Темрюкском районе занимаются в основном земледелием. Основные виды деятельности: выращивание зерновых (пшеница и рис) и винограда, садоводство. Это наиболее высоко rentабельные культуры. Сохранение зерновой специализации в КФХ связано с наличием в районе портов по перевалке и экспорту пшеницы за границу (в целом отмечается тенденция на сокращение посевных площадей пшеницы, т. к. на смену ей приходит виноград).

В силу другой размерности КФХ влияние фермеров на трансформацию сельской местности менее значимо по сравнению с сельскохозяйственными организациями. Наибольшее влияние фермерства прослеживается на рынках земли и труда.

«В 90-е была распадёвка, земля всем досталась. У кого-то остались до сих пор участки (около 30 человек). Эти люди занимаются зерном, плодоводством. Привлекают на уборку рабочих» (женщина, 60 лет, ст. Старотитаровская).

Туризм. Одним из главных по влиянию на сельскую местность факторов в постсоветский период является туризм. Значительное сокращение береговой линии на Юге России в связи с распадом СССР способствовало увеличению интереса и, как следствие, туристской нагрузки на побережье Краснодарского края — единственному на тот момент причерноморскому региону России. Темрюкский район по некоторым характеристикам уступает другим приморским районам Краснодарского края, но в условиях высокой загруженности иных муниципалитетов принимает на себя часть туристического потока юга страны.

Уникальность Темрюкского района определяется его географическим положением (омывается Черным и Азовскими морями) и рекреационными ресурсами. В советский период в Темрюкском районе функционировали детские оздоровительные учреждения, пансионаты и базы отдыха. В переходный период в районе преобладал «дикий туризм».

Л. Р. Имангулов,
Я. К. Кукин
Новые функции
приморской
сельской местности
Юга России:
пример Темрюкско-
го района Красно-
дарского края

В настоящее время сфера туризма и рекреации в Темрюкском районе развивается быстрыми темпами. Только в 2010–2021 годы прирост туристов и экскурсантов, посетивших Темрюкский район, составил около 36% (с 1,1 до 1,5 млн чел.) (Данные, 2022). Увеличивается число коллективных средств размещения (отелей, гостиниц, гостевых домов), баз отдыха, развлекательных предприятий и т. д. (рост по отдельным показателям в 2010–2021 годах составляет более 70–100%).

Влияние туризма на трансформацию района распространяется на все обозначенные компоненты сельской местности. Наиболее значимое влияние туризм оказывает на рынок труда (в некоторых сельских населенных пунктах более половины трудоспособного населения занято в отрасли, это основной источник доходов местного населения) и состояние транспортной инфраструктуры (напряженный трафик и многочисленные пробки).

«У нас каждый второй в Голубицкой занят в сфере туризма. Это ощутимый заработок для местных жителей. В сезон нет почти ни одного дома, кто бы ни сдавал хотя бы комнату» (женщина, 37, ст. Голубицкая).

«Новые южане». «Новые южане» — как правило, выходцы из северных регионов страны, которые переезжают на юг. В возрастном отношении это не только пенсионеры, могут встречаться и молодые семьи с детьми. Зачастую это люди с высшим образованием, ценные специалисты. «Новые южане» качественно меняют сельскую местность. В отдельных населенных пунктах более половины населения могут составлять новые жители, о чем свидетельствуют миграционные балансы поселений и района в целом.

По большей части высокие темпы роста численности населения Темрюкского района (численность населения района в 1989–2021 годы увеличилась на 19,43%; в Краснодарском крае на 14,1%) связаны с масштабной межрегиональной миграцией и пониженным миграционным оттоком местного населения. «Новые южане» в основном селятся в центральных сельских населенных пунктах с лучшей инфраструктурной оснащенностью (есть школы, ФАПы, магазины и т. д.). В 1990-е годы приток отмечался и в сельских населенных пунктах более низкого ранга (ценовой фактор — дешевле купить дом).

Основное влияние «новые южане» оказывают на социальную инфраструктуру (первоочередно — возрастание нагрузки на систему), рынок труда (рост предложения рабочей силы) и локальные сообщества (модернизация ценностной картины местного населения, повышенная инициативность и требовательность и т. д.).

«Те, кто приезжает, они противные, права качают. Говорят, что мы обязаны им. После приезда из города-героя Москва возмущаются: почему у вас нет асфальта?!» (мужчина, 52 года, ст. Старотитаровская).

Этнические диаспоры. Значительное влияние на локальные сообщества оказывают этнические диаспоры: в Темрюкском районе —

армянская, греческая, крымскотатарская, болгарская, украинская и др. Каждая диаспора насчитывает не менее 1–2 тысячи человек, оценки украинской диаспоры различаются (значительная часть населения «скрывает» свою идентичность).

Наличие особенно крупных этнических диаспор определяет повышенную криминальность в отдельных местах. Например, в Старотитаровской, где существенную долю населения составляют армяне (ок. 11% от всего населения в станице, 1400 чел.), в 2000-х годах были столкновения с привлечением правоохранительных органов.

Также некоторые диаспоры служат каналами распространения запрещенных законом веществ, что отражается на жизни местного населения, особенно молодежи. Наличие этнических диаспор — это и изменение привычного образа жизни для местного населения (например, «похороны на 500 чел.», национальные праздники и др.). Влияние этнических диаспор помимо локальных сообществ косвенно прослеживается и на рынок труда и земли, что ведет к сокращению мест приложения труда и росту цен на землю.

Промышленность. Промышленность Темрюкского района представлена в основном предприятиями пищевой отрасли — производство (виноделие рассмотрено в агропромышленном секторе), переработка рыбы и масличных культур и т. д. Все остальные по большей части ориентированы на местного потребителя — производство строительных материалов, элементов внутренней отделки дома и т. д. Влияние промышленности распространяется главным образом на рынок земли и труда, оценивается как значимое (для развития предприятий необходимы новые площади и кадры).

Портовое хозяйство. Несколько иначе обстоят дела с портовым хозяйством. Ранее уже было сказано об изменении транспортно-географического положения территории в постсоветский период. Загруженность основных черноморских портов и рост национального экспорта определили строительство и реконструкцию уже имеющихся в Темрюкском районе. В настоящее время в районе функционируют три международных порта: «Темрюк» на Азовском, «Кавказ» и «Тамань» на Черном море.

По масштабам влияния на трансформацию сельской местности района это, наверное, один из основных акторов наравне с предприятиями агропромышленного комплекса. Строительство и функционирование портовой инфраструктуры повысили миграционную привлекательность района за счет высоких заработков (выше, чем в северных регионах страны). Сильнее всего портовое хозяйство повлияло на рынок земли и труда, транспортную инфраструктуру и локальные сообщества.

Например, вследствие строительства порта «Тамань» из сельскохозяйственного оборота была выведена значительная часть территорий Таманского сельского поселения, которая используется

не под складирование грузов и товаров, а для инженерного обеспечения предприятия (линии электропередач, пути и т. д.). В результате любая деятельность на пустующих территориях, входящих в состав порта, запрещена.

«Со всего края приезжают работать в порт (некоторые — на винзаводы и уборку). Трудовые мигранты — нагрузка на инфраструктуру, социальных проблем нет. На вахту едет рабочий класс (строители)» (мужчина, 40 лет, ст. Тамань).

«За счет портов, конечно, у нас район живет. Каждый 5–6-й едет туда. Попасть не очень сложно, есть разные предприятия. Среднего образования достаточно» (мужчина, 27 лет, ст. Тамань).

Местное самоуправление. Органы местного самоуправления являются связующим звеном между населением, внешними акторами и территорией. Влияние местной власти прослеживается на все компоненты сельской местности, но оценивается как незначительное, в редких случаях — значимое. Связано это с ресурсностью территорий и, как следствие, решающей ролью региональной и федеральной властей. Иными словами, «на местах» возможности, связанные с развитием территорий, очень ограничены (особенно касательно крупных проектов).

«Мы мало на что можем повлиять. Если они (федеральная власть), например, захотят построить трассу или порт, нас особо не спросят. Но с градообразующими предприятиями контакт налажен, пытаемся с ними сотрудничать, хотя идут навстречу не всегда» (мужчина, 43 года, глава одного из поселений района).

«Меценаты». Меценаты особое влияние оказывают на социальную инфраструктуру и локальные сообщества. В некоторых сельских населенных пунктах на их деньги проводятся ремонт домов культуры и других социальных учреждений, а также различные мероприятия. Вместе с тем влияние меценатов на сельскую местность крайне ограничено и территориально неравномерно.

«У нас есть из станицы большой человек — начальник из одной крупной нефтяной компании. Он дружит с нами, постоянно помогает. Спасибо ему — отстроил нам дом культуры за свои деньги» (женщина, 65 лет, ст. Старотитаровская).

Влияние акторов на общее состояние сельских территорий района

Постсоветская динамика транспортно-географического положения Темрюкского района и появление новых социально-экономических акторов в сельской местности существенно изменили облик приморской сельской местности (основные изменения сельской местности района даны в табл. 2).

Таблица 2. Основные изменения в сельской местности Темрюкского района в постсоветский период

Компоненты сельской местности	Было (до 1992 г.)	Сейчас (1992–... гг.)	Что имеем?
Экономика	преимущественно аграрная, промысловая (рыбная ловля)	увеличение доли транспорта и туризма в экономике	диверсифицированная экономика
Землепользование	наличие пустующих свободных земель	дефицит земель вследствие появления новых акторов	дефицит и дороговизна земли
Занятость	преимущественно аграрная, промысловая (рыбная ловля)	появление рабочих мест в туризме, портах, бюджетной сфере	сокращение аграрной занятости
Транспортная инфра-ра	слабовыраженные транзитные функции (есть порты в СССР)	увеличение перевалки грузов (портов мало, рост экспорта)	усиление транзитных функций
Социальная инфра-ра	на балансе агропредприятий и государства	на балансе государства	сокращение количества объектов, увеличение нагрузки из-за мигрантов
Локальные сообщества	преобладают в структуре населения	масштабная миграция в район (до 30% жителей — «новые южане»)	сокращение доли местного населения

Составлено авторами.

Разнообразие сельской местности Темрюкского района

Социально-экономические акторы на внутрирайонном уровне отличаются неоднородностью размещения. Это, в свою очередь, определяет поселенческую дифференциацию сельской местности в соответствии с динамикой трансформационных процессов в них и преобладающим функциональным типом населенных пунктов.

*Л. Р. Имангулов,
Я. К. Кукулин*
Новые функции приморской сельской местности Юга России: пример Темрюкского района Краснодарского края

Обратимся к внутрирайонной дифференциации сельской местности (рис. 3).

- *Поселения с выраженными инфраструктурными функциями с максимальной интенсивностью трансформационных процессов.*

К этому классу поселений в районе относится лишь одно поселение — Таманское. Максимальная интенсивность трансформационных процессов в нем связана с приобретением Таманью новых функций, например, инфраструктурной (в 2009 году рядом с населенным пунктом был открыт Таманский порт, строительство Крымского моста (транзит)).

- *Поселения с выраженными агропроизводственными функциями и с повышенной интенсивностью трансформационных процессов.*

К этому классу поселений в районе относятся три — Сенное, Вышестеблиевское и Старотитаровское. Повышенная интенсивность трансформационных процессов в них связана с расширением производственных мощностей винодельческого хозяйства (на территории поселений ведут деятельность ООО «Кубань-Вино» и ОАО «АПФ «Фанагория»); отчасти с реконструкцией трассы федерального значения А-290, ведущей в Крым.

- *Поселения с выраженными рекреационными функциями со средней интенсивностью трансформационных процессов.*

К этому классу относятся три сельских поселения — Голубицкое, Фонталовское и Краснострельское. Средняя интенсивность трансформационных процессов в них связана с совершенно иным порядком социально-экономических изменений. Ведущий актор постсоветского преобразования сельской местности в них — туризм.

- *Прочие поселения с низкой интенсивностью трансформационных процессов.*

К этому классу поселений относятся все остальные — Ахтанизовское, Курчанское, Запорожское и Новотаманское. Эти сельские поселения отличаются пониженной интенсивностью трансформационных процессов на фоне района. Набор ведущих социально-экономических акторов в них различается: для Ахтанизовского — туризм, для Курчанского и Новотаманского — агросектор (рисоводство и виноградарство соответственно).

Приведенная выше дифференциация позволила выявить сельские поселения с разной динамикой и масштабами трансформационных процессов, а также ведущих локальных социально-экономических акторов преобразования.

Однако специфика статистических показателей несколько искажает реальные масштабы трансформации, а поселенческий уровень анализа нивелирует серьезные различия между населенными пунктами.

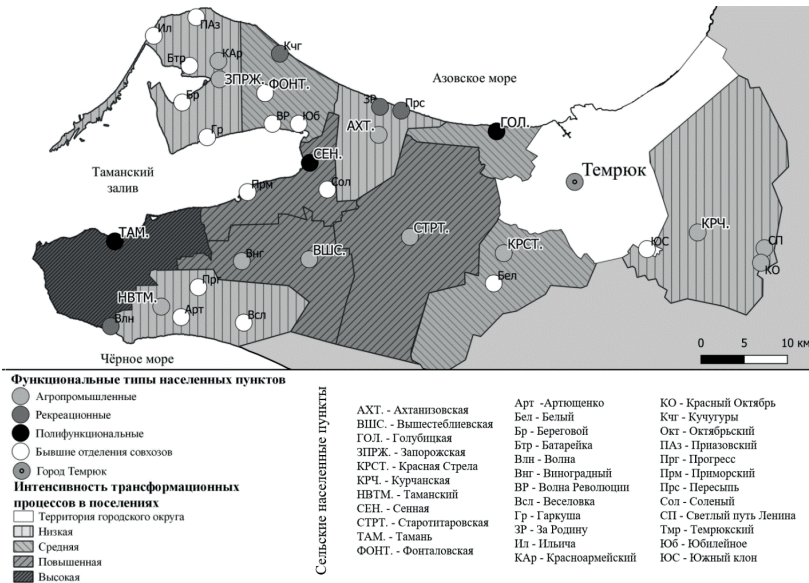

Рис. 3. Динамика трансформации и функции сельской местности Темрюкского района. Составлено авторами.

На территории каждого из обозначенных выше сельских поселений соседствуют сельские населенные пункты с разным функциональным типом.

В настоящее время в приморской полосе Темрюкского района встречаются сельские населенные пункты преимущественно рекреационного типа (например, Кучугуры, Волна и др.) (тип 1, общее количество — 4), что свидетельствует о высокой роли туризма и рекреации в развитии сельской местности Темрюкского района.

В дореволюционный период их основной специализацией был рыболовецкий промысел, в отдельных поселениях им было занято до 50–70% всех жителей (например, Голубицкая, Ахтангизовская, Курчанская и др.). Сейчас в некоторых рыболовство сохранилось, но его вклад в экономику муниципалитетов существенно снизился (например, Светлый путь Ленина, Тамань).

На побережье можно встретить населенные пункты полифункционального (смешанного) типа (многофункциональные) (тип 2). Как правило, для них характерно сочетание нескольких функций — рекреационной, портовой (например, Тамань) и производственной (например, Сенной, Голубицкая). Всего в районе насчитывается три полифункциональных населенных пункта, в них может существенно различаться структура занятости населения. Коренная трансформация характерна для населенных пунктов с портовой функцией (например, Тамань).

В глубине Таманского полуострова преобладают сельские населенные пункты разной размерности, но с выраженной агропромышленной специализацией (например, Вышестеблиевская, Виноградный, Таманский и др.) (тип 3, их 11), что свидетельствует о сохранении агропромышленной специализации сельской местности Темрюкского района наравне с рекреационными и портовыми функциями.

Трудоспособное население здесь занято преимущественно в виноградарстве и виноделии, в более крупных населенных пунктах — в бюджетной сфере и торговле, часть жителей ездит на заработки в порт. Развитие этих населенных пунктов отличается повышенной инерционностью (аграрная специализация), что связано с сохранением функционального типа с советского периода. Лучшая социально-экономическая ситуация отмечается в крупных населенных пунктах, в то время как мелкие демонстрируют сокращение численности населения.

Прочие (их насчитывается 16) не имеют выраженных функций. В советский период в них базировались бригады винодельческих совхозов, в настоящее время они не имеют собственной производственной базы (занятость преимущественно бюджетная, распространена работа в портах и терминалах). Эти населенные пункты характеризуются худшей социально-экономической ситуацией в районе (например, «пожилая» возрастная структура населения), часть из них находится на грани исчезновения (7 из 16).

Постсоветские траектории трансформации населенных пунктов

Внутрирайонная неоднородность сельской местности Темрюкского района означает сосуществование разных траекторий постсоветской трансформации функциональных типов населенных пунктов. Обратимся к особенностям трансформации трех сельских населенных пунктов одного рода и административного статуса, но с разным функциональным типом и географическим положением — Голубицкой, Старотитаровской и Тамани — (табл. 3).

Голубицкая. Станица располагается на побережье Азовского моря, вблизи г. Темрюк, и является типичным представителем приморских сельских населенных пунктов рекреационного типа. В прошлом станица специализировалась на рыбной ловле, в настоящее время рыболовством в населенном пункте занято не более десятка человек.

«Раньше еще рыболовством славилась станица, сейчас совхоза нет, осталось бригады две на территории. Они по Азову ходят, такие малые предприятия. С рыбой сейчас в море проблемы» (женщина, 35 лет, Голубицкая).

Таблица 3. Социально-экономическая характеристика обследованных сельских поселений

Название населенного пункта	Голубицкая	Старотитаровская	Тамань
Род населенного пункта	станция	станция	станция
Геогр. положение	побережье Азовского моря	центр Таманского полуострова	на западе Таманского полуострова
Положение в системе «центр-периферия»	центральное (вблизи г. Темрюк)	транзитное (на трассе Ф3 А-290)	транзитно-узловая (на трассе Ф3 А-290)
Время основания, год	1879	1794	1792
Сельское поселение	Голубицкое	Старотитаровское	Таманское
Административный статус	центр поселения	центр поселения	центр поселения
Официальная числ. населения, 2022	5200	12 893	9908
Сезонные отклонения числ. населения, в %	от 50% и более	10–20%	от 30% и более
Динамика людности, 2022/2002, в %	+ 27,3	+ 5,7	+ 6,6
Структура занятости населения, в %	рекреация — 40 порты — 20 виноделие — 20 бюджетная сфера — 10	порты — 50 виноделие — 15 бюджетная сфера — 10	порты — 60 виноделие — 20 бюджетная сфера — 10
Доля местного населения, в %	н/д (оценочно — 50)	70	40–50
Ведущие соц.-эк. акторы	рекреанты	новые южане	порт, промышленность
«Новые функции» СНП	рекреационная	-	инфраструктурная
Наличие «свободной земли» в поселении	в очень ограниченном количестве	отсутствует	почти отсутствует
Главная проблема	коммунальная инфраструктура	пробки, природные явления (подтопление)	мигранты

Составлено авторами на основе (База, 2022).

*Л. Р. Имангулов,
Я. К. Кукин*
Новые функции
приморской
сельской местности
Юга России:
пример Темрюкско-
го района Красно-
дарского края

В постсоветский период численность населения Голубицкой выросла на 27,3%, а площадь населенного пункта — более чем в два раза (в основном за счет строительства гостевых домов и отелей). В сфере туризма (сдача жилья и сфера услуг) в станице занята значительная часть населения — около половины всех жителей (другая часть — в виноделии и портах). Многие не регистрируют свою деятельность, в станице развита теневая экономика.

«Вся станица сдает гостевые дома, можно сказать, 90%. Это и гостевые, и частные дома. На лето есть постройки, куда уходят на сезон» (женщина, 35 лет, Голубицкая).

Голубицкая отличается максимальной трансформацией внешнего облика среди других населенных пунктов Темрюкского района. В постсоветский период станица «приросла» большим количеством гостевых домов и комплексов, расположенных главным образом вдоль берега Азовского моря (сама станица располагается на удалении от береговой линии) (рис. 4). Эта очень плотная (между домами часто отсутствуют зазоры), многоэтажная (в среднем 3–5 этажей) застройка нарушает обыденный южный станичный ландшафт. «Новая часть» населенного пункта изобилует заведениями, оказывающими различные услуги.

Вместе с тем станица не отличается высоким уровнем благоустройства территории (разбитые дороги, мусор, местами бурьян и т. д.). Отчасти это связано с особенностями потребительского спроса. На Азовское море чаще едут «бюджетные туристы», оттого доходы сравнительно ниже, чем на Черноморском побережье, и требования к уровню сервиса, средствам размещения и т.п. менее жесткие (важнее наличие моря и песочного пляжа).

В населенном пункте формируются совершенно две разные реальности — «аграрная глубинка» («глубинная часть станицы») и «туристский берег» (прибрежная часть станицы). В «аграрной глубинке» основное население — местные жители, преобладает малоэтажная застройка, «царит атмосфера спокойствия», в «туристском берегу» все наоборот, основное население — туристы, преобладает нестандартная для станичного расселения многоэтажная плотная застройка с развитой развлекательной отраслью, торговлей и сферой общепита, «везде царит шум, хаос и неразбериха».

«Усадебная застройка замещается на гостевые дома только на 1–2-й береговой линиях, у нас в центре станицы все наше» (женщина, 35 лет, Голубицкая).

Однако туризм не панацея для приморской сельской местности. В данной сфере действительно занята значительная часть населения, но при этом около половины жителей официально трудоустроены в портах, виноделии и бюджетной сфере (табл. 3). Для местных жителей туризм — дополнительный источник доходов. Заработная плата в нетуристических сферах значительно выше, она стабильна, не зависит от времени года и дает определенные преимущества.

Сезонность очень сильно влияет на жизнь в населенном пункте: летом численность населения в станице может возрасти в несколько раз (отклонения зависят от туристского сезона), зимой, наоборот, сильно уменьшиться. Это определяет особый образ жизни населения и динамику функционального использования пространства.

«Самые высокие зарплаты в порту. Туризм — это сезон, лето, люди приезжают, платят денежку и уезжают. А это весь год. Но это людям не мешает делать и то, и то. Туризм — это семейный бизнес» (женщина, 35 лет, Голубицкая).

«Туризм для нас, конечно, плюс. Я хочу сказать — мы приехали, несколько месяцев шумно, но потом тишина» (женщина, 35 лет, Голубицкая).

Старотитаровская. Станица располагается почти в центре Таманского полуострова, на берегу одноименного лимана, и является наиболее типичным населенным пунктом для аграрного Юга России с преимущественно станичным расселением. В населенном пункте проживает порядка 10 тыс. человек, это третье по численности населения поселение в Темрюкском районе.

Старотитаровская сохранила свою специализацию с советских времен. На базе двух бывших винсовхозов функционирует крупный агрохолдинг ОАО «АПФ «Фанагория»». Агрохолдинг является основным работодателем на территории сельского поселения наравне с бюджетной сферой. В настоящее время на него приходится всего лишь 15% от всего занятого населения в сельском поселении, что связано с механизацией производства (необходимо меньше работников). Несмотря на это, само предприятие испытывает проблемы с подборкой профессиональных кадров.

«У нас дефицит механизаторов. Зарплата механизатора варьируется от 60 тыс. руб. до бесконечности. Это не только в сезон, весь год. «Фанагория» так держит своих работников, что они могут на день «Фанагории» или день урожая подарить машину, бытовую технику» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

Около 50% трудоспособных жителей станицы устроены в портах и предприятиях по перевалке грузов, характеризующихся более высокооплачиваемой работой. Наличие в рамках Темрюкского района подобных предприятий положительным образом сказывается на динамике численности сельского населения.

«Занятость населения в станице поменялась. Как построили два крупнейших перевалочных терминала. В виноградарстве и виноделии, наоборот, число рабочих сократилось в несколько раз» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

В отличие от других Старотитаровская смогла сохранить свой исторический облик — станичную застройку с широкими улицами. Станица впечатляет своими размерами, а гуляя по улицам, еще можно встретить старые дома с большими окнами и наличниками, деревянными дверями, черепичной крышей.

Население Старотитаровской ценностно отличается от жителей других населенных пунктов Темрюкского района. Доля местного населения (казаков) в станице составляет порядка 70%, в то время как в других станицах района произошло постепенное замещение жителями из других регионов страны и ближнего зарубежья.

«Титаровец — это не место жительства, это национальность! Титаровцы шутят, что нигде нельзя говорить, что ты из Титаровки. Там (в других поселениях района) они совсем другие» (женщина, 60 лет, ст. Старотитаровская).

Старотитаровцы все еще сильно «привязаны к земле»: для них работа на земле является частью жизни. У многих местных жителей есть возделываемые участки (чаще сады), немного живности для себя. Несмотря на это, крупного рогатого скота в станице крайне мало. Правда, это связано с существенной трансформацией землепользования: на смену зерновым коллективным предприятиям пришли виноградарские хозяйства. Корову держать стало дорого — для нее необходимо покупать дорогое зерно.

У многих жителей на придомовых участках разбиты фруктовые сады: выращивается в изобилии черешня, яблоки, груша, слива (благоприятные агроклиматические локальные условия — близость к лиману). Урожай реализуется трейдерам из других регионов, что является важным дополнительным источником дохода. Сельское население постепенно отходит от ведения сельского хозяйства, о чем свидетельствует динамика структуры занятости населения и состояние некоторых участков (вместо привычных грядок можно встретить кусты роз и участки газона).

«Детей в семье в среднем двое, хотя три все больше. ЛПХ у всех, свои огороды содержат, сами огороды до 1,5 га. Садами занимаются на продажу — сгибаем спину в феврале и разгибаем только в октябре» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

«Наши местные вообще избалованные предприятиями нефтегазового комплекса и перевалкой. Средняя ЗП от 30 тыс. стартует. В поля молодежь наша не стремится» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

Населенный пункт отличается повышенной инерционностью развития, что связано с его удаленностью от береговой линии (на побережье Темрюкского района отмечаются наиболее интенсивные изменения — больше социально-экономических акторов). В свою очередь, это позволило станице сохранить свой исторический облик.

«До 2014 года жили как в раю! Мы были концом географии... Со строительством мостового перехода началось строительство дорог на Крым. Нас спасает еще то, что поток туристов идет мимо нас» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

«У нас рекреации нет! Я сказала, спасибо тебе, боже, что у нас ни одного метра ни Азовского, ни Черного моря» (женщина, 65 лет, Старотитаровская).

Тамань. Станица располагается на самом западе Таманского полуострова и является типичным представителем населенных пунктов смешанного функционального типа. Историческое прошлое станицы схоже с другими населенными пунктами в приморской зоне. Отличием является наличие в прошлом выраженных транзитных функций (переправа, паром в Крым), обусловленные географическим положением.

По некоторым социально-экономическим характеристикам Тамань схожа со Старотитаровской (год освоения, мера центральности, численность населения, динамика людности и т. д.). Существенные функциональные изменения в Тамани связаны со строительством портовой инфраструктуры в 2000-е годы (порт «Тамань»), далее — с присоединением в 2014 году Крыма к РФ, в результате чего значительно увеличился транзит через станицу.

Все это отразилось на полифункциональности сельского населенного пункта. В настоящее время в структуре занятости населения высока доля транспорта и промышленности (более 60% населения занято в портах). Высокий спрос на рабочую силу влияет на миграционный баланс территории (например, развит рынок сдачи жилья вахтовикам). Ведущими социально-экономическими акторами в поселении является транспорт и промышленность.

Основные выводы

Приморская сельская местность Юга России отличается региональными особенностями постсоветской трансформации, обусловленными ее южным и приморским положением. Территория исследования отличается повышенной ролью агросектора в жизни населения, высокой плотностью территории освоения, ростом численности сельского населения, наличием множества мест приложения труда в сельской местности, положительным миграционным балансом территории и т. д.

Это нестандартные для России социально-экономические условия развития сельской местности, в связи с чем трансформационные процессы в приморской сельской местности Юга России качественно иные (трансформация в пользу развития, а не сжатия сельской местности).

«Южность», «приморскость» и «транзитность» территории определяют сложное сочетание функций сельской местности в постсоветский период — селитебной, агропроизводственной, рекреационной, инфраструктурной, промышленной и др., что обусловлено появлением новых социально-экономических акторов. Сельская местность района отличается полифункциональностью, что определяет формирование совершенно иного облика сельской местности приморской зоны.

Географическое положение населенного пункта/территории является первостепенным фактором степени полифункциональности сельской местности, так как от него зависит количество и сочетание акторов, преобразующих сельскую местность. Чем географическое положение территории выгоднее (в случае Темрюкского района возрастание выгод связано с динамизмом транспортно-географического положения Юга России после распада СССР), тем более ценна земля и тем более разнообразны функции территории и сельских населенных пунктов.

Исследование приморской сельской местности Юга России и обзор существующих исследований показали, что полифункциональность характерна не только для сельской местности в зоне влияния крупных городов/агломераций или других единичных объектов с мощным социально-экономическим влиянием на сопредельные территории (например, Байкальская природоохранная зона), но и для южных территорий страны в зоне влияния моря.

Влияние Черного и Азовского морей, являющихся мощными факторами, неравномерно и территориально ограничено. Если на национальном и региональном уровнях это скорее масштаб Темрюкского района, то на внутрирайонном уровне — первые километры береговой линии. В результате происходит разделение района на два разных мира/реальности с совершенно разными сценариями трансформации — «берег» (повышенный динамизм развития) и «аграрная глубинка» (повышенная инерционность развития).

Многообразие функций южной приморской сельской местности определяет наличие уникальных функциональных типов сельских населенных пунктов с разной социально-экономической ситуацией. Функциональный тип сельского населенного пункта и его траектория постсоветской трансформации зависят от его географического положения.

Возрастание полифункциональности характерно для населенных пунктов вблизи береговой линии, что связано с максимальным сосредоточением различных акторов — рекреации, портов, промышленности и т. д. Именно в этой зоне располагаются населенные пункты полифункционального типа с максимальной трансформацией облика села в постсоветский период.

В отдаленных от береговой линии населенных пунктах функциональный тип большинства населенных пунктов сохранился с советского периода — отмечается инерционность развития сельской местности (как в других аграрных районах Краснодарского края). Глубинные сельские населенные пункты — это мир еще сохранившейся «аграрной глубинки».

Вместе с тем, согласно постсоветской динамике развития, социально-экономическая ситуация в большей части населенных пунктов ничем не отличается от населенных пунктов, например, в сельской местности Центра России. То есть развитие сельской местности вопреки высокой численности населения и плотности

освоения, наличия плодородной земли и прочего территориально происходит за счет полюсов роста — небольшого числа центральных населенных пунктов, которые концентрируют население и производство.

Анализ постсоветской динамики развития приморской сельской местности в контексте изменения государственных границ в 1991 году показал положительную динамику развития сельской местности за счет преимущественно экстенсивного роста — например, вовлечения в оборот заброшенной земли, привлечения мигрантов и т. д.

Будущее развитие территории сопряжено в первую очередь с пространственными ресурсами развития — в районе почти не осталось неиспользуемой, никому не принадлежащей земли, что является серьезной проблемой. Дефицит трудовых ресурсов при их избытке на аграрном юге был решен через масштабное привлечение мигрантов, пространственные же ресурсы в сельской местности ограничены.

Кроме того, решающую роль в траектории трансформации южной приморской сельской местности в дальнейшем будет играть геополитический фактор: изменится ли при присоединении новых территорий развитие Краснодарской части приморской зоны в связи с расширением береговой линии? Случай с присоединением Крыма показал повышенную чувствительность территории к подобным изменениям.

Библиография

- Аверкиева К. В. (2021). Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // Крестьяноведение. № 3. С. 90–110.
- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России: социология, этнология. № 1. С. 103–128.
- Алексеев А. И. (1988). Изменение функций сельской местности в староосвоенных регионах // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М. С. 84–91.
- Алексеев А. И. (1990). Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль.
- Алексеев А. И., Корюхин Д. А. (2017). «Инверсия» сельской урбанизации? // Вестник Московского ун-та. Серия 5. География. № 5. С. 103–105.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского ун-та. Серия 5. География. № 2. С. 66–76.
- База данных муниципальных образований регионов РФ. URL: <https://www.gks.ru/db-scripts/munst/munst8o/DBlnet.cgi> (дата обращения: 20–31.10.2022).
- Гаева И. В. (2010). Влияние функций сельских населенных пунктов на развитие сельской местности (Еврейская автономная область) // Вестник Бурятского Государственного ун-та. № 14. С. 138–142.
- Гусева Е. С. (2012). Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // Региональные исследования. № 2. С. 47–58.
- Данные Темрюкской районной администрации и администраций сельских поселений. URL: <https://temryuk.ru/> (дата обращения: 20–31.10.2022).

- Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова).
- Мальчикова Д. С. (2014). Планирование территорий и функции сельской местности: общест-венно-географический анализ // Географический вестник. Социальная и эконо-мическая география. № 3 (30). С. 47-53.
- Нефедова Т. Г. (2013). Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реаль-ность // Мир России. Социология. Этнология. № 1. С. 29-60.
- Нефедова Т. Г. (2012). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы геогра-фа. М.: УРСС.
- Нефедова Т. Г., Пэллот Д. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна ко-рова? М.: Новое изд-во.
- Пивовар Г. А., Алексеев А. И., Гавриленко А. С., Гусаков Т. Ю., Дельва К. И., Корюхин Д. М. (2018). Рост полифункциональности сельской местности: пример района на гра-нице Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 102-104.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10-18.06.2022).
- Рогова М. В. (2020). Территориальная трансформация прибрежных поселений и их окрест-ностей // Крестьяноведение. Т. 5. № 2. С. 130-140.
- Bórawski P. (2015). Multifunctional development of rural areas: international experience. 10.13140/RG.2.1.1163.7207.
- Iliopoulou P., Stratakis P., Tsatsaris A. (2008). Transformation of Rural Patterns in Greece in a European Regional Development Perspective // Regional Analysis and Policy. Contributions to Economics / H.Coccosis, Y. Psycharis (eds). Physica-Verlag HD.
- Long H., Ma L., Zhang Y., Qu L. (2022). Multifunctional rural development in China: Pattern, process and mechanism. Habitat International.
- Mitchell C. (2013). Creative Destruction or Creative Enhancement? Understanding the Trans-formation of Rural Spaces // Journal of Rural Studies. No 32. P. 375-387.
- Os J., Klundert A. F., Dietvorst A. G. J. (1995). Back to the future; new functions for rural areas in Europe // Environ. & Policy. No 5. P. 611-616.
- Qu M., Cheer J. (2020). Community art festivals and sustainable rural revitalisation. Journal of Sustainable Tourism. No 29. P.1-20.

New functions of coastal rural areas in southern Russia: On the example of the Temryuk district in the Krasnodar Region⁴

Linar R. Imangulov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Yaroslav K. Kuksin, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: yaza.kuksin@gmail.com

Abstract. The article considers new functions of the coastal rural areas in southern Rus-sia in the post-Soviet period. The authors identify regional features of the post-Soviet transformation of the coastal countryside, including the preservation of agrarian spe-cialization and employment, growth of the rural population, new functions of rural areas, positive migration balance, etc. Based on the dynamics of the available social-eco-nomic indicators (investments in fixed assets, population, migration, etc.), the authors

4. The study was financially supported by the Russian Science Foundation. Project No 21-17-00112.

show the intensity of transformations at the district and settlement levels. The main social-economic actors of rural transformation are agricultural enterprises (wineries), tourism, 'new Southerners', port facilities, etc., which affect the main components of rural areas — land use, transport and social infrastructure, employment and local communities. At the intra-district level, the authors suggest a typology of rural settlements based on the dynamics of transformations in the post-Soviet period and prevailing functions (recreational, agro-industrial or multifunctional). In the final part of the article, based on the in-depth interviews, the authors identify the post-Soviet trajectories of rural settlements of the same kind and administrative status but with different functions and locations — Golubitskaya, Starotitrovskaya and Taman. Based on the multi-scale analysis of the local rural transformations, the authors emphasize the key role of the geographic factor in the functional typology of rural areas.

Key words: geography of rural areas, rural areas, multifunctionality, geographical factor, investments, Temryuk district

References

- Averkiewa K. (2021) Postsovetskaya transformatsiya lesnyh poselkov na severe Nechernozemnoy [Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Black Earth Region]. *Russian Peasant Studies*, no 3, pp. 90–110.
- Averkiewa K., Nefedova T. (2016) Dachnaya "kolonizatsiya" rossijskoj glubinki. Primer Kostromskoj oblasti [Dachas and the colonization of rural areas by urban citizens in Russia: The case of the Kostroma Region]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, no 1, pp. 103–128.
- Alekseev A. (1988) Izmenenie funktsiy selskoj mestnosti v staroosvoennyh regionah [Changing functions of rural areas in the old-developed regions]. *Geograficheskie problemy intensifikatsii khozyajstva v staroosvoennyh rajonah*, Moscow, pp. 84–91.
- Alekseev A. (1990) *Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya)* [Multifaceted Village (Population and Territory)], Moscow, 1990.
- Alekseev A., Koryukhin D. (2017) "Inversiya" selskoj urbanizatsii ["Inversion" of rural urbanization], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 5, pp. 103–105.
- Alekseev A., Safronov S. (2015) Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Changing rural settlement in Russia in the late 20th — early 21st century], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–67.
- Baza dannyh munitsipalnyh obrazovaniy regionov RF [Database of municipalities in Russian regions]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst8o/DBInet.cgi>.
- Gaeva I. (2010) Vliyaniye funktsiy selskih naselennykh punktov na razvitiye selskoj mestnosti (Evreyskaya avtonomnaya oblast) [The impact of the rural settlements' functions on the development of rural areas (Jewish Autonomous Region)], *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo universiteta*, no 14, pp. 138–142.
- Guseva E. (2012) Transformatsiya funktsiy selskoj mestnosti Podmoskoviya za 20 let rynochnykh preobrazovaniy [Transformation of the rural areas' functions in the Moscow Region for 20 years of market reforms], *Regionalnye issledovaniya*, no 2, pp. 47–58.
- Dannye Temryukskoy rayonnoy administratsii i administratsiy selskih poseleniy [Data from the Temryuk district administration and rural settlements administrations]. URL: <https://temryuk.ru>.
- Kovalev S. (2003) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Smolensk.
- Malchikova D. S. (2014) Planirovaniye territoriy i funktsiy selskoj mestnosti: obshchestvenno-geografichesky analiz [Territorial planning and rural functions: A social-geographical analysis]. *Geografichesky vestnik. Sotsialnaya i ekonomicheskaya geografiya*, no 3, pp. 47–53.

- Nefedova T. G. (2013) Transformatsiya selskogo khozyaystva Rossii: mifologiya i realnost [Transformation of agriculture in Russia: Mythology and reality]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, no 1, pp. 29-60.
- Nefedova T. G. (2012) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: A Geographer's Answers], Moscow.
- Nefedova T. G., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe khozyaystvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why Do We Need a Cow?], Moscow.
- Pivovarov G. A., Alekseev A. I., Gavrilenko A. S., Gusakov T. Yu., Delva K. I., Koryukhin D. M. (2018) Rost polifunktionalnosti selskoy mestnosti: primer rayona na granitse Moskovskoy aglomeratsii [Increasing multifunctionality of rural areas: A district on the border of the Moscow agglomeration]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 102-104.
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Social-Economic Indicators]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
- Rezultaty glubinyh interv'yu s naseleniem, predstaviteleyami mestnyh administratsiy i predpriyatiy Temryuk'skogo rayona Krasnodarskogo kraja, 09-20.08.2022 [Results of the in-depth interviews with the population, representatives of local administrations and enterprises in the Temryuk district of the Krasnodar Region, 09-20.08.2022].
- Rogova M. V. (2020) Territorialnaya transformatsiya pribrezhnyh poseleniy i ih okrestnostey [Territorial transformation of coastal settlements and their neighborhood]. *Russian Peasant Studies*, no 2, pp. 130-140.

«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»¹

Штефан Мерль

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. В рамках нашей традиционной рубрики «Интервью с исследователем» представляем здесь избранные фрагменты из биографических воспоминаний Штефана Мерля, профессора Билефельдского университета, известного исследователя аграрной экономики и политики советского государства. Текст воспоминаний написан в форме ответов на вопросы, которые сформулированы вместе Штефаном Мерлем и его давним коллегой и другом Александром Никулиным. Вопросы задают направление для размышлений ученого над своей биографией в значительной степени связанной с изучением истории, культуры России, в особенности с исследованием судеб российского села, трагедии коллективизации, изгибов советской аграрной политики. В этих воспоминаниях отразились драматические эпизоды европейской истории второй половины XX века, часть из которых автор пережил сам, а другие исследовал с точки зрения своих научных изысканий. Свойственные профессору Мерлю феноменальное трудолюбие, глубокое знание исторических источников и исследовательская объективность позволили ему по-новому взглянуть на причины событий, которые стали историей совсем недавно либо даже становятся историей сейчас. Здесь мы публикуем отрывок из его воспоминаний, полный текст которых планируем издать в следующем году в книжной серии библиотеки журнала «Крестьяноведения».

Ключевые слова: Россия, Германия, СССР, сельское хозяйство, коллективизация, аграрная политика, перестройка

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-131-163

Детство, юность, учеба в школе и в институте: как получилось, что я стал учить русский язык и как сложилась тема моей диссертации

Я родился в сентябре 1947 года в Гамбурге. Дом, в котором я рос, построил мой дед в начале 1930-х годов. Вокруг дома разбит сад площадью около десяти соток. Все это находится на северо-восточной окраине Гамбурга. Я до сих пор живу в этом доме, если не считать отъезды по работе и другим делам.

1. Перевод с немецкого Л. А. Овчинцевой, редактирование А. М. Никулина, И. А. Кузнецова

Мое детство пришлось на первые послевоенные годы, связанные с лишениями. Мы держали кур, в саду был устроен огород. После войны в Гамбурге с жильем было трудно, и жителей разбомбленного центра города расквартировывали в уцелевших зданиях на его окраинах. В нашем небольшом домике ютились 12 человек, включая нашу семью.

Возможно, вам будет интересно узнать, как на мою семью повлияла миграция. В конце XIX века мои прабабушка и прадедушка переехали из села в город. Мой дед в детстве разносил молоко (по-видимому, мои прадеды имели небольшой молочный магазинчик).

Мой отец родился в 1924 году в городе Тёрёкбалинт, недалеко от Будапешта. Во время войны он приехал в Гамбург, чтобы получить коммерческое образование. Здесь он познакомился с моей матерью. Сестра моей мамы, Долли, в начале 1950-х годов эмигрировала в США, на что ее подвигли среди прочего стесненные жилищные условия. Там уже несколько десятилетий жили наши родственники, с которыми моя семья поддерживала связь. В США Долли познакомилась с черкесом Рашидом. Во время Второй мировой войны он вынужденно воевал на стороне немцев, поэтому не смог вернуться в Советский Союз, а эмигрировал в США, где и встретил Долли.

В Венгрии остались наши родственники, которых я посетил во время летних школьных каникул 1966 года, что дало мне первый опыт знакомства со странами «за железным занавесом». Больше всего мне понравился Будапешт — замечательно красивый город, живописно расположенный по обоим берегам Дуная. Но я также увидел и следы от пуль на стенах знаний, оставшиеся на многих домах в центре города после событий Народного восстания 1956 года.

Моя первая поездка в США состоялась летом 1971 года и оставила глубокие впечатления. В школе я всегда очень плохо говорил по-английски. В семье Долли я оказался в англоязычной среде, где многие говорили по-английски с ошибками, я быстро перестал стесняться и разговорился. В кругу знакомых семьи Долли я повстречал некоторых оказавшихся в эмиграции черкесов и столкнулся с совершенно новым для меня образом жизни. Даже в США черкесы продолжали поддерживать свои патриархальные обычаи, так, женщинам не разрешалось общаться с мужчинами. Рашид, муж Долли, рассказал мне о своей юности в Советском Союзе, о том, как была «раскулачена» его семья, как погиб их скот, как он жил и работал в колхозе. Были у него и положительные воспоминания, большей частью касавшиеся расширения доступа к образованию в 1930-х годах.

Я воспользовался существовавшими тогда весьма неплохими и очень бюджетными возможностями, чтобы совершить путешествие по Соединенным Штатам. Я купил месячный проездной билет на автобус компании «Грейхаунд», а в то время в центре городов рядом с автобусными станциями все еще существовали пусть

и ветхие, но очень недорогие отели. Я проехал через всю страну с Восточного побережья до Западного, посетив по пути несколько очень впечатляющих национальных парков, а также повстречался со многими людьми. Помню отца одной моей знакомой, врача и мормона. Он был твердо убежден в том, что немецкая система социального обеспечения и здравоохранения, гарантировавшая здоровье и безопасность всего населения, должна расцениваться как «социалистическая» и, следовательно, предвзятая. В то время этого мнения придерживалось большинство американцев. Так я впервые осознал, насколько взгляды и ценности многих американцев отличались от того, с чем я был знаком в Германии.

Как вышло, что в школе я изучал русский язык, хотя рос в Федеративной Республике Германия

После начальной школы я поступил в гимназию. С 5-го класса начал учить английский язык, с 7-го класса к нему присоединилась латынь. В старших классах я стал брать уроки французского как второго иностранного языка. Также я выбрал математику и естественные науки. Это имело значение для моего дальнейшего образования — немногие историки достаточно хорошо разбираются в математике и статистике.

В 1960-х годах изучение русского языка в школах было обязательным в Восточной Германии, а в Западной Германии едва ли можно было найти школу, где преподавали русский. Но в 1965 году в нашей школе благодаря случайности появился учитель русского языка, и я принял решение отказаться от латыни (которую потом пришлось доучивать в университете) и вместо этого учить русский (уж точно не помню, по какой причине). В любом случае, это существенно повлияло на мой дальнейший жизненный путь. Конечно, при принятии решения сыграли свою роль политические настроения того времени, повышение проницаемости «железного занавеса», и то, что мы сделали это вместе с друзьями-одноклассниками. Несомненно, сыграла свою роль и своего рода экзотическая привлекательность русского языка с его кириллицей. Уроки русского доставляли нам удовольствие. Начало некоторых стихотворений на русском помню до сих пор, например: «Чижик, Чижик, где ты был? — На Фонтанке водку пил». Так и вышло, что я закончил гимназию со знанием русского языка, что было очень необычно для тогдашней ФРГ.

Изучение истории в контексте студенческого протестного движения

Моя учеба в университете началась после завершения армейской службы с летнего семестра 1969 года. Студенческое движе-

ние в университетах было в самом разгаре, в то же время начались реформы структуры и содержания образования. Первые семестры были отмечены демонстрациями против издательства Шпрингера и войны во Вьетнаме, на демонстрациях все время скандировали «Че Гевара».

В то время в учреждениях высшего образования активно действовали политические группы: социалисты, социал-демократы, «Спартак», коммунисты. Левые партии привлекали политически активных студентов, но меня удерживало подкрепленное фактами знание советской истории. Членство в «Спартаке» потребовало бы отрицать факт голода в Советском Союзе в 1932–1933 годах с миллионами жертв — я не был готов к этому. Из множества надежных источников я знал, что это был голод со всеми его катастрофическими демографическими последствиями.

В качестве предметов для специализации я выбрал историю и политику, но затем политику включили в курс истории, и я взял славистику с тем, чтобы по окончании университета стать преподавателем истории и русского языка.

С сегодняшней точки зрения я бы отметил один момент, который сильно повлиял на мою учебу в университете, а затем и на мои научные исследования. Многие студенты в то время всерьез были озабочены улучшением образования, поиском более значимого содержания. Многие были готовы буквально посвятить себя учебе и тратили очень много сил на самостоятельные занятия. Вместе с несколькими преподавателями мы опробовали тогда новые методы и формы обучения. Такой вовлеченности студентов и такого стремления к знаниям мне, как преподавателю университета, теперь все больше не хватает. Особенно после 2000 года многие студенты ограничиваются всего лишь получением минимальных проходных оценок.

Для нас реформа структуры и содержания образования была приоритетом. Совет факультета избрал меня членом Комиссии по реформе образования. Мы выступали за переход к так называемому углубленному изучению (*exemplarisches Lernen*), сконцентрированному не на передаче фактических знаний и исторических данных, а в большей степени на всестороннем и глубоком изучении отдельных тем и выполнении всех необходимых этапов работы, включая поиск наиболее подходящих методов для исследования каждой отдельной темы. На семинарах мы практиковали групповую работу, старались, чтобы это было не формально, и таким образом достигалась проработка всех тем всеми участниками, и только формулировка отдельных разделов выполнялась отдельными людьми. Одной из тем, над которой работала наша группа, были восстания рабов в древней истории. Помню, что один молодой преподаватель был поражен тем, сколько времени мы потратили на проработку темы и разбор состояния исследований.

Как получилось, что я выбрал тему из российской истории (аграрный рынок и НЭП) для своей дипломной работы в университете, а затем и для диссертации

Штефан Мерль
«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»

Тема моей диссертации возникла в результате учебного эксперимента, который организовал наш преподаватель доктор Проэль. Он и раньше нередко предлагал темы, касавшиеся Восточной Германии, а в этот раз предложил разобрать «Причины и последствия событий 17 июня 1953 года в ГДР». 17 июня в ГДР произошли демонстрации, которые начались с забастовки строителей проспекта Сталина в Берлине и затем быстро переросли в массовое протестное движение, в конечном итоге закончившееся вводом советских войск. Мы готовили семинар в студенческой рабочей группе, занимались во время каникул вместе с лектором.

Мы выяснили, что восстание строителей произошло вследствие «нового курса», который советские лидеры после смерти Сталина навязывали Восточной Германии (а также Венгрии), с целью остановить растущее недовольство населения прежним курсом. «Новый курс» предусматривал приостановку начатой принудительной коллективизации сельского хозяйства и продиктованного Сталиным курса на индустриализацию, направленного на достижение народнохозяйственной автаркии каждой страны. Вальтер Ульбрихт после этого сознательно спровоцировал строителей, которым он не отменил ненавистного для них повышения нормы выработки — это Москва забыла приказать. Фактически это означало снижение заработной платы для строителей, в то время как для других групп населения вступили в силу послабления, направленные на прекращение массового бегства из Восточной Германии в Западный Берлин и в Федеративную Республику Германия.

Как известно, восстание предотвратило смещение Ульбрихта, которое на самом деле планировал Берия. Это стало роковым событием для самого Берии, привело к изменению политического курса и, к большому неудовольствию Хрущева, поставило под сомнение дальнейшую коллективизацию сельского хозяйства. Непреднамеренно забастовка строителей в конечном итоге дала противоположный, нежели планировался, результат: она позволила Хрущеву успешно начать интригу против Берии, которая летом 1953 года привела к его аресту и в конечном итоге к его расстрелу на основе сфальсифицированного приговора. При этом Хрущев и его товарищи на июльском пленуме 1953 года даже не побоялись возложить вину за сталинский террор на Берию. Более того, они выдали себя тем, что разоблачили Берию как «иностранного шпиона», и этой ложью прикрывались потом десятки лет. Все это решающим образом повлияло на дальнейший ход советской истории. Таким образом, Хрущеву удалось отстранить от власти сначала Берию, а потом и Маленкова — двух партийных лидеров, которые весной 1953 года решительно выступали за десталинизацию.

Главной темой наших дальнейших изысканий в течение следующих семестров стало изучение того, что это была за система, которую навязывали Восточной Германии, поэтому мы обратились к России до прихода к власти большевиков: как проходила индустриализация до революции, как возник аграрный вопрос. Третий семестр был посвящен экономической и социальной политике большевиков: военному коммунизму и новой экономической политике, форсированной индустриализации и коллективизации. На этом этапе мне нужно было выбрать тему для своего диплома и выпускного государственного экзамена. Принимая во внимание мои познания в русском языке, я хотел сделать что-нибудь о России. И новая экономическая политика заинтересовала меня как мера, альтернативная принуждению к коллективизации и террору 1930-х годов. Меня интересовал вопрос, действительно ли новая экономическая политика была обречена на провал? Чтобы ответить на него, я решил изучить рынок продукции сельского хозяйства: были ли перспективы крестьянского сельского хозяйства столь плохими, как представлял их Сталин.

В дипломной работе я попытался выяснить, будет ли мой методологический подход, основанный на систематической оценке современных публикаций, особенно научных журналов, подходящим для получения новых результатов и повышения уровня исследований. В качестве темы я выбрал «Зерновой кризис 1927–1929 годов и его причины». Предварительное уточнение состояния исследований показало, что (фактическому) социальному и экономическому развитию во время НЭПа ранее уделялось мало внимания. Я обнаружил обширные материалы, в том числе статистические, которые еще не были изучены. Я был поражен тем, сколько обследований социальной дифференциации крестьян и сельскохозяйственного рынка было осуществлено в 1920-х годах специалистами в рамках подготовки к планированию, качество которого зависело от имеющейся базы данных. Даже по первым оценкам имевшихся материалов, стало понятно, что стандартный рассказ о провале НЭПа явно противоречил экономическим фактам. Было очевидно, что продолжение НЭПа было бы не только благоприятно для крестьян, но и обеспечило бы гораздо более прочную основу для форсированной индустриализации.

Таким образом, сформулированный тогда вопрос о причинах и последствиях событий 17 июня 1953 года в ГДР навел меня на изучение новой экономической политики и советской аграрной экономики. Следовало опровергнуть ошибочный тезис о том, что коллективизация была необходимой для индустриализации. (Причем его можно встретить до сих пор, например, в недавней публикации видного историка В. В. Кондрашина².)

2. *Кондрашин В. В.* (2021). НЭП в контексте аграрных реформ в России эпохи индустриальной модернизации // *Российские экономические реформы*

Тогда же я обнаружил, что важные советские журналы были доступны в Гамбургском архиве мировой экономики, имелись и другие материалы, в том числе архив журналов в Институте мировой экономики в Киле. В январе 1975 года я закончил учебу в университете, моя дипломная работа получила очень хорошую оценку на государственном экзамене, равно как и устные экзамены. С работы над диссертацией началось мое вхождение в научную деятельность.

Как проходила работа над диссертацией, какие контакты были важны при этом, какие впечатления остались от первой исследовательской поездки в Советский Союз?

Тема «Сельскохозяйственный рынок и новая экономическая политика» очень подходила для оценки советского эксперимента и привлекала внимание западных исследователей того времени. Дискуссионным оказался вопрос о том, действительно ли уход от новой экономической политики в сторону тотального принуждения в экономической и социальной сферах в целях ускорения индустриализации страны был так уж необходим для того, чтобы в оставшееся до гитлеровского вторжения в 1941 году десятилетие страна экономически достаточно окрепла. В начале 1970-х годов это утверждение все больше ставилось под сомнение западными исследователями, которые пытались выяснить, а не был бы НЭП жизнеспособной альтернативной стратегией социалистического строительства и быстрой индустриализации. И действительно ли коллективизация сельского хозяйства являлась необходимым условием форсированной индустриализации? В этом сомневались, например, Моше Левин и Роберт Такер, но особенно Джордж Ф. Карч (George F. Karcz), который изложил свою точку зрения в работе «Сельское хозяйство и экономика советского развития» (1965) и в различных эссе. Джеймс Р. Миллар также выступал против официальной советской точки зрения, в то время как Эвард Х. Карр и Роберт У. Дэвис были склонны объяснять развитие событий трудностями индустриализации в стране, где доминировало мелкое крестьянское хозяйство. Среди советских историков Виктор Данилов, в частности, высказал сомнения в правильности решения о проведении коллективизации.

В марте 1973 года я впервые связался с Карлом-Ойгеном Вединским, в то время лучшим знатоком советского и восточноевропейского сельского хозяйства в Германии, который преподавал в Университете Юстуса Либиха в Гиссене. Он незамедлительно ответил

в региональном измерении. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / Отв. ред. В. А. Ильиных, В. М. Рынков. Новосибирск. С. 241–249.

и указал мне на материалы Смоленского архива, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне. Также он посоветовал мне связаться с Моше Левином. К моему плану провести исследования в архивах Советского Союза он отнесся скептически.

Я поехал за свой счет в США летом 1973 года, чтобы ознакомиться с имеющимися там материалами и установить первые контакты с историками, изучавшими Восточную Европу. В Публичной библиотеке в Нью-Йорке я обнаружил довольно обширные фонды с материалами о Советском Союзе. Из Нью-Йорка я отправился в Бостон, чтобы изучить фонды библиотеки Уайденера и архив Троцкого. В Калифорнии я обратился в Институт Гувера при Стэнфордском университете, который располагал внушительными архивными материалами и личными фондами, которые были переданы по завещаниям. В Стэнфордском университете я познакомился, в частности, с Бертрамом Вулфом и Дороти Аткинсон. В университете в Беркли мне удалось встретиться с Р. Зельником. На обратном пути я заехал в Колумбийский университет, где познакомился с Раффом и Эрлихом.

Чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли отход от НЭПа был необходимым следствием социально-экономического развития деревни 1920-х годов, я прежде всего хотел уточнить, насколько эффективно действовало государственное регулирование производства и сбыта в крестьянских хозяйствах. В этом контексте решающее значение приобрела система сельскохозяйственных кооперативов 1920-х годов. Поэтому первоначально я планировал сравнить проблемы объединения крестьян в кооперативы в двух отдельных российских регионах (формулировка темы в июле 1973 года: «Развитие кооперативной организации мелких крестьян-производителей в Советском Союзе в 1921–1929 гг.»). Это предполагало доступ к материалам архивов на местах, поэтому я обратился в Германскую службу академических обменов (DAAD) с просьбой о ежегодной стипендии для поездок в Советский Союз. Мое ходатайство было отклонено. С сегодняшней точки зрения, я должен сказать, что это был подарок судьбы, хотя в то время я был очень расстроен. Отказ заставил меня изменить подход и изучить вопрос о ходе НЭПа на основе имевшихся материалов, опубликованных центральными органами власти. Благодаря этому я лучше понял механизм действия центральных политических структур Советского Союза, и это повысило обоснованность моих выводов. Но что еще более важно, отказ в предоставлении гранта для работы в Советском Союзе открыл для меня возможность подать заявку на стипендию для поездки в Соединенные Штаты. Там был доступен для оценки практически весь материал, опубликованный в СССР. По сравнению с затруднительными условиями работы в Советском Союзе, о которых я составил удручающую картину во время исследовательской поездки осенью 1976 года, это было огромным преимуществом.

Поездка в США позволила мне максимально эффективно использовать ограниченное время: здесь я без проблем получил доступ к важным для меня материалам. В Стэнфорде помимо архивов я смог просмотреть личные фонды (в том числе и наследие Карча). В Национальном архиве в Вашингтоне я получил доступ к хранящимся там фондам Смоленского партийного архива. Самое главное, я обнаружил, что везде, в том числе в архивах, имелись отличные возможности для копирования — я воспользовался этим, и обширный скопированный материал мог затем спокойно обрабатывать в Германии.

При осмыслении методических подходов к диссертации решающую роль сыграли материалы Смоленского партийного архива. Это дало мне представление о механизмах государственного управления и работе региональных партийных организаций, что невозможно было понять из публикаций. Познавательная ценность этого архивного материала стала очевидной благодаря Мерлу Файнсоду, который просмотрел и проанализировал этот материал в Соединенных Штатах и представил в своей публикации «Смоленск при советской власти» (1958). Это еще одно доказательство того, насколько плодотворной была оценка этого архивного комплекса для понимания функционирования советской системы. Смоленский партийный архив изначально был захвачен немцами в 1941 году, после окончания войны американцы перевезли его в Вашингтон, где он хранился в Национальном архиве до возможного возвращения Советскому Союзу³. Для меня советские архивы в то время в принципе оставались бы закрытыми, а этот материал позволил мне получить очень ценный и совсем не очевидный взгляд на советскую систему. Его изучение раскрыло мне, как функционировало партийное управление.

Осенью 1976 года, благодаря только что начавшемуся сотрудничеству между Гамбургским университетом и Ленинградским государственным университетом (ЛГУ), я все же получил возможность поехать в Советский Союз на три месяца. У меня завязались хорошие контакты с профессором Лавровым и доцентом Ириной Олегиной. Потом даже выяснилось, что экономист Леонид Широкопад, который привлек мое внимание интересными публикациями по экономической теории, был ее мужем. До этого случая я не знал, что супруги в СССР могут носить разные фамилии. Я был несколько раз у них в гостях, из их квартиры открывался великолепный вид на Неву и на крейсер «Аврора», пришвартованный у противоположного берега реки. И с ними, и с Лавровым я поддерживал активную переписку. К сожалению, Ирина, пережившая немецкую блокаду Ленинграда в детстве, скончалась несколько лет назад. Этот постоянный обмен мнениями на протяжении почти полувека представляет для меня особый интерес еще и потому, что дает мне воз-

3. Архив возвращен в Россию в 2002 году.

возможность наблюдать изменения взглядов и условий жизни в России на примере конкретных людей.

В ЛГУ меня поселили в гостинице «Советская», при которой был открыт магазин «Березка», весьма интересовавший некоторых моих русских знакомых. Кроме того, я получал совершенно царскую по тем временам стипендию в размере 300 рублей ежемесячно. Условия для работы в ленинградских библиотеках были сравнительно хорошими, но возможности для копирования практически отсутствовали. Мой рабочий день обычно шел по плану: с утра я работал в Публичке⁴, около 13.30 направлялся на «шведский стол» гостиницы «Европейская», а затем шел в библиотеку Академии наук, расположенную рядом с университетом. О ситуации с доступностью продовольствия в Ленинграде за пределами гостиницы «Европейская» я вспоминаю с ужасом — это была эпоха «рыбных дней». Даже в гостинице «Советская» питание было крайне ограничено, постоянно в наличии была только икра и полусладкое советское шампанское.

Для знакомства с неопубликованными диссертациями советского периода по теме моей работы мне потребовалась командировка в Москву, где пришлось преодолеть немалые бюрократические препоны, чтобы в конце концов получить доступ к диссертациям. Но для моей научной работы самым важным было то, что эта командировка позволила мне впервые встретиться с Виктором Даниловым. С его сочинениями я был хорошо знаком, и поэтому, конечно же, хотел встретиться с ним в Институте истории. Получился очень интересный разговор. После этой встречи мы поддерживали тесные контакты вплоть до его смерти.

Я также использовал свою стажировку для осмотра достопримечательностей. Поскольку я говорил по-русски, то позволял себе выехать за пределы 30-километровой зоны вокруг Москвы и Ленинграда, разрешенной для посещения иностранцам из стран Запада, так как считал, что в случае проверки могу сойти за немца из ГДР, а на граждан соцстран эти ограничения не распространялись. Так я познакомился не только с историческими памятниками Шлиссельбургской крепости, Владимира и Суздаля, но и с характерными чертами советского строя. Во время поездок по США на автобусах «Грейхаунд» я видел ужасную нищету, которую я не наблюдал в Германии, еще большую бедность и алкоголизм населения как часть повседневной жизни в рамках советской системы можно было наблюдать, только покинув 30-километровую «зону для иностранцев».

4. Российская национальная библиотека, до 1992 года — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Пока я писал диссертацию, я приобрел и практический опыт в сельском хозяйстве. Моя сестра увлекалась верховой ездой и завела исландских лошадей. Как-то так само собой получилось, что мы оказались оба вовлечены, и в конце концов я стал отвечать за их содержание (к тому времени их число достигло десяти). В стаде гулял жеребец, так что иногда мы получали по три жеребенка в год. Я совершал прогулки верхом по окрестностям в радиусе до 50 км. Это было хорошей разрядкой и компенсировало напряженную сидячую работу.

Для содержания наших лошадей мы арендовали около 6 га пастбищ всего в километре от нашего дома. В уходе за животными нам помогали девочки-подростки, каждая заботилась об одной лошади и могла потом кататься на ней. Исландских лошадей можно держать на пастбище круглый год, у них достаточно густая вьюнная шерсть, поэтому необходимые затраты на их содержание, включая аренду пастбища, были не очень велики, тем более что мы также могли продавать взрослых жеребят. Чтобы сократить расходы, мы сначала вручную вилами собирали сено для кормления зимой, работника нанимали только для сенокоса и прессования сена. В погодных условиях Гамбурга главной задачей было выбрать подходящее время для сенокоса, чтобы после укоса не было дождя и сено смогло просохнуть в течение пяти дней. Эту задачу я обычно решал хорошо.

Учитывая, что найти работника на сенокос было довольно трудно, так как работать надо было с раннего утра до позднего вечера и пока стояла хорошая погода, я решил перейти на механизацию. Приобрел по разумной цене старый трактор, к нему роторную косилку и сеноворошилку. Косить и ворошить сено я отныне мог сам, используя трактор. Эти мои занятия дали мне ценную информацию для оценки использования тракторов в Советском Союзе. Пока моя работа была вблизи дома (с конца 1970-х до конца 1980-х), я мог взять недельный отпуск для кошения сена. Но после того как с 1989 года я стал работать в Гиссене, такой возможности больше не было. Уже в 1980 году нашего жеребца пришлось кастрировать, и жеребят больше не было. Число лошадей сократилось, а несколько наших лошадей достигли почтенного возраста 36 лет.

С одной из девушек, катавшихся с нами, я подружился. В конце концов мы поженились в 1983 году. На выходе из церкви после церемонии бракосочетания нас встретила группа наших друзей верхом на лошадях, и эта дружеская кавалькада нас торжественно сопровождала, что было очень трогательным зрелищем. В 1984 году родился мой старший сын Кристоф, а в 1986 году — младший Тобиас.

Таким образом, кроме изучения советского сельского хозяйства и мелкого крестьянства 1920-х годов, я одновременно приобрел и практический опыт в содержании небольшого стада лошадей.

Как с моей темой диссертации мне удалось войти в профессиональную жизнь? Работа в качестве научного сотрудника по специальности «экономическая и социальная история» в Свободном университете Берлина, расширение моих международных связей (годы с 1980-го по 1988-й)

Мое обучение в Гамбургском университете завершилось в 1980 году. Я сдал два госэкзамена, защитил кандидатскую диссертацию, прошел обязательную практику. Теперь мне нужно было найти работу. Я не рассматривал всерьез перспективу стать учителем в школе, потому что хотел продолжить работу на академическом уровне. Кроме того, трудоустройство в школе по моей специальности в то время было довольно сложным. Ключевым условием для начала академической карьеры являлось наличие опыта преподавания в университете. Мне удалось устроиться преподавателем в университеты Гамбурга и Билефельда на летний семестр 1981 года. В обоих университетах я продолжил преподавать и в следующем зимнем семестре. В Билефельде я выбрал в качестве темы для курса: «Сталинизм и культурная революция».

Найти работу было непросто. Большинство моих заявок отклоняли, но должно же было мне в конце концов повезти. Я подавал заявки не только на вакансии по истории Восточной Европы. Тема моей диссертации также была тесно связана с экономической и социальной историей, поэтому я подал заявку на вакансию научного сотрудника по экономической и социальной истории в Свободный университет Берлина. Мое заявление попало к заведующему кафедрой Вольфраму Фишеру. Он был одним из самых известных ученых в области экономической и социальной истории и руководил в университете институтом с обширной библиотекой, одновременно он исполнял обязанности редактора справочника по европейской экономической и социальной истории. Для пятого тома главу о России (1850–1914) написали Аркадий Кахан и Дитрих Байрау, для шестого тома требовалась глава о России и Советском Союзе (1914–1980). Вольфрам Фишер обратился сперва к своему коллеге в области экономики из Свободного университета Берлина, но что-то не складывалось, поэтому на всякий случай он искал другого подходящего и достаточно квалифицированного автора. Вольфрам Фишер пригласил меня на собеседование в Берлин для знакомства, а чтобы в случае необходимости привлечь меня к этой работе, поспособствовал получению мною гранта для моего нового

исследовательского проекта «Развитие советского колхозного строя в тридцатые годы». Грант фонда Fazit был выделен в середине августа 1980 года: я получил хорошую стипендию (включая командировочные) на два года, начиная с сентября 1980 года, а в апреле 1981 года ученый-экономист отказался от написания статьи в шестой том, так что в июне 1981 года я подписал с издательством контракт на ее подготовку.

Подготовка справочной статьи «Россия и Советский Союз, 1914–1980» была для меня непростой задачей. Нужно было собрать и оценить данные по всему ходу экономического развития Советского Союза, а не только по сельскохозяйственному сектору. Необходимо было написать четыре раздела: раздел «Население» был посвящен сбору и интерпретации демографических данных, раздел «Общество» — данным о социальном расслоении, занятости, условиях труда, уровне жизни и образовании. В разделе «Экономика» рассматривались основные характеристики общего экономического развития, данные о сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, внутренней и внешней торговле, и, наконец, в разделе «Государство и экономика» — система планирования, денежно-кредитная политика, банковское дело, кредитование, налоговая система и государственный бюджет. Я опирался на солидную источниковую базу, в которой рассматривались не только советские данные и ставилась проблема объективности расчетов, но и предлагались альтернативные оценки. Сопоставление мнений различных экспертов, включая экспертов ЦРУ, дало мне фундаментальные знания по оценке экономических данных. Очевидно, что данными о процентном росте было легко манипулировать и, следовательно, они не имели большого значения. Сбор и оценка данных принесли мне большую пользу: я получил базовые экономические знания о ходе советского экономического эксперимента до 1980 года. Четко обозначились успехи и неудачи советской политики, например, оказавшие долгосрочное влияние катастрофические последствия уничтожения сельскохозяйственных производственных ресурсов в ходе принудительной коллективизации. Я получил представление об этапах форсированной индустриализации и о новом кризисе экономического роста, начавшемся уже в 1937 году. Четко обозначилась устойчивая тенденция к снижению темпов роста, в 1960-х годах рост еще более снизился. Основываясь на этом материале, в последующие годы я продолжал вносить свой вклад в оценку советской экономической модели. Изучение ее слабых сторон стало одним из направлений моих исследований⁵.

5. См., например: *Мерль Ш.* (2017). Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: Ежегодник 2016/17. М.: ИРИ РАН. С. 303–349.

Немногие историки оказываются компетентными в оценке экономических данных, поэтому мое обсуждение проблемы аграрного рынка и приобретенный мною опыт исследования этапов советской экономической политики стали важной основой для моей дальнейшей научной работы. Моя статья была опубликована в 6-м томе «Европейской экономической и социальной истории» в 1987 году и получила очень положительные отзывы⁶.

Вольфрам Фишер дал мне еще одно сложное задание: я должен был представить доклад о Советском Союзе на его секции «Экономические ограничения и возможности для развития в экономической и социальной политике в межвоенный период» на конференции «День немецких историков» в Мюнстере в октябре 1982 года. Это потребовало одновременно продумать и возможные варианты, и адекватно представить результаты моей работы по коллективизации сельского хозяйства. Я отталкивался от исследований моих предшественников, согласно которым советская экономическая и социальная политика определялась прежде всего материальными ограничениями. Я считал, что решение о форсированной индустриализации ни в коем случае не являлось результатом планомерного управления национальной экономикой, а было продиктовано волюнтаристскими установками партийного руководства. Я описал, как изменился уровень принятия экономических решений по сравнению с предыдущим периодом царской России, насколько широким был спектр предложений экспертов по индустриализации в середине 1920-х годов и как в конечном итоге сталинские репрессии и его волюнтаристские представления о том, что деньги уже не имели значение для регулирования экономики в 1927–1929 годах, привели к ослаблению возможности управлять экономическими процессами, и в конце концов эта возможность была полностью утрачена из-за истощения ресурсов и высокой текучести рабочей силы. Я показал, что именно нехватка тракторов в условиях давления, оказываемого на хозяйственные органы, способствовала все большему ускорению темпов коллективизации и, таким образом, привела к уничтожению поголовья лошадей. Наконец, что относительный успех форсированной индустриализации вообще стал возможен только благодаря непредсказуемому мировому экономическому кризису. Советское руководство извлекло из этого выгоду отнюдь не только в пропагандистском плане. Нападение Сталина на крестьян уже ранее в значительной степени уничтожило ресурсы, необходимые для экспорта зерна, и, таким образом, падение мировых цен на сельскохозяйственную

6. *Merl S.* (1987). *Wirtschafts- und Sozialgeschichte Rußlands und der Sowjetunion 1914–1980* // Wolfram Fischer (Hg.), *Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte vom Ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart* (Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Bd. 6), Stuttgart. S. 640–728.

продукцию почти не нанесло ущерба Советскому Союзу. Но он получил огромную выгоду в годы первой пятилетки, потому что в результате Великой депрессии советские заказы на промышленное оборудование не только были выполнены немедленно, но советской стране был предоставлен кредит, в первую очередь со стороны Германии. Вследствие кризиса безработные специалисты были приняты на работу. В разделе, посвященном социальной политике, я описал, как при Сталине режим, который изначально был прогрессивным в некоторых областях, трансформировался в репрессивные меры по отношению к трудящимся. В качестве выводов я предложил переосмыслить подходы и оценки сталинского периода⁷.

Решающий вклад в мое международное общение с учеными, работающими над аграрной политикой Восточной Европы, внесло мое участие в «Международных конференциях по советскому и восточноевропейскому сельскому хозяйству» при посредничестве Карла-Ойгена Ведекина. Эта группа экспертов была собрана благодаря контактам Ведекина в США. На встречах речь шла об обмене мнениями и знаниями о развитии сельского хозяйства и его перспективах в Восточной Европе и, в частности, в Советском Союзе. Присутствовал также большой интерес с точки зрения экономики и политики безопасности после того, как Советский Союз увеличил спрос на зерно на мировом рынке и таким образом повлиял на цены. В первую очередь США и Франция как экспортеры зерна были заинтересованы в прогнозировании будущего развития советского сельскохозяйственного производства и, следовательно, спроса на зерно. Среди участников из США, помимо ученых, которые преподавали в университетах, были эксперты Министерства сельского хозяйства и люди, с начала 1950-х годов занимавшиеся научными исследованиями функционирования советской системы. Со стороны Германии приняли участие эксперты Центра континентальных сельскохозяйственных и экономических исследований из г. Гиссена. Также были приглашены отдельные эксперты из социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Впервые я принял участие в 7-й конференции по советскому и восточноевропейскому сельскому хозяйству, которая состоялась в Гриньоне, недалеко от Парижа в июле 1984 года и была организована Дени Бергманом. Среди представивших свои доклады было много известных имен: Алек Ноув, Михаил Эллманн и Рой А. Лэрд. Базиль Кербле прокомментировал мой вклад в изучение роли советского сельскохозяйственного сектора в процессе развития. Гре-

7. *Merl S.* (1985). Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit / Wolfram Fischer (Hg.). St. Katharinen. S. 175–229.

гор Лазарчик, Юджин Залески и Карл-Ойген Ведекин подвели итоги конференции.

Перед встречей в Гриньоне Холланд Хантер прислал мне свою статью о моделировании альтернатив. После нашей встречи в Гриньоне Вальтер Шмидт сообщил мне в декабре 1984 года, что на данный момент не представляется возможным, как было обещано, пригласить меня посетить ГДР. В январе 1985 года в другом письме он указал мне на книгу, вышедшую в Москве в 1984 году: исследование Н. Фигуровской о развитии сельскохозяйственной теории в Советском Союзе⁸. Он полагал, что это была лучшая книга по сельскому хозяйству, вышедшая в Советском Союзе за последние годы.

Восьмая конференция состоялась в Беркли в августе 1987 года, ее оргкомитет возглавил Грегори Гроссман. В ней приняли участие многие известные ученые из США, Германии, Швеции, Франции, однако на Западное побережье США смогли добраться только два участника из Восточной Европы: Иван Бенет из Венгрии и Францишек Томчак из Польши.

После конференции была экскурсия, в ходе которой мы посетили Калифорнийский сельскохозяйственный кампус в Дэвисе. Я был очень удивлен, увидев, что выращенные здесь высококачественные корма, такие как люцерна, среди прочего напрямую экспортировались в Японию морским транспортом через Тихий океан.

К сожалению, с распадом Восточного блока это высококвалифицированное сотрудничество закончилось: 9-я и последняя конференция состоялась в Польше в сентябре 1990 года. На этот раз экспертов из Восточной Европы, в первую очередь из Польши, было значительно больше. После послаблений, вызванных перестройкой, из Советского Союза смогли приехать два эксперта по сельскому хозяйству: Гелий Шмелёв, с которым я уже встречался ранее, и Ю. В. Арутюнян. Из бывшей Восточной Германии присутствовали среди прочих Гюнтер Шмидт с докладом по теме: «Почему коллективизация провалилась», а Шмелёв и я прокомментировали его выступление.

Связи на международном уровне у меня были установлены еще во время работы над диссертацией, во время поездок по США и в Париже. Но наибольшее значение с 1980 года приобрел мой контакт с профессором Робертом (Бобом) У. Дэвисом, руководителем Центра российских и восточноевропейских исследований (CREES) Бирмингемского университета. Сразу же произошел очень плодотворный обмен идеями. В 1980-х годах я неоднократно участвовал в конференциях по советской экономической истории межвоенного периода в Бирмингеме и регулярно общался с ядром бирмингемской рабочей группы, в том числе со Стивеном Уиткрофтом.

8. *Фигуровская Н. К.* (1983). Развитие аграрной теории в СССР, конец 20-х — 30-е гг. М.: Наука.

К работе над своим новым исследовательским проектом по советскому сельскому хозяйству в 1930-х годах я приступил сразу же после защиты кандидатской диссертации, получив грант фонда Fazit. Мне была дана возможность представить свою концепцию в различных немецких университетах. Первая презентация прошла в рамках аспирантуры Рихарда Лоренца в Касселе в конце октября 1980 года, затем в декабре меня пригласили прочитать лекцию на тему «Советский колхозный строй в 1930-е годы. Производительность, стабильность, вклад в индустриализацию». Позже я выступил в Берлине, Бохуме, Тюбингене. И везде лекции были встречены одобрительно.

В начале 1981 года, с конца января по начало мая, я отправился в США для продолжительного исследования, финансируемого фондом Fazit. Я снова работал в архивах и библиотеках, с фондами которых я был знаком с 1975 года. В Гарварде я использовал в качестве дополнительного архивного источника опросы очевидцев о Советском Союзе в 1930-х годах. Гарвардский проект интервью (с полевым офисом в Мюнхене) охватил несколько тысяч бывших советских граждан. Помимо краткого общего интервью, некоторые эмигранты подробно рассказывали о своих трудовых и жизненных условиях, а некоторые — об их опыте работы в колхозах. Основные моменты обрисованной картины, такие как наличие информаторов секретной службы в колхозе, отношения колхозников между собой и с председателем колхоза, организация и мотивация труда или оценки конкретных работ, были достоверными, поскольку неоднократно упоминались разными респондентами разным интервьюерам в разное время и в разных местах. В конечном счете эти свидетельства очевидцев существенно дополнили картину, которая в остальном формировалась обычными архивными материалами, предоставленными властями, или письмами.

В Вашингтоне я снова работал в Национальном архиве, на этот раз изучая материалы Смоленского архива за 1930-е годы. На Западном побережье я провел месяц в Институте Гувера при Стэнфордском университете, изучая документы, в том числе переданные по завещанию. В Нью-Йоркской публичной библиотеке я просмотрел, в частности, ежедневную газету Северного Кавказа «Молот»: во время голода 1932–1933 годов она освещала репрессии и депортации казаков-станичников гораздо более открыто, чем центральные СМИ.

Я также использовал пребывание в США для встреч с некоторыми специалистами по Восточной Европе. Так, в Филадельфии я впервые лично встретился с Моше Левиным; по пути на Западное побережье в Чикаго смог поговорить с Аркадием Каханом.

В Стэнфордском университете снова встретился с Дороти Аткинсон, а также познакомился с Норманом Наймарком.

В марте 1983 года я еще раз побывал и поработал в Ленинграде. Научная поддержка, оказываемая историческим факультетом ЛГУ, на этот раз была значительно более эффективной, чем в 1976 году, мне даже разрешили посещать лекции. Однако интерес к теме моей работы, «Колхозная система 1930-х годов», сдерживали, поскольку она была связана с такими запрещенными для изучения аспектами, как голод и террор при Сталине. Несмотря на то что приставленный ко мне в помощь коллега Ч. Э. Сымонович, занимавшийся сельским хозяйством Северо-Запада в 1960–1970-е годы, был очень заинтересован, заведующий кафедрой истории КПСС профессор В. А. Смышляев устроил так, чтобы мой доклад по этой теме перед преподавателями не состоялся.

В Германии Гамбургский архив мировой экономики и Кильский институт мировой экономики оказались лучшими библиотеками для сбора информации по теме моих исследований. В целом я снова нашел очень обширный материал по вопросам, касающимся 1930-х годов. К сожалению, информация в публикациях после 1931 года стала скуднее, а затем начиная с 1936 года почти полностью исчезла. Одновременно ухудшилось и качество данных. Тем не менее мне удалось разработать методический подход, позволяющий решить проблему фальсификации исходных данных. В частности, я быстро понял, что опубликованный материал ни в коем случае не является подделкой. Все источники были подвержены одинаковым проблемам достоверности, поскольку материалы должны были соответствовать языковым нормам, введенным режимом. Сомнения были уместны, например, в отношении заявлений руководства партии о том, что нижестоящие органы не выполняли инструкции или допускали «злоупотребления», а если бы они достаточно разъяснили крестьянам требования партии, крестьяне действовали бы «добровольно». Тщательная оценка имеющегося материала позволила сделать весьма убедительные выводы и по этим пунктам. Как аппарат должен был «убеждать», когда от крестьян требовалось отказаться от жизненно важных продуктов питания и средств производства? По каким причинам местные руководители обычно привлекались к ответственности? Почему текучесть кадров на таких должностях, как председатель колхоза или сельсовета, составляла более 30% в год? Было ли вообще экономически осуществимо действие, требуемое от должностных лиц? В частности, как можно было финансировать инвестиции и дополнительно выплачивать деньги колхозникам, если цены на сельскохозяйственную продукцию, установленные государством, покрывали менее трети реальных производственных затрат?

Мне удалось также обнаружить новые источники для изучения 1930-х годов. Например, письма депортированных российских

немцев в посольство Германии в Москве или доклады эксперта по сельскому хозяйству посольства Германии Отто Шиллера о голоде. Эти материалы были дополнены опубликованными в Канаде свидетельствами украинцев, ставших очевидцами голода, и прежде всего опросом лиц, выселенных из Советского Союза во время Второй мировой войны, которые в то время подвергались систематическим и соответствующим научным стандартам опросам в рамках Гарвардского проекта. Достоверность этих разрозненных источников подтверждалась и тем фактом, что сопоставление всех материалов, включая имеющиеся статистические данные, в конечном итоге давало очень правдоподобную картину фактического развития.

Используя материалы 1980-х годов, я не смог ответить только на один важный вопрос: верила ли вообще сама партийная верхушка в публично даваемые ею интерпретации, и на основе какой информации Сталин принимал свои решения? Уже тогда мне было ясно, что статья Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в марте 1930 года, по-видимому, отражала его собственное душевное состояние, в котором он до того давал свои указания. Позже тщательная архивная работа, проделанная Бобом Дэвисом после открытия советских архивов в 1990-х годах, пролила в определенной мере свет на события того времени. Таким образом, сегодня нет сомнений в том, что радикальные политические изменения мнений Сталина в 1931 и 1932 годах, а затем то, какие он ставил задачи в период с 1933 по 1935 год, были обусловлены его пониманием того, что чрезмерный темп и постановка утопических целей в период с 1929 по 1930 год нанесли значительный ущерб. Вместе с моими книгами, опубликованными в 1990 году, это дало возможность скорректировать предыдущую стандартную историографию. К сожалению, на сегодняшний день ни выводы Боба Дэвиса, ни мои не нашли своего отражения в интерпретации сталинизма. При этом крайне важно понять, как Сталин, тайно меняя свой курс, сумел хотя бы смягчить предыдущие ошибочные решения, чтобы сохранить таким образом свою диктаторскую власть.

Тем временем я продолжал работу над новой книгой. В ней я сначала представил статистический обзор 1930-х годов с данными за каждый год по валовой продукции, урожайности с гектара, запасу тракторов, периоду обработки полей, животноводству и поголовью по владельцам. Данные также включали валовое производство, государственные закупки и экспорт сельскохозяйственной продукции. Кроме того, я мог бы привести информацию о жалком уровне приобретения членами колхоза продуктов питания на душу населения и их потреблении продуктов питания за каждый отдельный год. В первой главе были описаны административные и экономические средства принуждения, используемые для ограничения частного производства: ликвидация и депортация кулаков;

налоговая политика, включая возвращение к натуральному налогу с 1933 года. Во второй главе подробно рассматривалось развитие частного сельскохозяйственного производства: сокращение числа единоличников, в том числе самых мелких, среди которых многим не хватало сельхозпродукции для самообеспечения, затем личные подсобные хозяйства колхозников, а также рабочих и служащих. В третьей главе речь шла о том, действительно ли были созданы материальные стимулы для колхозников для увеличения производства. При этом я проанализировал распределение доходов по годам, в частности, изменения, внесенные с 1933 года, и изучил роль ударников и стахановцев в сельском хозяйстве. Не считая механизаторов, на полях или в конюшнях работали почти исключительно молодые женщины.

В целом я смог представить существенно новые сведения о колхозной системе 1930-х годов. Очевидно, что утверждение о том, что принудительная коллективизация напрямую привела к созданию работающей системы передачи ресурсов, все еще распространенное сегодня, не соответствует действительности. На самом деле для этого потребовалась радикальная перемена, я говорю об установлении колхозной системы, которое Сталин — не признавая этого публично — предпринял в конце 1932 года, когда стали очевидны масштабы голода, вызванного принудительной коллективизацией и безжалостной реквизицией сельскохозяйственной продукции. (Но почему он вносил исправления и на чьи советы опирался при этом, Сталин не объяснил.) Трудно представить, что он мог бы сохранить свою диктаторскую власть, если бы публично признал, что на нем лежит ответственность за то, что форсированная индустриализация одновременно с проведением принудительной коллективизации привели к голоду.

Радикальность, с которой предпринимаемые меры изменяли существующую систему, не оставляет сомнений в том, что Сталин осознавал опасность потери власти. Вместо сбора «излишков» был теперь возвращен принцип натурального налога и введены для колхозов заранее установленные нормы сдачи с гектара. После того как в 1931 и 1932 годах колхозники нередко вообще не получали вознаграждения за свой труд, Сталин распорядился, чтобы с 1933 года во время обмолота зерно в обязательном порядке выдавалось в соответствии с дневным заработком колхозникам. Также в 1933 года на приусадебных участках колхозников временно поощрялось животноводство, связанное с введением обязательной поставки определенного количества картофеля, мяса и — при содержании коровы — молока. Самообеспечение частных подсобных хозяйств с 1934 года защитило сельское население и даже значительную часть городского от голода. По сей день часто встречается ложное представление, что коллективизация обеспечила продовольственное снабжение советского населения во время Второй мировой войны. Это неправда: причиной того, что продовольственное снабже-

ние населения не прекратилось во время войны, было принуждение значительной части населения к самообеспечению, вызванное провалом принудительной коллективизации.

Уже к марту 1930 года Сталин смог сохранить свою власть только путем резкой отмены принудительной коллективизации. В начале 1930 года во многих регионах вспыхнули волнения среди женщин-крестьянок, которые успешно атаковали местные власти с помощью имеющегося в их распоряжении оружия, такого как серпы и косы. Использовать армию против них Сталин не решился, потому что в ней служили сыновья этих крестьянок. В 1933 году Сталин признал, что изначально с крестьянками было «недопонимание» по поводу коров. Чтобы сохранить свою власть, Сталин решил немедленно остановить кампанию. Его статья «Головокружение от успехов» призывала к добровольному вступлению в колхоз. В то же время в начале марта 1930 года он распорядился опубликовать устав колхоза, который неожиданно оставил крестьянам приусадебные участки и корову после вступления в колхоз. Своим радикальным изменением курса Сталин остановил протест женщин-крестьянок. Многие колхозы снова распались. Только потому, что «выход» был запрещен сверху, 20% крестьян остались формально зарегистрированными в колхозах до того момента, как Сталин осенью 1930 года провел окончательную коллективизацию с повторными мерами принуждения.

В своей работе я далее смог показать, что на протяжении всех 1930-х годов колхозы держались только постоянным принуждением колхозников. Поскольку им почти не платили за труд, в этом не было ничего удивительного. Каждый год приходилось прибегать к новой налоговой политике: какой бы абсурдной она ни была, необходимо было снова и снова (для устрашения других жителей деревни) разоблачать «кулаков» и экспроприировать их с помощью введенного налога. Наконец, в 1939 году был отдан приказ о сокращении приусадебных участков. Показательно, что после хорошего урожая 1937 года, когда колхозники впервые получили достаточное количество зерна, многие заявили о своем уходе. Они хотели вырваться из системы принудительного труда в колхозе с помощью покупки лошади, и затем вернуться к своему частному хозяйству. Государство немедленно отреагировало новыми репрессиями, введя абсурдно высокий «лошадиный налог» и таким образом закрыл эту лазейку для выхода из колхозов.

Работа продемонстрировала масштабы провала коллективизации и раскрыла еще одно вводящее в заблуждение утверждение — предполагаемая «механизация сельского хозяйства» при Сталине. поголовье лошадей, в значительной степени уничтоженное в результате коллективизации в период с 1929 по 1932 год, никоим образом не могло быть заменено до Второй мировой войны поставками тракторов. Оснащенность сельского хозяйства и, следовательно, качество обработки полей резко ухудшились в 1930-х

годах даже по сравнению с экономикой мелких крестьянских хозяйств, существовавших до этого. Из-за отсутствия тяги посея и сбор урожая затянулись на месяцы, что намного превышает оптимальный срок. Хотя урожай зерновых оставался низким, поскольку государство практически не платило за зерно, определенный успех был достигнут лишь в хлопке, льне и сахарной свекле с середины 1930-х годов: только за счет уплаты предприятиям цен, в значительной степени покрывающих затраты. Поставки животноводческой продукции достигли уровня 1928 года только после смерти Сталина.

Рукопись я смог закончить весной 1988 года. Материал оказался настолько обширным, что мне пришлось разделить его на две книги. От текста, который стал моей докторской диссертацией, я отделил меньшую часть и опубликовал ее также в 1990 году под названием «Социальный подъем в советской колхозной системе 30-х годов? О судьбах партийцев из крестьян, председателей сельсоветов, колхозных начальников, механизаторов и стахановцев». Здесь я представил данные о «кадрах» в сельской местности: деревенский партийный аппарат, «чистки», которые привели к сокращению числа сельских коммунистов, условия их жизни. В частности, я рассказал о том, как набирались председатели колхозов и какую функцию они фактически должны были выполнять для государства. В целом данные о высокой текучести кадров и большом количестве замен уполномоченных сверху в ходе экономических кампаний также подчеркивали, насколько нестабильным был созданный колхозный строй и что он не просуществовал бы без постоянных новых принудительных мер.

Как я защищал докторскую диссертацию, одновременно работая научным сотрудником в Университете им. Юстуса Либиха в Гиссене с 1988 по 1991 год

К моменту завершения моего исследовательского проекта по советскому сельскому хозяйству 1930-х годов, в июне 1988 года я уже поступил на работу в качестве научного сотрудника в Гиссенский университет Юстуса Либиха. Передо мной возникла проблема, как защитить докторскую диссертацию, которая не только по времени (XX век), но и по содержанию (аграрный сектор Советского Союза) была близка к теме моей кандидатской. У наших историков было принято, что кандидатская и докторская должны быть написаны по разным хронологическим периодам: те, кто получил первую степень по теме XX века, должны были в обязательном порядке выбрать для второй защиты тему по XIX веку или ранее.

Я посоветовался с Вольфрамом Фишером, и он рекомендовал защищаться по экономической специальности в Свободном университете Берлина. Моя рукопись «Крестьяне при Сталине» была

принята в качестве диссертационной работы. Получение докторской степени стало для меня дополнительным испытанием — сейчас, спустя столько времени, я могу сказать, что мне повезло, что получил ее. Экономисты, в отличие от большинства историков, были ориентированы на теорию и засыпали бы меня соответствующими вопросами. В Германии принято, что соискатель докторской степени предлагает три темы для доклада (*Habilitationsvortrag*). Все темы должны быть достаточно далеки от темы диссертации на соискание ученой степени. Доклад должен продемонстрировать, что соискатель смог за очень короткое время освоиться в совершенно новой области исследований, а также представить вопросы и утверждения, способствующие развитию исследований, которые сочли бы достаточно убедительными для защиты в ходе обсуждения. Какую тему выберет комиссия, можно было узнать лишь за четыре недели до момента защиты. Итак, мне нужно было подготовиться ко всем трем темам, а затем в кратчайшие сроки — у меня оставалось ровно три недели — подготовить убедительную лекцию. Регламент — 30 минут, выход за рамки регламента оценивался очень негативно.

Для моего доклада, который я прочитал в Свободном университете Берлина 10 января 1990 года перед всеми членами факультета, была выбрана тема «Был ли рабский труд действительно продуктивным?», которая потребовала теоретической проработки. В лекции я сравнивал крепостное право в России и рабство в южных штатах США. Тема подходила наилучшим образом: была достаточно далека от моих предыдущих квалификационных работ, ориентирована на теорию и в то же время вызывала споры в научных кругах. Сама формулировка вопроса содержала провокацию, ибо, согласно Адаму Смиту, труд рабов считался ниже труда свободных наемных рабочих. В своем выступлении я смог рассказать о новых интересных исследованиях. Американские экономисты клиометрической школы выступили тогда против стандартного тезиса о том, что рабство изжило себя в южных штатах в середине XIX века и перестало быть продуктивным. Я мог возразить Смиту, что использование рабов в США на момент отмены рабства было высокопроизводительным и что рабский труд здесь никоим образом не препятствовал техническому прогрессу, и тем самым я также мог бы опспорить мнение о том, что крепостное право в России изжило себя к 1850-м годам. Таким образом, я поставил под сомнение тот факт, что крепостное право действительно было причиной отставания в экономическом развитии России. Мне удалось уложиться в отведенное время и произвести благоприятное впечатление.

Дискуссия продолжалась целый час, и мне показалось, что я стою перед ордой дикарей, которые забрасывают меня копьями. Все вопросы касались теории, и не на все я смог ответить на теоретическом уровне, но тем не менее на каждый из них я дал удо-

влетворительный ответ. Это доставляло все большее удовольствие спрашивающим, но и мне тоже. После этого голосование о присуждении степени прошло единогласно. Я был рад, а Вольфрам Фишер был доволен. Для него было немаловажно, что предложенный им кандидат получил такой положительный отклик.

После присуждения докторской степени я получил статус приват-доцента в Свободном университете Берлина, что предполагало обязательство регулярно проводить там индивидуальные занятия без оплаты, пока я не буду зачислен на должность профессора в другом университете.

Здесь я хотел бы упомянуть еще об одной работе после получения степени, она расширила круг моих тем и, следовательно, направление моих будущих исследований. Германский кооперативный банк планировал выпустить к своему юбилею специальный том, посвященный взаимосвязи между уровнем жизни и экономической системой. Редактором тома был Вольфрам Фишер. Отдельные статьи должны были учитывать контекст разных стран, мне разрешили написать статью о Советском Союзе, и я выбрал тему: «От каждого по способностям, каждому по потребностям? О декларируемом и реальном уровне жизни и экономической системе в России и Советском Союзе». В отдельных главах я подробно остановился на основных этапах советской экономической политики вплоть до перестройки в конце 1980-х годов. Подводя итог, я объяснил изменение уровня жизни низкой эффективностью советской экономической системы и в заключение остановился на периоде преобразований с 1985 года. Таким образом, я углубился в еще одну вполне перспективную тему. В то время историческая наука только начинала уделять особое внимание истории потребления, я же в своих дальнейших эссе рассматривал советскую историю потребления и историю «социалистической» Восточной Европы, сравнивая ее с западной. Опять же, при этом я смог сосредоточиться на выявлении специфики потребления. Я обратил внимание на специфическое и заметное превышение потребления сельскохозяйственной продукции, особенно животноводческой, во всех социалистических странах по сравнению с достигнутым уровнем жизни. Было логично объяснить это отсутствием доступности потребительских товаров промышленного производства во всех странах с командной экономикой. Такой подход послужил основой для оценки трудностей, с которыми столкнулась аграрная реформа в Советском Союзе с 1992 года. Рыночные экономические реформы и повышение цен впервые позволили советскому населению приобрести востребованные потребительские товары промышленного производства и, соответственно, резко снизили спрос на сельскохозяйственную и особенно животноводческую продукцию до уровня, фактически соответствующего достигнутому уровню развития. В Советском Союзе в 1992 году ранее имевшийся дефицит сельскохозяйственной продукции доволь-

но быстро превратился в избыток. Это имело негативные последствия для развития возникавших в то время фермерских хозяйств, которые не находили спроса на предлагаемую ими продукцию⁹.

Следует также упомянуть, что незадолго до истечения срока моей работы в Берлине я начал новый исследовательский проект. Поскольку сперва у меня не было перспектив получить работу, Вольфрам Фишер предложил мне подать на стипендию Немецкого исследовательского фонда, позволявшую мне начать исследовательский проект «Реформы хрущевского периода». Но через несколько месяцев я получил штатную должность в Гиссене. Я смог продолжить сбор материалов только после 1991 года, заняв должность профессора в Билефельде.

Как развивалась моя исследовательская деятельность после вступления в должность профессора в Университете Билефельда, над какими новыми темами я работал с 1992 года

После получения в начале 1990 года докторской степени у меня появились основания подать заявку на профессорскую должность. В 1991 году произошло важное для меня событие: я вернулся к занятиям историей, заступив на должность профессора «всеобщей истории с особым вниманием к истории Восточной Европы» в Билефельдском университете. Наконец я получил постоянную работу. Как профессор университета я мог и должен был теперь сам участвовать в исследовательских проектах.

С появлением совместных проектов с российскими университетами мне пришлось изменить порядок своих исследований. Вместо длительных поездок продолжительностью в несколько недель я начал выделять для них сравнительно короткие периоды времени, когда был свободен. С 1994 года я бывал в России в основном шесть или семь раз в год, в США — по крайней мере раз в два года, обычно для участия в конференциях, а с 2011 года, в рамках сотрудничества, возобновленного моей кафедрой, также посетил Университет Нотр-Дам в Саут-Бенде (штат Индиана). Там мы проводили совместные конференции с аспирантами.

В Москве мои лекции в рамках нашей программы МВА (при РАНХиГС) проходили только по вечерам. Днем я мог работать в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) или Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а иногда и в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Во время своих визитов в Ярославль я всегда уделял несколько дней посещению бывшего партийного архива. Посколь-

9. *Мерль Ш.* (1998). Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // *Отечественная история*. № 1. С. 97–117.

ку даты моих поездок были заранее определены, я всегда заказывал в архивах новые дела к дате моего следующего пребывания, чтобы, не теряя времени, сразу же приступить к работе. Бывая в США, я продолжал регулярно посещать архив Института Гувера в Стэнфорде. Несмотря на то что в среднем я работал в архиве всего 2–4 дня за время пребывания, в целом каждый год у меня получалось не менее 20 архивных дней.

Моя архивная работа была сосредоточена на периоде после смерти Сталина. При этом я просматривал материалы и вплоть до начала 1990-х годов. Документы, ранее закрытые, постепенно рассекречивались. В ходе знакомства с ними я прежде всего хотел получить более полное представление о функционировании и слабых сторонах советской системы. Иногда я также специально оценивал материалы по определенной теме для непосредственной подготовки публикации, например, о выборах в Советском Союзе или региональной деятельности сельскохозяйственных кооперативов до 1920 года (в Государственных архивах Ростова-на-Дону, Ярославля и Томска). Выводы, полученные в результате такого широкого просмотра материала, были использованы в моих публикациях и, в частности, в моей книге о политической коммуникации в условиях диктатуры.

Я также полагался на архивы, особенно в 1990-х годах, для прояснения вопросов, связанных с моим проектом исследования периода правления Хрущева. Во-первых, это касалось того, действительно ли эксперты при Хрущеве могли, как утверждается в литературе, более свободно высказываться и влиять на политику. Изучение различных фондов Государственной плановой комиссии (в том числе Научно-исследовательского экономического института Госплана) дало довольно ясную картину: что ж, экспертам теперь не приходилось бояться немедленного расстрела, но новому партийному руководителю, чтобы заткнуть им рот, было достаточно угрозы потери ими работы.

Только в документах 1956 и 1957 годов и в отчетах сразу после отстранения Хрущева многое было написано открытым текстом. Например, документы начала 1965 года безжалостно разоблачали ту ситуацию, при которой «отчеты об успехах» Хрущева в рамках его кампании, проходившей под лозунгом «догнать и перегнать США», были подготовлены под давлением. Они показали, что почти все ранее представленные данные об этом были сфальсифицированы: фактически с 1956 года отставание Советского Союза от США даже увеличилось. Например, рапорты об успехах в производстве стали в лучшем случае базировались на идеологии валового производства в тоннах, и оказывалось, что Советский Союз почти совсем не производил листовой стали, которая была крайне необходима в машиностроении. Советский Союз еще больше отставал от США почти по всем важнейшим экономическим критериям. Больше всего меня поразило редактирование письма одного

читателя-пенсионера, бывшего инженера, датированного 1958 годом. Он показал, что официально обнародованные данные об экономике США содержали грубые вычислительные ошибки. Компетентные эксперты отказались отвечать на письмо, очевидно, они понимали, что пенсионер прав, и поэтому передали письмо для ответа в институт О. Т. Богомолова (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР). Интересно также отметить, что в первоначальных документах специалистов, датированных 1956 и 1957 годами, касающихся жилищного строительства, содержалась большая осведомленность об имевшихся проблемах. Но потом они поняли, что никто не заинтересован в таких под-сказках. Подобные примеры проливали свет на функционирование советской системы.

Возможность опубликовать хотя бы часть результатов моих исследований о деятельности Хрущева представилась мне в середине 2000-х годов в связи с просьбой написать главу о хрущевском периоде (1953–1964) для Справочника по российской истории. Для этого мне пришлось углубиться в другие темы: внешняя и социальная политика Хрущева и проведение им реформ. Кроме того, теперь я более конкретно рассмотрел вопрос о переходе власти от Сталина к Хрущеву и оценку его политики реформ, в том числе и выходящих за пределы сельского хозяйства. При этом я наткнулся на несколько ключевых документов, которым до сих пор уделялось мало внимания. Особенно показательным был протокол, составленный венгерской делегацией, направленной в Москву, об их встрече с новым руководством в начале июня 1953 года: в нем точно записано, что сказали отдельные участники с советской стороны, в том числе Хрущев, который на самом деле не входил в состав руководства. По-видимому, в этот момент только Берия и Маленков, но ни в коем случае не Хрущев, явно отошли от Сталина. Они стремились к фундаментальным реформам, не заявляя публично о разрыве со Сталиным¹⁰.

В связи с новым проектом на нашем факультете «Политика как коммуникационное пространство в истории» я специально изучал письма и заявления населения. Первый подпроект, отредактированный Вальтером Шперлингом, был посвящен «Прошениям в поздний период Российской империи». Следующий подпроект должен был быть о роли писем и заявлений в советской системе.

10. *Merl S.* (2002). Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964 // *Handbuch der Geschichte Russlands* / S. Plaggenborg u.a. (Hrsg.). Bd. 5.1: 1945–1991; Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion (2002). Stuttgart: Klett-Cotta. S. 175–312; *Мерль Ш.* (2003). Десталинизация или сохранение системы. Основная дилемма советской политики после смерти Сталина // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б. В. Ананьича. СПб. С. 106–116.

На этот раз это была тема, возникшая в результате моего собственного исследования — мой интерес заключался в том, чтобы лучше понять значение «писем наверх» при советском режиме.

В связи с этим я написал эссе о значении выборов в Советском Союзе. Я понял, что выборы играли важную роль в поддержании стабильности режима и прежде всего в проверке местных должностных лиц: кто набрал больше голосов против, чем другие, даже если их было всего несколько процентов, или чей избирательный округ имел явку ниже среднего, считался явно неподходящим для своей должности. Все эти факты очень деликатно отмечались в отчетах о выборах, и, соответственно, чиновники внимательно относились к жалобам населения непосредственно перед выборами. Ссылка на нестабильные жилищные условия с намеком на нежелание по этой причине идти на выборы оказывалась вполне убедительной как в Советском Союзе, так и в ГДР, которую я позже использовал для сравнения. Уже само участие в выборах выражало одобрение режиму, поэтому было важно, чтобы все приняли в них участие. В отличие от Запада, где главным был вопрос о том, кто будет избран, в Советском Союзе это было очевидно с самого начала. Речь шла только о том, чтобы продемонстрировать при почти 100% явке избирателей, что население удовлетворено режимом. Поэтому большое значение придавалось также участию всех в собраниях, на которых принимались решения, будь то в партии или на предприятиях. Даже участие в официальных торжествах было выражением одобрения. Впоследствии такие присутствующие оказывались вовлечены в принятие решения или подтверждение согласия с режимом¹¹.

Количество доносов или анонимных писем также можно было оценить в контексте изучения массива писем и заявлений. Официальные расследования часто приходили к выводу, что данное лицо или лица, о которых шла речь, были ложно обвинены. Даже анонимные письма отнюдь не обязательно провозглашали истину. Интересно, что тайной полиции удавалось выявлять многих авторов писем «антигосударственного» содержания, судя по всему, среди них было удивительно много функционеров, занимавших важные государственные посты.

Обращение с письмами и обязательными отчетами показало, какое большое значение, в отличие от западных государств, придавал им режим. Авторы писем обращались к руководителю партии или в ЦК с довольно банальными вопросами, которые должны были бы решаться на более низком уровне: они писали о недовольстве повседневными делами или своим личным положением, ожида-

11. Elections in the Soviet Union, 1937–1989: A View into a Paternalistic World from Below (2011). // Voting for Hitler and Stalin. Elections Under 20th Century Dictatorships / R. Jessen u. Hedwig Richter (Hg.). Frankfurt a.M. S. 276–308.

ли, что «сверху» вмешаются и все уладят, как им бы хотелось. Поэтому было очень важно, чтобы на каждое письмо был дан ответ, даже если оно повторялось несколько раз. Выраженное в письмах доверие населения к «доброму царю», который управлял коррумпированной администрацией, также стабилизировало советский режим.

Результаты двух квалификационных работ, выполненных под моим руководством в рамках отдельного исследовательского направления, подтвердили большое политическое значение «писем наверх» как для периода царской империи, так и в дальнейшем для советской власти. На материалах первого подпроекта была защищена кандидатская работа¹². Кирстен Бенкер взяла на себя разработку последующего частичного исследования, а затем в рамках подготовки своей докторской диссертации раскрыла значение телевидения¹³.

Мое решение провести сравнение политической коммуникации в период господства политической диктатуры в Германии и в Советском Союзе связано с упомянутым выше проектом. Мы, как его руководители, решили, что каждый из нас должен написать небольшой том (объемом от 100 до 150 страниц), чтобы донести важные результаты подпроекта до более широкой аудитории. Сначала я сравнил формы политической коммуникации в период сталинизма и национал-социализма, а на этапе после смерти Сталина до конца 1980-х годов сравнивал Советский Союз с ГДР. Это означало, что мне пришлось углубиться в исследования по национал-социалистической Германии и Восточной Германии. При этом я осознал важность «публичных закрытых собраний» для манипулирования голосованием и то, как режимам удавалось с помощью этих собраний заставлять граждан использовать «официальный язык» режима. После установления диктатуры больше не было необходимости убеждать людей. Все, что им нужно было сделать, это не дать людям публично выразить несогласие. Одного участия в ритуалах — будь то выборы или праздники — было достаточно, чтобы поддерживать вовлеченность населения в режим¹⁴.

То, насколько последовательно диктатуры прививали определенные взгляды и поведение, стало очевидным в последующие годы после их окончания. Отдаленные последствия наблюдаются во всех пострадавших государствах, включая новые федеральные земли в Германии. Было показано, что успех диктаторских режимов был основан прежде всего на том, что им удалось привить населению

12. *Sperling W.* (2011). *Der Aufbruch der Provinz. Eisenbahn und die Neuordnung der Räume im Zarenreich.* Frankfurt a.M.: Campus.

13. *Bönker K.* (2020). *Television and Political Communication in the Late Soviet Union.* Lanham u.a.: Lexington.

14. *Merl S.* (2012). *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich.* Göttingen: Wallstein.

устойчивый образ врага, что в значительной степени мешало людям мыслить рационально и критически. Точно так же действовали раньше секты, а сегодня — правый популизм. Осознание важности устойчиво передаваемых образов врагов позволило мне понять, как правому популизму удалось настолько привязать к себе своих сторонников, что впоследствии они переставали реагировать на рациональные аргументы. Российские историки, изучающие сталинизм, за редким исключением, ориентируются только на собственное окружение и в методологическом подходе отстают от западных стандартов¹⁵.

В Ярославском государственном архиве я решил выяснить, изменилось ли освещение деятельности областного комитета партии в его отчетах в Москву после смены руководства. Для этого я просмотрел, в частности, переписку с ЦК, Советом Министров и Госпланом за период с 1952-го по конец 1980-х годов. Мои заключения о реальной цензуре оказались для меня неожиданными. Я предполагал, что главная цензура на местах развернулась после смерти Сталина, на самом же деле изменения оказались менее заметными: были просто составлены очередные «отчеты об успехах», чтобы оправдать ожидания нового партийного руководства. Однако в них вопрос о личной вине поднимался менее остро, чем при Сталине. Отчетность изменилась значительно больше после отставки Хрущева. Но в то же время бросалось в глаза, что местному партийному комитету приходилось теперь в большей степени заниматься организацией «социалистического соревнования».

В РГАЭ я сначала выбрал для оценки фонд Министерства торговли, опять же, в основном просматривая отчетность и переписку с ЦК, Советом Министров и Госпланом. Поскольку после смерти Сталина большее значение стало придаваться потреблению, я наткнулся на захватывающие документы, касающиеся улучшения планирования потребления с середины 1960-х годов. Министерство, в частности, внесло предложения по преодолению сохраняющейся нехватки востребованных потребительских товаров. Однако предложенные меры нарушали принципы, провозглашенные режимом, и не были приняты.

Исследование потребления заставило меня осознать масштабы использования населением «коррупционных методов», чтобы заполучить желанные, дефицитные товары или услуги. К этому добавлялись воровство и взяточничество. Правительство делало вид, что жестко пресекает коррупционные действия, однако угроза наказания побудила население использовать эти методы тайно. Впрочем, официальные запреты преследовали совсем

15. *Merl S.* (2012). Trägt Baberowskis Gewaltansatz zum Verständnis der Herrschaft Stalins bei? Anmerkungen zu „Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt“ // *Neue Politische Literatur*. Jg. 57. H. 2. S. 215–232.

другие цели. И лишь фактические уголовные дела дают информацию о том, что на самом деле строго наказывалось, что обычно допускалось или даже приветствовалось для поддержания режима, ради удовлетворения населения и удержания его от публичных акций протеста.

Тема потребления также дала мне представление о важности «блата», а также о нелегальных теневых и бартерных рынках. Таким образом, я был хорошо подготовлен к просьбе написать что-нибудь о теневой экономике и значении коррупции в России и Советском Союзе. Сначала я рассказал об этом на конференции в Йене, затем на летней школе по теме коррупции в Пассау. Наконец, по просьбе коллег из Билефельда я систематически разрабатывал эту тему для публикации в сборнике о значении коррупции¹⁶.

Еще при Сталине директора предприятий и население широко использовали коррупционные методы, которые являлись необходимым условием функционирования командной экономики, поскольку предприятия не могли рассчитывать на своевременную государственную поставку сырья и исправного оборудования. И даже воровство оказывалось таким необходимым условием для выживания определенных групп населения, таких как колхозники. На практике, как правило, не действия центра, а применение коррупционных методов позволяло решить, какой завод действительно получит дефицитные товары. После смерти Сталина значение коррупции в потреблении населения еще более возросло. Через «группы друзей» по блату можно было добывать товары и услуги, пользующиеся большим спросом, в том числе путем кражи. Поскольку это было нарушением правил, установленных режимом, об этом молчали. Нехватка востребованных потребительских товаров тем не менее стабилизировала режим, поскольку он обычно терпел, когда люди прибегали к незаконным и коррупционным действиям. Архивные материалы не оставляют сомнений в том, что правительство было хорошо информировано о практике использования коррупционных методов. Ответственные лица решили не бороться с ними открыто, пока дефицитные товары не могут быть предоставлены законным путем. Только после прихода к власти Андропова в короткие сроки была начата кампания по борьбе с коррупцией. Опять же, интересно сравнить, кого посадили и расстреляли, а каких коррумпированных чиновников удалили без привлечения внимания общественности.

16. *Merl S.* (2010). Kann der Korruptionsbegriff auf Russland und die Sowjetunion angewandt werden? In: Niels Grüne u. Simona Slanicka (Hg.), *Korruption. Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 247–279.

Наконец, я ознакомился с архивными фондами Министерства сельского хозяйства, меня особенно интересовало, в какой степени и какими путями министерство получало информацию о состоянии сельского хозяйства на Западе и достижениях в области агротехники. К моему удивлению, оказалось, что интенсивные контакты и обмены именно с США начались еще в 1953 году. Министерство было прекрасно осведомлено о превосходстве западных сельскохозяйственных технологий, что привело к импорту типовых образцов машин, а также высокопроизводительных семян и племенного скота. Но не удалось добиться массового воспроизводства современных сельскохозяйственных технологий. Госплан уклонялся от затрат на строительство новых производственных мощностей, необходимых для этого. Ничего не изменилось в практике производства заведомо некачественной сельскохозяйственной техники и расходования на нее все более крупных государственных средств. Партийное руководство не потребовало от машиностроительной отрасли взять на себя ответственность за ремонт и сервисное обслуживание сельскохозяйственной техники, которую она поставляла. Сельскохозяйственным предприятиям было запрещено самостоятельно выбирать нужную технику. Таким образом, действительно имелись контакты и знания, необходимые для повышения эффективности советского сельскохозяйственного производства, однако ничего из этого не было реализовано в период с середины 1950-х до конца 1980-х годов. Вопиющие недостатки, связанные с отсутствием надлежащей техники для подачи кормов и внутренних перевозок, на которые министерство жаловалось еще в середине 1950-х годов, также сохранялись до конца этого периода.

“I consistently contribute to the assessment of the Soviet economic model”¹⁷

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Abstract. As a part of our traditional “Interviews” we present the selected fragments from the biographical memoirs of Stephan Merl, Professor of the Bielefeld University, a famous researcher of the agrarian economy and policy of the Soviet state. The memoirs were written as answers to the questions formulated by Stephan Merl together with his colleague and friend Alexander Nikulin. The questions set the direction for the biographical reflections as connected with the study of the Russian history and culture, in particular the fate of the Russian village, tragedy of collectivization, and turns of the Soviet agrarian policy. The memoirs reflect the dramatic episodes of the European history in the second half of the 20th century, some of which the author experienced, while others studied in the scientific perspective. Professor Merl’s diligence, deep knowledge

17. Translated from German by L. A. Ovchintseva, edited by A. M. Nikulin and I. A. Kuznetsov.

of historical sources and research objectivity allowed him to suggest a new interpretation of the events that have become history quite recently or are becoming history now. We present an excerpt from his memoirs which will be published in full in the book series of the *Russian Peasant Studies*.

Key words: Russia, Germany, USSR, agriculture, collectivization, agrarian policy, *perestroika*

Штефан Мерль

«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»

Потребительская кооперация на селе: причины неудач

**Рецензия на книгу: Антонова М. П., Гатаулина Е. А.,
Потапова А. А., Скоморохов С. Н. (2022). Почему
не развивается сельскохозяйственная потребительская
кооперация в России? Мнения участников процесса
сельскохозяйственной кооперации в вопросах и ответах. М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС. — 248 с.
ISBN 978-5-85006-415-0**

А. А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-164-170

Кооперации в России посвящено достаточно исследований (статей и монографий), однако данная книга — одна из первых систематических и эмпирических попыток ответить на вопрос, почему же все-таки сельскохозяйственная потребительская кооперация в России застыла в своем развитии.

Сразу же отметим, что данная работа сфокусирована только на сельскохозяйственной потребительской кооперации и не затрагивает других кооперативных форм на селе. И это абсолютно правильно, т. к. различные кооперативные формы российского села имеют разную историю, динамику, проблемы и перспективы развития¹. Отдельную нишу занимают сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК), которые совсем не похожи на своих «потребительских собратьев» и являются своего рода наследниками колхозной системы. Напомним, кстати, что колхозы, формально будучи кооперативными организациями, никогда не считались таковыми Международным кооперативным альянсом. Особняком стоят и потребительские общества — также наследие советской системы потребительской кооперации Центросоюза, которые занимаются

1. Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. (2018). Cooperation in Rural Russia: Past, Present and Future // Мир России: Социология, этнология. Vol. 27. No. 1. P. 65-89.

прежде всего торговлей, а не сельскохозяйственным производством. Совершенно иной является и деятельность кредитных кооперативов. Наконец, сельские кооперативы могут отражать какую-либо иную совместную деятельность сельских жителей, не связанную ни с сельским хозяйством, ни с производством, ни с кредитованием. Таким образом, тема кооперации на селе гораздо шире, нежели совместная деятельность независимых сельхозпроизводителей, однако и последняя является важной и, прямо скажем, болезненной.

Во-первых, это та самая форма кооперации, о которой писали знаменитые экономисты-аграрники первой половины XX века, представители организационно-производственной школы во главе с А. В. Чаяновым². Именно в потребительской, вертикальной кооперации крестьянских хозяйств Чаянов видел будущее развитие российского села, при котором сочетались бы принципы эффективности и справедливости.

Во-вторых, важность этой темы продиктована международным опытом. Как справедливо пишут авторы, сельскохозяйственная потребительская кооперация в мире не является маргинальной. Кооперативы охватывают огромное число сельскохозяйственных производителей по всему миру, как в развивающихся, так и в развитых капиталистических странах. Некоторые кооперативы настолько крупные, что напоминают скорее транснациональные корпорации. Россия же, до сих пор обладая потенциалом для кооперирования мелких сельскохозяйственных производителей, всё никак его не реализует.

Ядро рецензируемой монографии — неформализованные интервью с тремя группами респондентов: 1) членами и работниками потребительских кооперативов, 2) сельскохозяйственными производителями, не являющимися членами кооперативов, 3) региональными чиновниками, экспертами и членами общественных организаций. Главной задачей интервью было выявить основные препятствия для развития сельскохозяйственной потребительской кооперации (всего было проведено 17 интервью в 4 регионах России). Это, безусловно, важный и нужный прием при решении проблем кооперации, так как он позволяет не ограничиваться дебатами юристов и депутатов, а дает возможность услышать голос тех, на кого направлена кооперативная политика.

Сам раздел с результатами интервью выполнен своеобразно. Здесь, конечно, дело вкуса: кому-то понравится, кому-то категорически нет. Проблема в том, что как таковой аналитики по результатам интервью в данном разделе нет — в табличной форме представлены выдержки из проведенных интервью в формате вопрос-ответ (в нескольких интервью формат изложения иной). И сам раздел занимает более половины всей книги. С одной стороны, обычно ин-

2. Чаянов А. В. (1992). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации // Чаянов А. В. Избранные труды. М.: Колос.

тервью в самом тексте давать не принято (в лучшем случае, они выносятся в приложение), с другой — такая традиция все-таки существует, например, в виде опубликованного сборника интервью «Голоса крестьян»³. В общем и целом, если читатель хочет аналитики по результатам проведенных интервью, то ему можно сразу переходить к следующему разделу.

На основе мнений респондентов авторы выделили недостатки и ограничения законодательства и программ государственной поддержки кооперации и сгруппировали их в пять разделов: 1) недостатки правил выделения грантов и контроля за их соблюдением, 2) информационная поддержка кооперации, 3) ограничения экономического характера, 4) институциональные ограничения, 5) проблемы потенциальных членов кооперации (это не столько проблемы кооперативов, сколько фермеров в целом).

Среди недостатков, связанных с выделением грантовой поддержки, отмечаются следующие проблемы: 1) создание фиктивных кооперативов (получение средств на несуществующий кооператив), 2) выделение грантов «своим» людям, 3) требование не менее 10 членов кооператива (что порой бывает трудно выполнить и вынуждает прибегать к махинациям), 4) выделение поддержки только сбытовым и перерабатывающим кооперативам, 5) государством поддерживается только материально-техническая база, а основная проблема — сбыт продукции, 6) требования грантов об обязательном создании рабочих мест, 7) трудновыполнимые требования грантов по отчетности за строительство, 8) грантами поддерживается приобретение только определенных видов оборудования, 9) гранты не учитывают колебания валютных курсов, 10) требования о трех и более аналогах приобретаемой техники, которые порой трудно найти.

Информационная поддержка кооперации на основе консультационных центров Корпорации МСП является недостаточной и ориентированной на неправильные целевые группы сельскохозяйственных производителей. *Экономическими ограничениями* являются: 1) требование прибыльности кооператива при выделении гранта, что противоречит природе кооператива, 2) члены кооператива платят НДС, тогда как при самостоятельной реализации возможно не платить НДС, 3) члены кооператива платят единый сельскохозяйственный налог дважды, 4) приращение кооперативного пая облагается налогом, 5) труднодоступность льготных кредитов для кооперативов. В качестве *институциональных ограничений* авторы отмечают социальную и ментальную неподготовленность членов кооперации, рыночную и политическую власть крупного агробизнеса и торговых сетей, организационные сложности при ре-

3. Голоса крестьян (1996): сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект пресс.

гистрации кооператива, устаревшие требования к отчетности кооператива (например, членские книжки).

Свой подход к проблематике регулирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов в России авторы выражают в главе, где выделяют различные кооперативные модели, существующие де-факто в сельской России. Здесь, помимо традиционного кооператива, описанного в законодательстве, названы еще четыре альтернативных вида: 1) кооператив с привлечением стороннего капитала, 2) неформальная кооперация, 3) юридическая организация любой формы, действующая по кооперативным принципам, 4) кооператив, организованный «сверху» (top-down).

Главный тезис авторов состоит в том, что *традиционная модель кооператива неудобна действующим и потенциальным кооператорам, поэтому не нужно ее сильно насаждать, а стоит присмотреться к иным формам*, которые хоть и нарушают «чистоту веры», но представляют реальную альтернативу, которая работает не в теории, а на практике.

Это сильный содержательный тезис. Но, как и любой, он не бесспорен. Мы скорее склонны с ним согласиться, в том плане, что не стоит заикливаться на соблюдении идеологических кооперативных принципов, а исходить из принципов реализма. К тому же данный тезис авторы выдвинули с опорой на собранный эмпирический материал (мнения самих участников кооперации), а не на абстрактные логические спекуляции. С другой стороны, кооперативные принципы возникли не на пустом месте и играют определенную роль в обеспечении устойчивости и жизнеспособности кооперативной организации. И отход от них может иметь последствия, причем не идеологического, а реального характера.

Завершают монографию авторы предложениями по изменению кооперативного законодательства и правил осуществления государственной поддержки кооперативам. Предлагается следующее:

1. Ослабить принцип «добровольного и открытого членства», заменить его на принцип «избирательного членства».
2. Ввести право отдельным кооперативам устанавливать в своих уставах принцип «пропорционального голосования».
3. Создать нормативную базу для максимального расширения возможностей привлечения капитала в кооперативе.
4. Признать факт отсутствия прибыли при целенаправленной кооперативной деятельности.
5. Разрешить ограниченную ответственность.
6. Признать важность кооперативных фермерских организаций в любой организационно-правовой форме, включая неинкорпорированные фермерские объединения.

В заключение авторы отмечают, что устранение выявленных преград в законодательной области и сфере государственной поддержки окажет определенное положительное влияние, но будет недостаточным, чтобы переломить ситуацию: «Устранение пере-

численных в данной книге ограничений с большой вероятностью поменяет мнение сельских жителей о кооперативах в лучшую сторону. Но скорее всего этого не будет достаточно для масштабного движения кооперации на селе, потому что кооперация, как показало исследование, не ограничивается рамками кооператива, но может выражаться во многих других формах или моделях, включая неинкорпорированные организации или организации иных правовых форм» (с. 239). В качестве примера они приводят модели опорного предприятия или опорного фермера. Авторы ссылаются на зарубежную практику, где такие протокооперативные образования наряду с традиционными кооперативами также получают государственную поддержку. Книга завершается тезисом, что «адаптация кооперативной идеи к современным условиям является необходимым фактором успеха кооперации в России в будущем» (с. 240).

Разумеется, представленная монография имеет и свои ограничения. Упор на практическую пользу, рекомендации по улучшению государственной политики в сфере сельскохозяйственной потребительской кооперации, является, с одной стороны, редким и отрядным примером деятельного подхода со стороны экономистов и обществоведов. С другой стороны, такой подход создает иллюзию, что все дело только лишь в государственной политике. Несмотря на то что сами авторы так не считают и активно рассуждают на тему «ментально-психологических» ограничений кооперации, их монография построена по принципу «книги жалоб и предложений». Естественно, респонденты будут жаловаться на трудную жизнь, что, кстати, характерно не только для российских фермеров. Основной мишенью для критики, разумеется, является государство, т. к. оно на виду, с законодательством фермеры сталкиваются ежедневно, поэтому прекрасно понимают, что им мешает и что может облегчить им жизнь. Стоит только законы подправить, государственную политику наладить, оптимизировать и отрегулировать — и кооперации гарантировано светлое будущее. Однако мы полагаем, что это не так, и предостерегаем читателя от такого упрощенного взгляда.

К сожалению, одной государственной поддержки здесь мало, какой бы продуманной и эффективной она ни была. Нужен еще запрос на кооперацию на низовом уровне, который в современной России выражен довольно слабо. Это обусловлено более фундаментальными факторами, имеющими социально-экономическую и историческую природу, преодолеть которые существенно тяжелее, чем пробелы в законодательстве, а также нерадивость и неэффективность чиновников. А более радикально вопрос можно поставить следующим образом: а нужна ли сельская кооперация, если население в ней не заинтересовано?

Конечно, последний вопрос носит довольно провокационный характер. Во-первых, какой-то запрос на кооперацию все-таки имеется. Во-вторых, упростив потенциальным кооператорам жизнь

за счет совершенствования государственной политики, можно увеличить долю реальных кооператоров. Наконец, кооперация — это не физиологическая потребность, которая самоочевидна для организма. Точно так же как людей обучают грамоте, кооперация нуждается в пропаганде и положительных примерах. Это прекрасно понимали еще российские теоретики кооперации начала XX века. Впрочем, сейчас мы имеем дело не с малограмотными крестьянами того времени, а с образованными людьми, которые зачастую отвергают кооперацию не по незнанию, а сознательно.

Без сомнения, законодательство и правоприменение в сфере кооперации можно и нужно улучшать, и скорее всего это даст свои плоды. Однако мы бы не стали рассчитывать на какой-то взрывной рост кооперации, который наблюдался в России начиная с рубежа XIX–XX веков⁴. Повторение истории вряд ли получится. Скорее всего, кооперация в России будет занимать свою скромную нишу, не являясь ни локомотивом, ни даже важной деталью аграрной России. И если рекомендации, предложенные в данной книге, позволят расширить эту нишу, то это будет только на благо аграрной системе страны, т. е. мы убеждены, что разнообразие — это залог устойчивости и здорового развития.

Напоследок заметим еще раз, что сельская кооперация — это более широкое явление, чем объединение в целях сельскохозяйственного производства. А тема несельскохозяйственных кооперативов на селе, играющих не экономическую, а социальную функцию, затмевается сельскохозяйственной кооперацией. Кооперирование может быть средством самоорганизации местного населения, которого сильно не хватает сельским территориям. Мы пока не беремся судить, насколько подходит для этого существующее кооперативное законодательство — вполне возможно, что самоорганизацию лучше оформлять каким-либо иным статусом, нежели кооператив. И здесь нам импонирует подход авторов, которые обсуждают кооперацию не с идеологических позиций соответствия или несоответствия кооперативным принципам, а с позиций утилитарных — приносит или не приносит кооператив пользу своим членам, безотносительно того, насколько по-настоящему «кооперативным» он является.

Содержательно вопрос пока в том, готово ли государство поддерживать сельскую самоорганизацию хотя бы в той же мере, что и сельскохозяйственные потребительские кооперативы. Вторая же часть проблемы касается самоорганизационного потенциала сельских территорий. Возможно, что к идеям самоорганизации население относится так же прохладно, как и к возможности сельскохозяйственной кооперации.

4. *Билимович А. Д.* (2005). Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука.

Consumer cooperation in the countryside: Reasons for failure
Book review: Antonova M. P., Gataulina E. A., Potapova A. A., Sko-
morokhov S. N. (2022). Why is agricultural consumer cooperation
not developing in Russia? Opinions of participants in the process
of agricultural cooperation in questions and answers. Moscow:
Publishing House “Delo” RANEPА. — 248 p.
ISBN 978-5-85006-415-0

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics; Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: chto-delat@yandex.ru

Globalization and Future of the Rural-Agrarian in 21st Century India: Issues, Challenges and Opportunities

Sudhir Kumar Suthar, Akanksha, Monika, Bhawana Chaudhary

Sudhir Kumar Suthar, Assistant Professor, Centre for Political Studies, School of Social Sciences, JNU, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India. E-mail: sudhir131@gmail.com

Akanksha, PhD Scholar, Centre for Political Studies, School of Social Sciences, JNU, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Monika, PhD Scholar, Centre for Political Studies, School of Social Sciences, JNU, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Bhawana Chaudhary, MA Student, Centre for Political Studies, School of Social Sciences, JNU, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-171-178

India has the world's largest population employed in agriculture and related industries. According to the World Bank, about 43% of Indian population was employed in agriculture in 2019, and most of this population lives in rural areas. India has the world's largest population living in the villages. According to the Indian census of 2011, 68% of its population, i.e., 833 million people, lived in rural areas. Although there has been a steady decline in the agricultural employment and rural population, India is still a country with the population closely linked to agriculture and rural areas.

However, this does not mean that India's population, its employment and way of life are agrarian in the traditional sense. In recent decades, India's rural areas have undergone radical transformations due to the state intervention — agricultural programs and rural development policies. Increasing productivity, higher per-capita income, gradual income diversification, integration of agriculture with the market, and growing migration between cities and villages are indicators of such changes. However, these changes differ from the European urban transformation in the 18th century. The study of industrialization and modernization in India would be incomplete without focusing on villages and farmers. India's rural areas are also centers of caste- and class-based inequalities and discrimination.

Economic globalization and establishment of the World Trade Organization with India as a founding member, opened a new era for the Indian economy after 1991 and affected the Indian agricultural sec-

tor with contradictory consequences. Some economists argue that India's poverty has decreased significantly after India opened its economy. Others argue that this resulted in an agrarian crisis that had serious implications for Indian farmers (the number of farmers' suicides is a convincing indicator).

India celebrated 70 years of its independence, and the government promoted various academic activities on this occasion, while the Indian Council of Social Science Research presented their plan. For instance, the international conference "Globalization and Future of the Rural-Agrarian in 21st Century India: Issues, Challenges and Opportunities" was organized by the Centre for Political Studies, School of Social Sciences, Jawaharlal Nehru University in collaboration with the Indian Council of Social Science Research (*Azaadi Ka Amrit Mahotsava*) and Bharat Krishak Samaj (New Delhi). In India, the study of the rural and agrarian issues is generally considered as the domain of sociologists and economists respectively. Political scientists have rarely paid attention to these issues, except for situations when the rural-agrarian question acquires political significance and breaks the political course. This conference considered the agrarian question seriously, which was quite a deviation from the traditional academic approach of in the Indian political science.

The conference aimed at answering three major questions: (1) what are the new concerns of the rural-agrarian society in India are; (2) who are the new actors that would make changes in the Indian countryside; (3) what are the political factors that affect the traditional questions (land, labor, etc.) in the new political environment? The conference focused on five topics: challenges for theoretical generalizations under globalization, the role of markets and private sector in agricultural and rural development, gender issues, the role of the state in rural development and change, issues of labor and technology.

Key questions: Concepts, methods and theoretical exclusions

Sudhir Kumar Suthar, the convener of the conference, made the introductory presentation. He emphasized that the central task of the conference was to find right questions to explain the current and future challenges for rural-agrarian India. He suggested three questions to agriculture: in high politics — what are the major concepts and methodology to understand and theorize these changes; what are the existing or emerging marginalities determined by inequalities or climate change, including gender and labor discrimination; what is the relationship between the state, civil society and the market.

Professor Surinder Jodhka in his key note address proposed to discuss agrarian and rural changes through the method of *gup shup* (a creative space for considering new things, in a slightly casual form but with intention to make sense of things around us). He argued that in the last 100 years, several theories focused on the category

of post-enlightenment in Europe (modernization, Marxism, populism, etc.). These theoretical discussions considered rural and agrarian changes mainly as a transition — linear change and transformation — from primitive to modern, from feudal to capitalist.

However, these theories, despite claims of being historical, were ahistorical as based on the limited experience of Western Europe, which is manifested in discussions of rural-agrarian issues. For instance, although the modernization theory considers the rural is declining, Jodhka believes in the “persistent rural” for the population in rural areas increased. He insisted that Indian scholars need to overcome the euro-centric and teleological interpretations of change, decline and disappearance, and to distinguish the agrarian and the rural as only about 20% of rural households rely only on agriculture. India has experienced diverse trajectories of change due to its rural differentiation based on regional histories, class, caste and gender.

Binod Anand from the Confederation of NGOs of Rural India (CNRI) highlighted a gap in academic research and government policies when it comes to agricultural production, for instance, the field research was conducted mainly in Punjab, Haryana and cotton-growing regions. He argued that the global food chain was not democratic and had no intention to develop mechanisms to ensure that buyers all over the world would get access to farmers’ products. He emphasized the need to focus on upward and downward links, post-harvest value chains, food diversification and coordination of relevant departments (which exceed 70) and ministries, especially the primary agricultural cooperative societies.

Amitabh Kundu, Former Professor and Dean of the School of Social Sciences explained the patterns of rural-urban migration and growing economic inequality in India.

Asmita Kabra from Ambedkar University Delhi in her valedictory address focused on regions which are at the margins of agrarian studies. She placed regions in central India in this category as they are not the beneficiaries of green revolution in a generally understood terms. She argued that the relationship between agriculture, forests and hills had to become a part of the discussion on agrarian relations, economy and society. She presented a case study of the recent Cheetah reintroduction that was widely supported. The dangers of ignoring the relationship between environmental concerns and society were clear in the contradictory rhetoric of ‘home’ for cheetah — the tribal groups displaced from the tiger reserve were made ‘homeless’.

Globalization, food systems, and the role of private sector

Raka Saxena from the Indian Council of Agricultural Research (ICAR), in her special address talked about the possibilities of the

Indian agricultural exports. She emphasized that India was a net exporter of agricultural produce under globalization, which explains the need to study and develop a remunerative and productive agricultural sector. The search for right questions should focus on various groups of commodities in the Indian export basket, different markets, conditions for volatility and price changes, and right strategies for entering different markets by assessing one's comparative advantages. These questions are important for assessing the sustainability of the Indian agriculture and agricultural exports. Dr. Saxena focused on rice production which contributes to the overexploitation of ground water but is a major component of the Indian export basket. She proposed alternative models of agricultural development such as moving the production of rice from its traditional trans-Gangetic regions (Punjab, Haryana) to the eastern plateau, north-east India and eastern Himalayas, in which the productivity potential of these crops is still untapped.

Vijeta Rattani from the United National Development Program (UNDP) changed the focus from the agrarian sector to the broader category of food systems and insisted on addressing climate change issues not only in food production but also in the related fields — processing, distribution, waste and disposal. Thus, a sustainable food system is (a) economically and commercially feasible, (b) socially equitable, and (c) environment friendly. Currently the environmental impact of food systems is negative — agriculture, forestry and other types of land use are responsible for 24% of green-house emissions. Moreover, the current food system patterns determined the triple crisis — climate change, pollution and biodiversity loss. Therefore, we need to broaden the idea of agrarian sustainability so that it implies not only production/supply but also consumption/ demand. Several challenges hinder the creation of a sustainable food system: its complex nature, lack of integrated approaches, fragmented governance, lack of equity, food wastage, energy-intensive food technologies, and lack of strong behavioral nudges. Dr. Rattani suggested to adopt local, contextual lifestyle choices.

Ajay Veer Jakhar, President of the Bharat Krishak Samaj, chaired the special session on the role of private sector and markets in agriculture and emphasized the market influence on farmers welfare and livelihoods. He argued that the challenge is to ensure the continuous development of markets as transparent, accountable and trustworthy institutional mechanisms. Gokul Patnaik insisted on the need in regulated markets due to the predatory role of middlemen and wondered about the best technology for the agricultural growth. Sachit Madan (ITC), described the positive sides of the contract farming and how it can solve the problem of unstable prices for women. He believes in free markets as ensuring more justice for farmers. Ved Sinha presented the ecological efforts of his company to lessen the damage from stubble burning.

Another session focused on other countries' strategies of rural and agrarian development, especially after the neo-liberal economic reforms. The session was moderated by Sanjay Pandey. Ahilan Kadirgamar described Sri Lanka's neoliberal globalization efforts and the current economic crisis. Sri Lanka adopted policies of import substitution and self-sufficiency but reduced the state's role in agriculture to providing fertilizer subsidies. The crisis erupted when fertilizers were banned overnight in 2021, which determined the 40–50% decrease in the agricultural productivity — a crucial factor of the current economic crisis. Dr. Kadirgamar attributed these changes to the decreasing importance of the issues of land, rural development and agriculture, which led to the redistribution of capital in favor of the city in the last 13 years. He defined the overnight government ban of fertilizers in order to make Sri Lanka an organic producer in 2021 as another manifestation of the neglect of the rural-agrarian crisis.

Alexander Kurakin made a presentation about the abandoned rural land and settlements in Russia due to the rural outflow to urban regions. Russian case is of a particular importance due to the government's focus on the national food security as a combination of independence, self-sufficiency and 'sovereignty' in food production. Kurakin emphasized the changing patterns of the agricultural production in Russia in terms of both nature and scale: households' production (an opposite of collective farming which had historically prevailed in Soviet Russia) intensified after the crisis of the 1990s, when the new agricultural classes started farming. Today family farms compete with corporate farming in marketing and scale of production.

Rural-agrarian India in politics

Rural India is actively involved in politics unlike the countryside in Europe or Russia, in which urbanization, migration from rural areas and depeasantization led to depoliticization of the countryside. Rural India is a site of the active political mobilization and resistance. India has recently witnessed a massive farmer agitation at the outskirts of its capital Delhi, and this rural unrest was discussed at the session chaired by Alexander Kurakin from the RANEP.

H. Sylendra from the Institute of Rural Management Anand (IRMA) considered different state legal compulsions in connection with the peasant struggle against them. Shamsher Singh from the Flame University (Pune) argued that we should consider farmers' movement not as purely spontaneous but as a way to get heard and to oppose the state's attempt to disenfranchise them. Mekhla Krishnamurthy from the Ashoka University (Haryana) presented interesting facts about the farming laws and agricultural market. She

argued that those laws were basically agricultural market laws rather than farmers' ones. India never had a strong state-run agricultural market (*mandis*) system, which is why farmers' response to the laws differed by region. Amod Shah from the ISS (Netherlands) described the political economy of coal mining and suggested alternative ways to combine agrarian and climatic concerns. Harinder from the JNU denied the presentation of farmers' movement as a unified political moment due to the contradictions in the farming community and farmers' protest (on the example of the Dalit land rights movement in Punjab).

Regionalities and marginalities

Scholars also considered rural changes and agrarian development as leading to various types of marginalization, land grabbing and climate destruction. Ravi Kiran argued that despite the use of alternative sources of energy (like solar pumps) ground water exploitation had not decreased in Rajasthan, and equipment ownership patterns still affected class relations. Gurkirat Kaur described the changes in the meaning of ecology determined by irrigation and modernization in Ganganagar known as the food basket of Rajasthan due to the Indira Gandhi canal. Other issues were the monocultures' productivity in the modernist sense rather than in the regional agro-ecological perspective; the developmental regime as creating ambiguous metanarratives of regional wastelands and, thus, a strive for productivity. Rashi's presentation showed that rice mills served as the ground for capitalist accumulation in Chattisgarh, thus, determining the political economy of this state.

The special session focused on the role of women in rural and agricultural development: although women are actively involved in farming activities and their share in farming increases with the feminization of agriculture, the representation of women in popular culture and decision-making in agriculture is still marginal. Shipra Deo argued that this had significant and adverse consequences for both agriculture and women farmers who do not have access to credit and other resources. Dr. Deo believes that we need to increase women's representation in agricultural decision-making and refers to the Food and Agricultural Organization's claims that if women have equal access to resources with men, they can achieve the same productivity. There were attempts to strengthen the women's position in the agricultural sector: in 1938, the national women subcommittee was established; several acts were adopted such as "Sustainable Development Goals", "Hindu Succession Act", "Forest Rights Act"; some institutions were created — Farmer Producers Organizations, women cooperatives, NGOs like SEWA, PRADAN, PANI, and so on. These efforts should be continued to ensure that women get the due recognition and rights in the agrarian sector.

The Indian state took serious measures to ensure rural development. However, such measures' outcomes depend on multiple factors, such as regional differences in the adopted policies. Some states consider agricultural development as a strategy to fight poverty, while others focus on urbanization or industrialization. These decisions affect the measures of rural development taken in other parts of the country.

Prachi Hooda studied gender relations and changing social milieu in rural Haryana through the everyday life of women, focusing on the changing interpretation of femininity as affected by the sports culture. Based on the government's Digital India initiative, Sarika Dixit explained the impact of the policy on lives and economic empowerment of tribal women in Alirajpur: the digital gap can be closed by the special service centers for women and a targeted gender approach. Prabhakar Kumar presented the canal development projects as a means of the state development policy: for instance, the Kosi River canal should increase agricultural productivity in the Kosi-Seemanchal region. Raya Das used lots of the economic data from the West Bengal state to present the pluri-locality and pluri-activity of farming sector as a manifestation of diversification determined by the lack of farming opportunities.

Jiaul Haq described the patterns of migration from the Seemanchal region (rural Bihar) and denied the conventional explanation of migration as an escape from economic despair. Migration became a way to overcome poverty for the first-generation migrants allow the next generations to make more lucrative careers. However, this economic prosperity brings contradictory changes: on the one hand, we see better attitudes to education and professional training and an increase in political independence; on the other hand, migrants adopt upper class/caste norms including restricting women's employment.

Supriy Ranjan focused on the Katihar region in Seemanchal to examine communality in the region where Hindus and Muslims developed an "antagonistic tolerant" relationship with few riots and pogroms. When explaining the growing communalism, Ranjan emphasized the rise of Bajrang Dal which tries to capitalize on urbanization in order to mobilize communal sentiments in the form of riots and clashes.

The major change in the development of rural areas near metropolitan areas is the rise of real-estate and rental economy. Vishesh pointed to the shift to rental economy from agrarian economy in Delhi — as the capital city it occupied more and more land, which made people rent out their houses. Thus, the economic identity of many migrants to Delhi changed to renting out as their primary occupation. On the one hand, this strengthens the caste system; on the other hand, this facilitates socialization and social ties of other kinds (family, friendships, etc.).

Sumit addressed an important and sensitive issue of mental health of small and marginal farmers in Madhya Pradesh. Despite growing

agricultural production, the state ranked 4th in India in the number of farmers suicides. Sumit believes that mental health issues were almost forgotten under and after the COVID-19 pandemic and suggests using the DASS survey method and creating more opportunities and assets for farmers.

Scholars from different parts of India took part in the discussions during the conference. They highlighted various concerns related to food security, seed sovereignty, the threat to land in view of increasing focus on infrastructure building etc. students also highlighted challenges of inclusion in agriculture and how it is absent from the current debates on agrarian studies in India.

Overall, the conference highlighted those crucial issues that would adversely affect the rural and agrarian landscape of India. There is a need to focus on the issues of equity, inclusion and social justice in the policies of rural development. The state should pay more attention to both rural and agricultural development, combining effective social and market measures, while scholars should suggest institutional mechanisms for such development.

Глобализация и будущее сельского хозяйства в Индии в XXI веке: проблемы, вызовы и возможности

Судхир Кумар Сутхар, доцент, Центр политических исследований, Университет Джавахарлала Неру, Нью Мехраули Роуд, Нью-Дели, Индия, 110067. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Аканкша, аспирант, Центр политических исследований, Университет Джавахарлала Неру, Нью Мехраули Роуд, Нью-Дели, Индия, 110067. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Моника, аспирант, Центр политических исследований, Университет Джавахарлала Неру, Нью Мехраули Роуд, Нью-Дели, Индия, 110067. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Бхавна Чаудхари, студентка магистратуры, Центр политических исследований, Университет Джавахарлала Неру, Нью Мехраули Роуд, Нью-Дели, Индия, 110067. E-mail: cpsjnuog@gmail.com

Сельско-городское развитие через проекты сохранения историко-культурного наследия Индии и России¹

Д. Р. Давлетов, У. С. Семовских

Дамир Равильевич Давлетов, студент 2-го курса совместной программы факультета социальных наук МВШСЭН (Шанинки) и философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: davletov324@outlook.com

Ульяна Станиславовна Семовских, студентка 2-го курса совместной программы факультета социальных наук МВШСЭН (Шанинки) и философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: ulianasemovskikh@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-179-183

6 апреля 2023 года студентами социологического факультета Московской высшей школы социальных и экономических наук в партнерстве с представителями Центра аграрных исследований РАНХиГС, Центра перспективных социальных исследований и коломенского Центра социальных инноваций в сфере культуры «Библиотека наследия» была организована исследовательская социологическая экспедиция в подмосковный город Коломну.

Команда социологов-бакалавров всех четырех курсов вместе с А. М. Никулиным — руководителем Чаяновского исследовательского центра Шанинки (МВШСЭН), организовали социологическое исследование, предметом которого стал феномен трансформации Коломны через проекты культурного развития. В ходе ряда тематических семинаров, посвященных предстоящей поездке, было поставлено несколько исследовательских вопросов: участие различных групп населения в культурном развитии Коломны, влияние «бренда» города на повседневную жизнь локальных сообществ, история и обстоятельства создания современного культурного образа Коломны. Другими словами, нашей задачей было выяснить, в чем заключается секрет «коломенского чуда» и «чудо» ли это вообще.

-
1. Мероприятие проводилось в рамках проекта «Человеческий капитал в сельском развитии: Россия и мир» при поддержке гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (грантовое соглашение № 075-15-2022-326 от 25.04.2022) в рамках консорциума НЦМУ.

Для этого в первой половине дня студенты провели серию интервью с респондентами по всей Коломне. Среди информантов были как люди, предупрежденные о предстоящем исследовании заранее, так и случайные местные прохожие. В поиске первых нам во многом посодействовали коллеги по проекту (за что им большое спасибо). Группа студентов была разделена на пары и разбрелась в разных направлениях. Такая стратегия оказалась выигрышной с нескольких точек зрения. Во-первых, каждая пара получила уникальный опыт, который нашел свое отражение в дневниках наблюдения. Во-вторых, удалось разнообразить фото- и видеоматериалы, входящие в визуально-антропологическую часть исследования. Наконец, за короткое время было проведено около тридцати интервью, которые еще предстоит анализировать и обсуждать на Длинных столах², традиционных для шанинской полевой социологии. Что особенно интересно, мы смогли поговорить с совершенно разными людьми внутри коломенского культурного сообщества: с экскурсоводами и владельцами бизнесов, сотрудниками бюджетных и частных учреждений, учеными-экспертами и обычными горожанами, с «моторами» локальных культурных инициатив и культуртрегерами из разных регионов России. Таким образом, нам удалось аккумулировать разнообразные перспективы и взгляды на более или менее единый сюжет — культурно-туристическое развитие Коломны.

Во второй половине дня состоялась лекция индийского социолога Судхира Кумара Сутара³ «Человеческий капитал сельско-городского развития, основанный на проектах сохранения историко-культурного наследия Индии» в коломенском Музее-лаборатории «Шелковая фабрика» — точке, где, по метафоричному высказыванию Кумара, завершился Великий шелковый путь. Пространство фабрики примечательно тем, что в прошлом оно действительно представляло из себя производственное помещение, но теперь, усилиями команды проектировщиков, преобразовалось в комфортное рабочее и досуговое место, которое, однако, сохранило свой былой фабричный шарм. Здесь даже установлен вполне работоспособный деревянный ткацкий станок и демонстрируются образцы и проекты по представлению шелкового наследия Коломны.

Темой встречи стал разговор о потенциале сельско-городского развития в формате диалога и обмена опытом между индий-

2. Качественные методы (2009). Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя. С. 30-32.

3. Судхир Кумар Сутар — социолог, доктор наук, профессор Центра политических исследований Школы социальных наук университета Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия), главный редактор The Research Post (Журнал социальных и гуманитарных наук), член Международной ассоциации ученых-аграрников стран БРИКС. Его научные интересы связаны с вопросами аграрной политики, компаративистскими исследованиями международного сельского развития.

ской и российской сторонами. Стартовала конференция с приветственного слова координатора Центра развития познавательного туризма «Коломенский посад» *Екатерины Владимировны Ойнас*, которая рассказала о деятельности Центра и других организаций по сохранению культурного наследия Коломны. В роли репрезентирующих историю города выступают локальные музеи. Именно они являются посредниками в трансляции значимых нарративов прошлого искушенному современностью посетителю.

Индийский гость отметил, что место проведения мероприятия очень символично, поскольку он сам прибыл из страны, которая славилась производством шелка, впоследствии использовавшимся и на коломенской фабрике. В своем выступлении *Судхир Кумар Сутар* постарался познакомить слушателей с жизнью индийцев, которые по-прежнему прядут шелк и занимаются другими формами материального производства на селе, рассказал о способах возрождения этого феномена. Его презентация состояла из трех смысловых блоков: введение в социоэкономические аспекты индийской сельской жизни, материальное производство в сельской Индии помимо агрокультуры, некоторые особенности конкретных сообществ, включенных в это производство.

В первой части социолог отметил уникальность сельской Индии, заключающуюся в том, что большая часть ее населения по-прежнему живет в деревнях и занимается сельским хозяйством. Однако значительная и даже преобладающая доля провинциальных фермеров владеет крайне малыми по своим размерам сельскохозяйственными угодьями, что делает дает ключ к пониманию экономических и социальных аспектов индийского сельского общества. Это в первую очередь наложение друг на друга традиционной кастовой и современной классовых систем.

Индийский социолог также рассказал о богатом материальном наследии своей страны, которое создается людьми, на протяжении многих поколений находящимися на «дне» социальной иерархии — «отсталыми кастами и представителями мусульманского меньшинства». По его мнению, это обусловлено амбивалентностью кастовой системы, которая, с одной стороны, осложняет коммуникацию и передачу знаний между кастами, но с другой — способствует сохранению культурного наследия в рамках самих каст.

Далее Судхир Кумар Сутар продемонстрировал карту, испещренную знаками. Эти символы отражали различные формы материального искусства, то есть ремесленные продукты, которые реально производятся в сельских сообществах Индии. Так, например, одежда и вышивка изготавливаются вручную и на ручных станках, при производстве используются красители, произведенные самими сельскими жителями, — все это указывает на богатое наследие и самодостаточность местных общин. Но с другой стороны, сообщества не замкнуты в себе и активно между собой сотрудничают. Так, при создании барабанов одни производят дерево, а дру-

*Д. Р. Давлетов,
У. С. Семовских*
Сельско-городское
развитие через
проекты сохране-
ния историко-куль-
турного наследия
Индии и России

гие — кожу. Соответственно, возрождение производства объектов материальной культуры в Индии возможно путем создания межрегиональных мастерских по изготовлению многосоставных товаров. Профессор привел в пример некоторые успешные сообщества, которые начинали с производства простых товаров: кооператив «Кудум Шри» в штате Керала объединил миллионы сельских женщин, изготавливающих различные товары для дома, а теперь он оказывает своим членам услуги по микрофинансированию и корпоративному банкингу. К таким организационным формам добавляются и регулярные фестивали, где люди не только испытывают эмоциональное единение, но и выставляют результаты своего труда.

Наконец, еще одним из поразивших слушателей слайдов было фото деревенского здания, на стене которого висел большой политический плакат. Демонстрируя эту фотографию, профессор Кумар подчеркнул, что те, кто находится на задворках сельского общества, занимаясь традиционными видами искусства и физическим трудом, на самом деле высоко политизированы и являются защитниками демократии в Индии.

Аудитория мероприятия, помимо нас, студентов социологического факультета, состояла из равнодушных, вовлеченных в культурные городские и сельские проекты развития горожан и гостей Коломны. Обращаясь к ним, ученый акцентировал внимание на необходимости «объединять людей и содействовать их сотрудничеству», потому что именно единство действий простых людей творит историю. Судхир Кумар Сутар предложил возродить идею Шелкового пути, который, как и прежде, сможет объединять Индию и Коломну. А молодым коллегам подчеркнул важность их интеллектуального вклада в развитие культуры.

Послелекционное обсуждение в формате семинара вышло крайне оживленным. Помимо уже упомянутых Судхира Кумара Сутара и Александра Никулина, на вопросы отвечал *Александр Куракин*. Q&A секция получилась насыщенной и началась со слов *Александра Никулина* о непохожести Индии и России (по климату, численности населения, доминирующей религии) и одновременно многолетнем сотрудничестве. Обсуждалось, в частности, переоткрытие Шелкового пути в современных условиях товарного разнообразия, острой социально-экономической дифференциации и противоборствующих политических интересов. На взгляд индийского социолога, укрепление отношений между Россией и Индией должно обеспечиваться за счет увеличения межличностных отношений. Ему были заданы и другие вопросы относительно его исследований сельской жизни, например, причин самоубийств индийских фермеров. На вопрос о кастовой системе ученый ответил, что не видит проблемы в ее разрушении, при этом он высказывал осторожное, неоднозначное отношение именно к урбанизации. Судхир Кумар Сутар считает, что сплочение местных активистов, которое уменьшает отток населения и благоприятствует форми-

рованию региональной идентичности, в Индии вызвано борьбой за доступ к базовым ресурсам. В России же из-за удовлетворенности основных потребностей распространена атомизация. Тем, кто хочет посетить Индию, но имеет ограниченное количество времени, профессор посоветовал побывать в Далихаре, где сельская Индия представлена в широком социокультурном плане.

После окончания официальной части дачных мероприятий, как правило, происходит их неформальное продолжение. Многие из гостей и докладчиков перешли к обсуждению впечатлений от услышанного, обмену опытом в сфере их общего интереса — сельского-городского культурного развития.

Хотя основной темой всего мероприятия был вопрос работы с индийским аграрным наследием, важность сказанного оказалась весьма актуальна для культурно-исторической жизни Коломны. За местными коломенскими музеями Пастилы, Патефона, Трамвая и выставками, посвященными медоварению и сидроделию, стоит давняя традиция местного сельского и ремесленного производства. Туристический фактор бережно и точно подчеркивает смыслы и символы, которые отсылают к уникальному во многом крестьянскому человеческому капиталу, прошлому города Коломны.

*Д. Р. Давлетов,
У. С. Семовских*
Сельско-городское
развитие через
проекты сохране-
ния историко-куль-
турного наследия
Индии и России

Rural-urban development through the projects for preserving the historical-cultural heritage of India and Russia

Damir R. Davletov, Master's Student, joint program of the Faculty of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences, and the Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of Economics and Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: davletov324@outlook.com

Ulyana S. Semovskikh, Master's Student, joint program of the Faculty of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences, and the Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of Economics and Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: ulianasemovskikh@gmail.com

Крестьяноведение

2023. Том 8. №1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 875
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru